

Министерство образования
и науки Российской Федерации

Коми государственный
педагогический институт

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный
и методический журнал

№ 3 (5) / 2012

Сыктывкар
2012

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал

Издается с 2011 года

*Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора*

Адрес:

167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 25

Телефон: (8212) 24 32 35; (8212) 20 16 01

Факс: (8212) 21 44 81

Редакционный совет журнала:

- Васильев П.В., кандидат педагогических наук, доцент (г. Сыктывкар)
- Глазачев С.Н., доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)
- Гончаров С.А., доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург), *председатель*
- Золотарев О.В., доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Китайгородский М.Д., кандидат физико-математических наук, ректор Коми государственного педагогического института (г. Сыктывкар)
- Королева Т.П., кандидат педагогических наук, доцент (г. Сыктывкар)
- Леете А., доктор философии, профессор (г. Тарту, Эстония)
- Люсый А.П., кандидат культурологии (г. Москва)
- Машарова Т.В., доктор педагогических наук, профессор (г. Киров)
- Мосолова Л.М., доктор искусствоведения, профессор (г. Санкт-Петербург), *зам. председателя*
- Муравьев В.В., доктор философских наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Садовский Н.А., доктор педагогических наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Соколова Л.В., доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Сулимов В.А., доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар)
- Фадеева И.Е., доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар)
- Шабает Ю.П., доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар)

Редакция журнала:

- Королева Т.П., Майбуков А.Г., Сулимов В.А., Фадеева И.Е.
- Ответственный редактор – Фадеева И.Е.

<http://www.kgpi.ru>, rio@kgpi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Иванова И. И.</i> Семиотико-методологические возможности герменевтики	5
<i>Кожемякин Е. А.</i> Тексты институциональной культуры: дискурсивное измерение	14
<i>Люсый А. П.</i> Парад и марш: эйкономика текстов. Опыты мастер-нарративов в условиях историостазиса	25
<i>Шаркова Ю. В.</i> Философская автобиография как нарратив эпохи	48

СФЕРА МЕДИА

<i>Бозрикова С. А.</i> Особенности криминальной нарративной журналистики в Америке и России	55
<i>Казакова К. А.</i> Анализ семиотических моделей рекламы как способа повышения эффективности коммуникативного взаимодействия между брендом и покупателем	63
<i>Плотникова Л. И.</i> Лексические новообразования в текстах газетной публицистики: лингвокреативная специфика	72
<i>Якушина Н. В.</i> Особенности языка в коммуникативной среде Интернет	82

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Заикина О. Н.</i> О параметрах комплексного анализа семантической категории (на примере концепта «Луна» в русском языке)	89
<i>Катермина В. В.</i> Соматизмы в номинации человека (на материале произведений Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса)	99
<i>Лыткина О. И.</i> Текст как объект изучения современной лингвистики	110
<i>Позднякова Е. Ю.</i> К вопросу о функционировании автограффити в современном автомобильном жаргоне	119
<i>Сердюк А. М.</i> Семантическая интерпретация названий растений: аксиологический потенциал (на материале русского, украинского, немецкого и французского языков)	125
<i>Фалилеев А. Е.</i> Языковая личность политика (на материале английского языка)	146

<i>Филонов Е. А.</i> Как Диканька стала вселенной? (О стратегии рамочного повествования в «Вечерах на хуторе...» Н. В. Гоголя)	155
--	-----

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Шабает Ю. П.</i> Данные переписей как инструмент формирования дискурса о культурном апокалипсисе	163
---	-----

МЕТОДИКА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Петухова М. Е., Симулина И. А.</i> Фольклорные прецедентные тексты в практике обучения русскому языку как иностранному	175
---	-----

Авторы выпуска	185
-----------------------------	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И. И. Иванова

Семиотико-методологические возможности герменевтики

УДК 81-139

В статье анализируется современное состояние семиотико-культурологических исследований и делается вывод, что оно определяется проблемами перехода от структурализма к постструктурализму. В результате возникает необходимость существенно пересмотреть соответствующую методологию и выбрать такую, которая в наибольшей степени отвечает специфике собственно гуманитарных исследований. Такой подходящей методологией является герменевтика, и в статье демонстрируются некоторые ее возможности.

Ключевые слова: семиотика, семиология, структурализм, постструктурализм, лингвокультурология, герменевтика, герменевтическая логика, универсальная герменевтика, герменевтический методологический стандарт.

I. I. Ivanova. The Semeiotic-methodological Means of Hermenevtic

The article deals with analysis for modern state of semeiotic-culturological studies, the conclusion is drew that the state is taken shape by problems for transition of structuralism into poststructuralism. As a result the barest necessity arises to essentially revise the respective methodology and discover the one what corresponds with specificity of the proper humanities in the best way. That sort of methodologies is the hermenevtic, and in the article some of its means are shown.

Key words: semiotics, semiology, structuralism, poststructuralism, linguistic-culturology, hermenevtic, hermenevtical logic, universal hermenevtic, methodological standard of hermenevtic.

В семиотико-культурологическом комплексе к настоящему времени накопилось более чем достаточно научных дисциплин – лингвокультурология, семиотика, семиология, семиография, кинезика, проксемика, паралингвистика, психолингвистика, текстология, – а заод-

но, как следствие, накопилось более чем достаточно вопросов об их специфике и взаимоотношениях между собой. При этом в европейской гуманитаристике теории означивания предпочитают делить либо на американскую (от Ч.С. Пирса) и парижскую (от А.Ж. Греймаса) ветви [13:14–16], либо на семиотическую и семиологическую [21:385–386]. Что касается российской и, отчасти, американской гуманитаристики, то там термин «семиотика» в основном используют для обобщения всех перечисленных направлений [21:386]. Однако какого бы дифференцирующего подхода ни придерживаться, все равно вслед за блестящим семиологом У. Эко приходится признать, что «актуальное состояние вопроса не позволяет дать строгую систематизацию, ограничивая наши возможности катологизацией, не носящей исчерпывающего характера» [21:389]. В том числе это касается и определения места структурализма с герменевтикой, которые в рассматриваемом семиотико-культурологическом комплексе пока еще упомянуты не были.

Между тем, среди исследовательских направлений в анализе объектов знаковой природы одним из самых адекватных по своей специфике научно-методологических подходов принято считать структурализм. И хотя для многих подобная оценка отнюдь не бесспорна, однако при этом вряд ли возможно проигнорировать, скажем, такой факт, что исключительно по семиотическому признаку протекает даже внутренняя дифференциация структурализма: семиологически-структурное течение, грамматика текста, семиотическая коммуникативистика [8:275]. Более того, даже самим своим происхождением (из гештальтпсихологии, русской формальной школы литературоведения, а также Пражского лингвистического кружка, Копенгагенской глоссематики и Йельского дескриптивизма как главных школ языкознания) структурализм обязан в основном лингвистике, а наибольшая его продуктивность отмечена на этапе распространения лингвистической методологии на исследование культуры (с последующим рождением лингвокультурологии), этнографию, психоанализ и прочие области гуманитарного знания. Однако нельзя проигнорировать и то обстоятельство, что едва лишь началось «размывание» структурно-лингвистического метода (в результате включения его во вненаучные контексты), как тут же наметился возвратный к эффективной гуманитарной методологии путь. Иными словами, после вступления структурализма на постструктуралистский путь, когда началась онтологизация структуры и одновременно поиск структур сменился поиском всего того, что выходит за их рамки, программа призывов к научности завершилась: «Онтологизировать структуру – это значит, опусто-

шая запасники *различного*, всегда, везде и с полной убежденностью в своей правоте открывать *То же самое*» (курсив. – У. Эко) [21:384].

Что касается современного состояния семиотико-культурологических исследований, которое оформилось под значительным влиянием процессов преобразования структурализма в постструктурализм, то таковое, как выясняется, определяется даже не фактором почти полного исчезновения из них еще относительно недавно весьма актуальной герменевтики (во многом «сросшейся» со структурализмом)¹, а скорее все более заметной утратой в том числе и по этой причине их собственно научного характера. Между тем герменевтика как область гуманитаристики, ответственная за объяснение и понимание, в свою очередь подвержена множеству трактовок и интерпретаций, среди которых обращают на себя внимание следующие: (1) искусство толкования священных текстов [2; 14], (2) интерпретация религиозных и философских текстов с точки зрения их общественно-исторического контекста [13], (3) искусство толкования любых семиотических объектов (текстов в широком смысле) [4; 16], (4) теория понимания [11; 12; 20], (5) техника постижения смысла [19], (6) искусство постижения чужой индивидуальности (так называемая «психологическая герменевтика») [15], (7) методология собственно гуманитарных наук [6; 9; 10], (8) учение о сугубой специфике философского знания [3], (9) учение об общих принципах гуманитаристики [1], (10) выявление онтологического статуса человеческой жизни [17; 18]. И хотя к семиотико-культурологическим исследованиям (лингвокультурологии в широком смысле) имеют безусловное отношение все перечисленные трактовки, однако к их научной природе – главным образом значения (5), (7) и (9). При этом следует заметить, именно герменевтика в ее методологическом аспекте наилучшим образом обеспечивает связь исследовательских рассуждений со всевозможными внедискурсивными факторами и прочими нерациональными моментами, имманентно присущими гуманитарной сфере, – всем тем, на чем как раз и «споткнулся» постструктурализм.

С учетом же того, что специфика любой науки зависит от двух основных моментов – ее предмета и методов изучения, – а методы определяются особенностями предмета, приходится признать именно за герменевтикой статус собственно гуманитарной методологии. В самом деле, если вести речь о своеобразии гуманитаристики и, соответственно, ее отличии не только от естественных, но и от социаль-

¹ В знаменитой работе У. Эко «Отсутствующая структура. Введение в семиологию», например, о герменевтике нет даже упоминания [21], а в едва ли не единственном имеющемся на русском языке «Словаре семиотики» [13] только единственное упоминание и имеется.

ных наук, то в качестве искомого предмета следует назвать знаковые системы как таковые, то есть тексты в самом широком смысле: «Текстовая природа гуманитарных наук обуславливает некоторые особенные признаки, характерные для всех гуманитарных наук... К таким признакам относится принципиальная невозможность изъятия текстов из мира культуры, вне которого они теряют свою значимость» [9:129]. При подобном подходе, правда, все гуманитарные науки незаметно обращаются в лингвокультурологию, но именно так, возможно, и выглядит действительное соотношение данных сфер знания на сегодняшний момент, поскольку именно сейчас становится особенно очевидно, что всякая гуманитарная когнитивность опосредована текстами. И поскольку, скорее всего, вопрос здесь на самом деле заключается лишь в неустоявшейся терминологии, то, во избежание путаницы, далее условимся употреблять только один термин – «гуманитаристика». Что касается герменевтики, то в рамках данной статьи она будет рассматриваться только в методологическом смысле, а ее главной задачей будет считаться обеспечение понимания текстов.

Важно заметить, что решение проблемы понимания какого бы то ни было текста, в конечном счете, сводится к постижению смысла составляющих его предложений и выявлению структурных связей между ними. Успешность же осуществления данных процедур, понятно, требует соблюдения определенных логико-семантических условий [11:429]:

- исходное определение синтаксической формы текстового понимания, которое предполагает соответствующее владение грамматическими навыками и знание смысла логических констант, способность оперировать ими в согласии с общепринятыми нормами логики;
- выявление важных в смысловом отношении структурных единиц текста;
- знание семантических значений этих структурных единиц;
- учет употребляемого контекста (притом, что контексты могут быть языковыми и неязыковыми) и, как следствие, устранение многозначности выражений, уточнение значения структурных элементов и текста в целом;
- учет всевозможных прагматических моментов, под которыми понимаются и обстоятельства создания текста, и познавательный уровень участников коммуникации, и биографические сведения об авторе, и наличие исторической дистанции между интерпретатором и автором текста, и их принадлежность к общей либо разным культурам.

Только при выполнении перечисленных базовых условий становится возможным применение собственно методологических проце-

дур герменевтики, представляющих собой, как и в случае всякой иной методологии, определенную последовательность шагов. Причем сама эта последовательность, зависящая от исследовательских задач и иных приоритетов интерпретатора, может быть представлена по-разному. Так, например, герменевтика библейских текстов (с которой герменевтическая методология, собственно, и начиналась¹), по мнению ряда специалистов-экзегетов, состоит в последовательном прохождении следующих шагов-этапов [2:52]: (1) историко-культурный анализ (рассматривает социокультурную среду, в которой писал автор); (2) контекстуальный анализ (рассматривает соотношение конкретного отрывка со всем произведением и общим замыслом автора); (3) лексико-синтаксический анализ (выявляет значение словесных выражений и их связи друг с другом); (4) теологический анализ (изучает уровень богословских знаний у первых читателей библейских текстов); (5) литературный анализ (определяет жанр и присущие конкретному текстовому фрагменту литературные приемы); (6) сравнение с результатами других интерпретаторов (компаративистика собственной герменевтики, полученной на предыдущих пяти этапах, с герменевтикой других интерпретаторов); (7) применение произведенной герменевтики («...перевод значения библейского текста, которое он имел для первоначальных слушателей, в значение для верующих, живущих в другое время и в другой культуре» [2:52]). И хотя речь в данном случае идет о весьма специфическом, священном тексте, однако инструктирующий по поводу его интерпретации экзегет настаивает на том, что, по крайней мере, первые четыре этапа относятся к самой обычной, общей герменевтике.

По многим параметрам совпадает с этой процедурой библейского толкования и юридическая герменевтика Гуго Гроция, изложенная в

¹ Всего же, согласно неопубликованной рукописи «Герменевтика и ее проблемы», принадлежащей выдающемуся российскому ученому-гуманитарию Г.Г. Шпету [9:13], герменевтика в своем становлении прошла следующие этапы:

- 1) протогерменевтика (в период деятельности греческих софистов);
- 2) раннехристианская герменевтика (вылилась в Александрийскую школу аналогистов и Пергамскую школу буквалистов, которых отчасти примирил между собой Августин, представивший практически современное определение знака, обосновавший необходимость учета контекста для определения значения, использовавший принцип конгениальности автора и читателя, а также вполне рационалистически поставивший проблему понимания);
- 3) герменевтика периода теоретико-схоластического оформления римского права и начала профессиональной подготовки юристов;
- 4) герменевтика периода Реформации (особенно в трудах Матиаса Флациуса Иллирийского и Гуго Гроция);
- 5) герменевтика Нового времени (представленная такими именами, как И.М. Хладениус, В. Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей).

работе «О праве войны и мира»¹ и включающая в себя грамматическую, логическую, историческую, техническую и рекомендательную интерпретации. При этом грамматическая интерпретация предполагает достижение ясного и однозначного понимания словесных выражений, логическая – установление строгих отношений между понятиями, а историческая – приведение текста в соответствие с текущим временем. Особого внимания и искусства требуют техническая интерпретация, в рамках которой производится учет специфики конкретного законодательства (в основном посредством выявления широкого и узкого значения технических терминов в зависимости от различных условий), и так называемая рекомендательная (предназначенная для практического применения профессиональными юристами). Поскольку же, как и в случае с библейской герменевтикой, главное значение для Г. Гроция имеет практическое использование процедуры толкования, то основные правила рекомендательной интерпретации формулируются в явном виде: при неблагоприятных обстоятельствах следует пользоваться обычным, народным употреблением слов; из слов, имеющих большой спектр значений, нужно выбирать слово с более широким значением; желательно использовать термины в их прямом значении и избегать переносных значений; фигуральные выражения допустимы при простых обстоятельствах с целью освобождения от усложненной юридической терминологии [5:405–406].

Понятно, что представленные интерпретационные подходы необыкновенно созвучны герменевтическим представлениям Ф. Шлейермахера (в свое время декана теологического факультета Берлинского университета), который видел соответствующую методологическую процедуру как последовательное выполнение конкретных правил [19]: сначала осуществляется общий обзор произведения; одновременно раскрывается психологический и грамматический контекст (подтекст); если на определенном этапе анализа достигается концептуальное единство психологической и грамматической интерпретаций, то производится дальнейшее движение по тексту; в случае отсутствия искомого единства регламентируется возвращение к исходному пункту (и так многократно, до достижения необходимого согласования); постижение текста признается достигнутым только в самом его конце, после диалектического понимания частей из целого и наоборот. При этом данному комплексу правил, сопровождаемых соот-

¹ Примечательно, что одна из глав этой книги так и называется «О толковании». Само же толкование для Г. Гроция есть средство прояснения текстов и выявления подлинного, непротиворечивого их содержания с целью ясного и простого применения на практике.

ветствующими методологическими принципами (диалогичности, «лучшего понимания»¹, герменевтического круга, дифференциации способов толкования²), придан статус «универсальной герменевтики», то есть процедуры, применимой абсолютно к любым текстам. Думается, именно последнее обстоятельство в конце концов и позволило признать текст частью такого целого, в качестве которого выступает культура, а гуманитаристику воспринять просто как лингвокультурологию.

К настоящему времени «универсальная герменевтика», творчески переработанная целым рядом последователей Ф. Шлейермахера, обрела более совершенный вид и стала называться герменевтическим методологическим стандартом. Обобщенно главные особенности последнего могут быть представлены следующим образом:

1. В качестве исходного принципа принимается дихотомия естественных и гуманитарных наук;
2. Предметной основой гуманитарных наук признается текст, а главным средством анализа гуманитарных явлений – язык;
3. Системообразующим элементом культуры объявляется слово (язык) как выполняющее главную культурологическую функцию;
4. Поскольку слово считается принципом культуры, то принципы исследования слова распространяются на исследование культуры;
5. Гуманитарное познание признается исключительно диалогичным, причем такой его характер одновременно используется еще и для отличия гуманитарных наук (диалоговая форма знания) от наук естественных (монологическая форма знания);
6. Последовательно реализуется принцип сочетания объективного и субъективного исследовательских подходов:

¹ В соответствии с этим принципом целью герменевтики считается достижение понимания текста и его автора лучше, чем сам автор понимал собственный текст. Соответственно современный исследователь должен лучше самого автора знать его текст и его мир, а исследователь, представляющий какую-то свою культуру, способен глубже постичь особенности другой культуры. Во многом действие принципа «лучшего понимания» объясняется тем, что исследователь, осуществляющий свой анализ сознательно, поставлен в совершенно иные условия, нежели человек, живущий в определенное время и в определенной культуре, многое из того, что его окружает, воспринимает бессознательным образом (в том числе это относится и к автору, язык и культура которого, в отличие от исследователя, являются просто неосознанными регуляторами жизни). Впрочем, у этого принципа были и серьезные противники: «Эта рафинированная методологическая формула ...представляется явно неподобающей для цеха филологов» [3:242].

² Среди способов толкования Ф. Шлейермахер различал объективно-исторический, объективно-дивинаторный, субъективно-исторический и субъективно-дивинаторный, считая их тесно связанными между собой.

1) области специфически знакового содержания (объективный смысл текста) и психологические моменты, оправдывающие принцип «лучшего понимания»¹, разделяются: вещественные компоненты текста воспринимаются, а его идеальная сторона понимается;

2) субъективные намерения автора и все характеристики, определяющие его внутренний мир, считаются фоном (внелингвистическим контекстом), оказывающим существенное влияние на смысл текста;

3) категория понимания расценивается не с психологической, а с семантической и общефилософской точек зрения (понимание следует отличать от эмпатии);

4) личность автора воспринимается не как знаково-символическая структура, а как феномен того же порядка, что и родовая сущность человека;

5) собственно методологическим приемом считается объяснение;

6) специфицирующим гуманитаристику и потому необходимым условием исследования при реконструкции субъективных условий, в которых складывался объективный смысл текста, признается учет внелингвистических факторов, мотивационных установок, бессознательных моментов, социокультурных факторов;

7. Основным средством наделения смыслом исследуемых знаково-символических конструкций считается интерпретация, по отношению к которой культивируется терпимость к множественности ее результатов и которая обеспечивается специфическими методологическими средствами: герменевтическим кругом, вопросно-ответными методиками, контекстным методом, семиотическими и психологическими приемами, специальными логическими подходами.

Что касается упомянутых логических средств, то здесь имеется в виду герменевтическая логика, более или менее оформившаяся лишь в самое последнее время (благодаря работам Г.Г. Шпета, Х. Липпса, Ф. Роди), хотя первые попытки ее создания можно обнаружить еще в XVIII в. – у Х. Вольфа и И.М. Хладениуса. При этом базовыми методологическими принципами герменевтической логики являются следующие: учет зависимости рассуждений главным образом от специфики их непосредственного предмета; опора на интерпретацию как основную цель и функцию рассуждений; исследование преимущественно диалогических форм мышления; теснейшая связь рассуждений (как рациональных по своей природе процедур) со всевозможными

¹ При этом сам принцип используется скорее как целевая установка, нежели реально достижимый идеал.

нерациональными моментами гуманитаристики. Следует, однако, заметить, что в собственно логическом аспекте логико-герменевтическая проблематика выглядит довольно необычно [7:184]. Это, к примеру, вопросы использования не столько прямого, сколько косвенного и переносного значений, а также вопросы преимущественно контекстного значения, причем в рамках самых разных семиотических систем (среди последних системы, имеющие непосредственное отношение к языку и мышлению, фигурируют совсем не обязательно). Это также исследование понятий не с точки зрения принятого в логике синхронного метода, а в аспекте их исторической изменчивости. И это, в конечном счете, концентрация исследования на смысловом содержании мышления, а не на мыслительных структурах, выражаемых логическими константами. Иными словами, все это проблематика, которая, будучи сосредоточена на прагматике и чрезвычайно широко трактуемой семантике, лишает герменевтическую логику собственно логического статуса [7:185]. Впрочем, возможно, именно данное обстоятельство и делает ее столь привлекательной для герменевтики.

-
1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
 2. Верклер Г. А. Герменевтика: Принципы и процесс толкования Библии. Мичиган : Бейкер Брук Хауз; Гранд Рапидс, 1995.
 3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988.
 4. Герменевтика и деконструкция. СПб. : Изд-во Б.С.К., 1999.
 5. Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994.
 6. Дильтей В. Возникновение герменевтики // Дильтей В. Собр. соч. : в 6 т. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. С. 235–262.
 7. Иванова И. И. Логический статус герменевтической логики // Современная логика: проблемы теории и истории : материалы XI Международной научной конференции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. С. 183–185.
 8. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М. : Интрада, 2001.
 9. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М. : Изд-во МГУ, 1991.
 10. Кузнецов В. Г. Логика гуманитарного познания // Философия и общество. 2009. № 4 (56). С. 22–63.
 11. Кузнецов В. Г. Понимание текстов // Словарь философских терминов. М. : ИНФРА-М, 2005. С. 427–430.

12. Малахов В. С. Герменевтика // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 511–513.
13. Мартин Б., Рингхэм Ф. Словарь семиотики. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
14. Неретина С. С. Герменевтика // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2000. Т. 1. С. 509–511.
15. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М. : Искусство, 1996.
16. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Медиум, 1995.
17. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. М. : Прогресс, 1991. С. 284–315.
18. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Изд-во «НОУ – “Высшая религиозно-философская школа”», 1998.
19. Шлейермахер Ф. Д. Э. Академические речи 1829 года // Метафизические исследования : альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском факультете СПбГУ. СПб. : Алетейя, 1997. Вып. 3. История. С. 242–260.
20. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М. : ИФ РАН, 2002.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Е. А. Кожемякин

Тексты институциональной культуры: дискурсивное измерение

УДК 376.80

В статье представлен обзор основных текстовых характеристик институционального дискурса, в рамках которого «воспроизводится» культура общественных институтов. Описаны основные признаки текстов политического, религиозного, юридического и образовательно-педагогического дискурса. Особое внимание уделено самореферентному характеру институционального производства знания в дискурсе и текстовых форм его выражения.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, текст, институт, знание

E. A.Kozemjakin. Texts of institutional culture: discourse dimension

The article discusses the main features of institutional discourses in terms of which the culture of social institutions is “produced”. It observes the key characteristics of texts of political, religious, juridical and educational discourses. The special attention is drawn upon the self-referent nature of the institutional production of knowledge and text forms of its representation.

Key words: *discourse, institutional discourse, text, institution, knowledge*

Институциональная культура (культура общественных институтов) представляет собой систему intersубъективных, разделяемых норм, принципов, практик, ожиданий, определяющих не только характер взаимодействия между людьми, но и «стили» познания и типы знания (когнитивно-эпистемические характеристики жизнедеятельности). В рамках общественного института люди не только «делают» нечто повторяющееся, прогнозируемое и при этом имеющее значение для них, но и знают нечто представляющееся важным, очевидным, естественным, особенным. Эти когнитивно-эпистемические аспекты общественного института не абстрактны, не «эйдически ощутимы», а выражены в совершенно конкретных знаково-символических формах (Э. Кассирер), что определяется самой прагматикой института. Представляя себя в полях политической, религиозной, юридической и прочих культур, индивиды вынуждены соотносить это представление с определенными, основанными на консенсусе системами означающих и означаемых, которые допускают определенное («политическое», «религиозное», «юридическое») прочтение их действий, намерений, «габитусов» [1]. Так, «заниматься политикой» означает для субъектов политической культуры ровно то, что представлено в характерной для этого института семантике – в базовых политических текстах (нормативных документах, учебниках по политологии и государственному управлению, публичных выступлениях авторитетных фигур и т. п.).

Никлас Луман обращает внимание на самореферентный характер институциональных систем: субъекты институциональной культуры создают и семантически закрепляют особую реальность, которая фактически выступает в качестве системы референций для каждого нового высказывания, действия, практики; в качестве обоснования существования самого института [4].

Этот самореферентный процесс бесконечного семиозиса, в ходе которого институт становится всё более и более «реальным», в данной работе мы обозначаем термином «дискурс». Выражаясь более точно, под дискурсом мы понимаем такую форму институциональной

культуры, которая представлена исторически, социально и культурно обусловленной речемыслительной деятельностью, в рамках которой происходит формирование и реконструкция важных для института смыслов, закрепленных в концептах и текстах.

Далее мы представим некоторые результаты наших попыток систематизировать характеристики текстов, «оформляющих» когнитивно-эпистемическое поле институциональных культур. Поскольку речь пойдет в том числе о типологии текстов, поясним, что мы выделяли следующие их типы:

- нарративные (текстовые единства, основанные на последовательности изложения, структура которого становится более определяющей в отношении смысла текста, нежели природа и специфика элементов структуры);
- тезисные тексты (тексты, в которых смысл достигается и поддерживается за счет ценности каждого отдельного высказывания);
- референциальные тексты (тексты, воспроизводящие смысл, поддерживаемый другими текстами);
- дескриптивные тексты (тексты, локализирующие смысл на генерализованном описании действительности).

Политический дискурс

Политический дискурс оперирует довольно широким спектром текстов – от референциальных до нарративных и дескриптивных. В этом мы можем обнаружить его сходство с педагогическим и религиозным дискурсами. Отметим, что подобное многообразие текстовых жанров в политическом дискурсе свидетельствует о речевой природе самой политической деятельности: политика как совокупность речевых действий порождает разнообразие текстов как собственного следа, как материальной формы своего существования.

Поскольку целью политического дискурса является не столько описание объективной действительности, сколько конструирование реальности особого типа – политической [7, 8], то тексты также носят преимущественно декларативно-перформативный характер, которым обладают в основном референциальные («цитатные») и тезисные (декларативные) тексты. Таковыми являются достаточно распространенные в политическом дискурсе политические обзоры, представляющие собой набор цитат из выступлений политических деятелей, а также обращения, декларации, ноты, официальные заявления.

Не менее важными в отношении трансляции базовых идей и ценностей являются тексты, в большей мере ассоциирующиеся с иными дискурсами, – художественные, публицистические, законодательные и даже научные тексты используются политическими агентами в ка-

честве инструмента воздействия на сознание и опыт реципиента. Это объясняется тем, что в целом тип текста не всегда совпадает с типом дискурса. Например, законодательные тексты могут в полной мере использоваться и в политическом, и в юридическом дискурсах, различие заключается в оценочном модусе законодательного текста, который в юридическом оценивается по шкале «должно – не должно», а в политическом – по шкале «доминирование – подчинение». Законодательный текст в юридическом дискурсе нормализует, в то время как в политическом – устанавливает различия и подчиняет; более того – речь может идти об одном и том же тексте, но о различных дискурсных стратегиях его реализации и, соответственно, о различных – юридической и политической – интерпретациях текста.

Религиозный дискурс

Несмотря на то, что текстовое пространство религиозного дискурса отличается широким спектром текстов различного жанра, их «смысловой центр» всегда совершенно однозначно распознаваем: *сакральный текст* содержит в себе базовые положения религии, служит ориентиром и отправной точкой в реализации дискурсной практики как на официальном, так и на повседневном уровнях религии. Сакральный (канонический) текст фактически представляет собой запись религиозного учения, он сам представляет собой учение, не подлежит трансформации, но может быть интерпретирован, как мы показали выше, для объяснения жизненных ситуаций и построения новых текстов в рамках определенной религии. Сакральный текст наделяется статусом символа веры, ее содержания и даже ее адресанта. Особенностью канонического текста является его агентивность и генеративность – с ним «ведут диалог», он «обучает», «наставляет», «воспитывает». Его отличие от базовых текстов иных дискурсов заключается в том, что он заключает в себе религиозную картину мира и исключает критическое действие по отношению к себе – он есть «голос Бога», предельный смысл, высшая ценность, абсолютный закон; он сам есть доказательство самого себя и отрицает «внешнее» доказательство собственного статуса, как это допускается в иных дискурсах, например, в юридическом – даже в отношении Конституции или в политическом – в отношении нормативных актов властных групп.

Сакральный текст наделяется метастатусом – он является образцом построения иных текстов и предопределяет текстовую иерархию в зависимости от степени их сакральности и социокультурной значимости: канонические произведения, не вошедшие в сакральный текст, но имеющие к нему отношение; авторские сочинения, поясняющие фрагменты сакрального текста (например, патристика в христианстве,

хадисы в исламе); катехистические тексты (краткое изложение религиозного учения); тексты, используемые в культах (богослужебные книги, молитвенники, etc.); авторская мистико-эзотерическая литература; проповеди; толкования; законодательные тексты (например, в иудаизме или исламе); конфессионально-светская литература [5, 9]. Для определения места текста в иерархизированном текстовом пространстве необходимо учитывать коммуникативную цель, коммуникативный статус, перформативность высказывания, степень авторитетности источника, характер адресата. Так, ритуальные тексты, бесспорно, имеют большее значение, чем конфессионально-светские тексты, поскольку адресатом первых считаются сверхъестественные сущности, Бог, высшие силы (таковы, например, молитвы).

Религиозный дискурс предполагает не только актуализацию канонических и создание интерпретативных текстов, но и использование интертекстуальных единств. В этом аспекте религиозный дискурс в большей мере, чем другие дискурсы (в частности, политический и юридический) «вторгается» в соседние жанровые пространства: литература, публицистика, наука, медицина в разное время и в разной степени испытали влияние религии, что отразилось на корпусе их текстов. Известны примеры классической литературы, научных трактатов, выполненные в рамках религиозной дискурсной практики; однако, с течением времени и со сменой исторических дискурсных формаций, эти тексты утратили свой первоначальный религиозный статус, оставаясь тем временем свидетельством своеобразной экспансии религии в междискурсном пространстве.

Отмеченное жанровое и стилистическое многообразие религиозных текстов проявляется также и в том, что они организуют достаточно сложное интертекстуальное единство: референциальные, цитатные, дескриптивные, тезисные тексты дополняют, развивают, уточняют друг друга, фактически являясь репрезентациями канонических сакральных текстов с содержащимся в них аутентичным смыслом и ценностями религии.

Стратегии «захватывания внимания» адресата с помощью канонических текстов и их интерпретаций, а также с помощью текстов различных типов и жанров достигают своего максимального эффекта с учетом их строгой контекстуальной обусловленности.

Юридический дискурс

Тексты юридических документов содержат и раскрывают базовые понятия и категории юриспруденции (например, законодательные акты), содержат критерии оценки правомерности действий (в частности, уголовный кодекс), описывают технологию правореализации

(договор или устав), создают информационные прецеденты (заявление или обращение). Однако, главным образом, тексты фиксируют нормы и правила человеческого общежития. Собственно, юридическая дискурсивная практика принципиально невозможна без текстовой основы, выступающей и как практический ориентир, и как догматическое «оправдание» юридических действий, и как знаковая форма права. В этом отношении очевидны некоторые аналогии с религиозным сакральным текстом, который также вмещает в себе картину мира и моделирует частные речемыслительные и поведенческие ситуации. Однако мы не склоняемся к чрезмерно радикальной точке зрения, согласно которой текст трактуется как «онтологический предел» юридической практики, за которым не существует иной реальности. Различие между функциональностью текста в юридическом и религиозном дискурсах состоит в том, что юриспруденция оперирует текстом как методом, а для религии характерно восприятие сакрального текста как высшей ценности, абсолютного объекта и одновременно субъекта коммуникации.

Несмотря на предписывающий характер юридического текста, он тем не менее может стать объектом критической рефлексии, в то время как религиозный текст представляет собой объект абсолютной ценности и не может быть оспорен. Текст как метод юридической практики также обладает ценностными характеристиками, но, во-первых, исключительно в определенных культурно-исторических рамках и, во-вторых, преимущественно в прикладном аспекте. Так, Библия в христианстве – это символ веры, «голос Бога» и агент коммуникации, а Конституция – это модель идеального общественного устройства, социальная ценность и метод оценки общественных отношений. Именно в силу различий в «онтологическом» и аксиологическом статусах юридический текст – даже Конституция – может быть переписан, отредактирован, исправлен, а религиозный – остаётся неизменным и может быть лишь подвергнут интерпретации. Эта особенность свидетельствует о том, что юридический текст не вмещает в себя всю реальность и является результатом совместной деятельности индивидов. Соответственно, изменения в общественном порядке могут повлечь за собой изменения в законодательстве.

Юридический текст не только выполняет нормирующие, воздействующие и регулирующие, но и социально-прагматические функции: с помощью юридических документов коммуниканты конструируют и контролируют социальный порядок, но, главным образом, выражают свои интересы, создают и защищают свои права, закрепляют в законодательном порядке (легитимируют) свои социальные позиции. Официальные юридические документы объективируют средства пра-

вового регулирования (то есть буквально «отчуждают» их от субъекта и, соответственно, блокируют риск индивидуального произвола), а также транслируют их широкой аудитории.

Мы склонны придерживаться того взгляда на природу юридической деятельности, в соответствии с которым право трактуется как способ создания и закрепления определенной системы общественных отношений, как своего рода «общественный договор». С этой позиции юридический текст можно трактовать и как репрезентированную социальную реальность, и как социальный конструкт. Юридический текст выражает общественное устройство, формирующим принципом которого является не правовой, а принцип иного характера – например, экономический или политический. Соответственно, изучение юридического текста дает возможность как сформировать представление о правовой культуре того или иного сообщества, так и судить о тех базовых принципах общественного устройства, выражением и «оправданием» которых он является.

Если политический или религиозный дискурсы характерны тем, что реальность становится эффектом высказываний и текстов, то юридический – тем, что она также репрезентирована посредством базовых концептов (*право, справедливость, государство*, etc.). Познание в юриспруденции в принципе сводится к познанию на основе текстов и посредством текстов.

Итак, юридический текст не только описывает, но и предписывает: законы и подзаконные акты ориентированы на регуляцию отношений между людьми. Однако, независимо от своей функциональности и своего содержания, юридические тексты обладают гомогенными структурой, жанровыми особенностями, лексическими характеристиками, то есть они *формально* гомогенны.

Характерной особенностью всех юридических текстов является их особая терминологическая (понятийно-смысловая) «нагруженность», что объясняется необходимостью точной и формализованной оценки действий людей как правовых или внеправовых. Иными словами, юридический термин выступает в роли маркера нормы поведения или отклонения от нее, обеспечивая однозначную интерпретацию и универсальную трактовку содержания текста. Однако слишком высокая «терминологичность» юридических текстов имеет также и другой эффект – их «наивный» реципиент может вообще не понять его содержания и не сформировать никаких интерпретаций, не имея соответствующего опыта или не прибегая к помощи специалистов. В этом мы видим специфичную парадоксальность юридических текстов, с одной стороны, ориентированных на предельно точное формулирование и описание правовых феноменов и, с другой стороны, предъяв-

ляющих достаточно высокие требования для интерпретации и понимания их содержания. Эта парадоксальность становится возможной благодаря характерному для юридического дискурса сочетанию нормирующей цели и закреплению за текстовой составляющей системообразующей функции.

Следствием этой особенности юридического дискурса является необходимость в профессионализации института права. Юрист-профессионал наделяется полномочиями составления и интерпретации юридических текстов, а также оценки адекватности действий индивидов закрепленному праву. Фактически, «работа с юридическим текстом» является легитимной только при наличии двух условий – если ее осуществляет профессионал (юрист или политик, занимающийся законодательной деятельностью) и если она выполняется в соответствии с конкретными институционально закрепленными задачами и хронотопом (так, зачастую нелегитимным считается подписание нотариусом юридических документов вне нотариальной конторы или внесение поправок в существующее законодательство вне заседаний правительства).

Профессиональная интерпретация, однако, не аналогична религиозной интерпретации текстов, так как не ориентирована на поиск «аутентичного» или латентного смысла текста. Напротив, профессиональная интерпретация юридического текста предполагает трактовку буквального значения высказываний и терминов. Юрист выступает не только в своеобразной роли «переводчика» с юридического на обычный язык, но и в качестве автора текстов; однако его «творческий потенциал» как автора ограничен как принципом «коллективного автора» юридического дискурса, так и содержанием прецедентных юридических текстов.

Прецедентность текстов юридического дискурса представляется свойством, достаточно важным для понимания его сути. Каждый новый юридический текст становится возможным благодаря существованию и употреблению уже существующих текстов. «Преимственность» текстов необходима, с одной стороны, для более точного воспроизведения норм, правил, решений и, с другой стороны, для «блокирования» нежелательных (недопустимых, нелегитимных, неправовых) интерпретаций базовых текстов законодательного характера. В связи с этим изучение прецедентности юридических текстов позволяет определить базовые принципы той или иной правовой системы и «логику» формирования определенного ценностно-когнитивного поля, характеризующегося (вос)произведением одних знаний и ценностей и исключая другие. Наиболее показательные результаты на сегодняшний день получены в ходе исследований прецедентности

психиатрического и пенитенциарного дискурсов, осуществленных Мишелем Фуко [6].

К прецедентным текстам, безусловно, следует отнести Конституцию государства, его уголовный кодекс, различные акты и конвенции международного уровня, то есть тексты, которые фиксируют «волю общества» как правообладателя. Качественные и количественные характеристики субъекта права являются основанием иерархии юридических текстов, выражающей более и менее легитимные тексты, а также тексты, могущие в большей или в меньшей степени стать прецедентом для иных юридических текстов.

По сравнению с текстами иных дискурсов, юридические тексты не отличаются большим жанровым разнообразием – преобладающими жанрами юридических текстов традиционно являются референциальные и тезисные тексты. Скорее, речь идет о разнообразии документов, типы которых различаются по признаку реализации коммуникативных функций и социально-прагматических целей (законы, указы, распоряжения, договоры, заявления и прочие). Это обстоятельство делает возможным рассмотрение юридических текстов в контекстуальном контексте. Не требующим доказательств является тот факт, что юридический дискурс в меньшей степени определяется контекстом, чем, например, политический и в большей степени специфичен универсальным содержанием, чем, например, образовательно-педагогический дискурс; тем не менее роль контекста в юридических дискурсивных практиках представляется достаточно значимой и определяющей в ряде моментов.

Образовательно-педагогический дискурс

В отличие от иных типов дискурса образовательно-педагогический дискурс оперирует преимущественно текстами, заимствованными из иных институционально-культурных полей. В сфере образования отсутствуют универсальные «канонические» (как в религиозном дискурсе) или идеологические дискурсообразующие (как в политическом дискурсе) тексты. Скорее, речь следует вести о так называемых «локально доминирующих» текстах, которые конституируют порядок и логику дискурсивной практики в рамках конкретных учебных предметов или дисциплин или в определенной области профессиональной подготовки. Так, классические образцы национальной и мировой литературы будут служить своего рода «отправной точкой» для возможных высказываний и текстов в рамках преподавания истории литературы, а фундаментальные тексты, описывающие физические законы, – в сфере преподавания физики. Здесь проявляется межинституциональный характер образовательно-педагогического дис-

курса: научные, политические, художественные тексты «импортируются» в него с целью создания более общего дискурсивного поля, в котором осуществляется целенаправленная социализация и инкультурация индивидов [3]. При этом базовые прецедентные тексты могут выступать не только в роли «эталонных» объектов познания, но и в роли ценностно-нормативных образцов.

Крайне важной разновидностью текстов в образовательно-педагогическом дискурсе являются тексты, используемые в качестве объекта анализа и интерпретации в процессе учебной коммуникации, особенно в рамках преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Эта особенность во многом специфицирует указанный параметр образовательно-педагогического дискурса в том отношении, что эти тексты, как правило, имеют «непедагогическое» происхождение; это могут быть художественные произведения, документальные свидетельства, законы, политические тексты, фрагменты повседневной речи – все они могут выступать в качестве инструмента или средства учебно-воспитательной коммуникации. Это объясняется необходимостью формирования разносторонней компетентности учащихся и задачами интеграции индивида в широкий социокультурный контекст. Здесь очевидны корреляции с научным – особенно социально-гуманитарным – дискурсом, в котором объектом изучения также могут выступать тексты совершенно различного происхождения в зависимости от «исследовательского интереса».

Еще один пласт текстов составляют собственно педагогические тексты, описывающие, нормирующие и моделирующие практическую учебно-воспитательную деятельность. К таким текстам следует отнести как признанные в педагогическом сообществе работы ученых, воспитателей и всех тех, кто непосредственно вовлечен в педагогическую деятельность, так и узкоспециализированные тексты предписывающего или контролирующего характера, регулирующие деятельность педагогов (учебные планы, памятки учителю, методические рекомендации, характеристики уроков, отчеты о работе классных руководителей и кураторов, профессиограммы, протоколы педагогических собраний, etc.). Подчеркнем, что тексты последнего типа – предписывающе-контролирующие – особенно распространены именно в этом типе дискурсивной практики, что, однако, не исключает «подчинения» образовательно-педагогической дискурсивной практики иным текстам или группам текстов. Это свидетельствует, с одной стороны, об ориентации образовательно-педагогической дискурсивной практики на самоорганизацию (сравним, например, с политической дискурсивной деятельностью, которая нормируется не столько «внутренними», сколько внешними – преимущественно юридическими – текста-

ми), а с другой стороны, о стратегии контроля над так называемой «аудиторной коммуникацией», которая является в значительной степени контекстуальной, трудно контролируемой и закрытой для непосредственно не вовлеченных в нее субъектов.

В отношении формальных характеристик текстов, используемых в образовательно-педагогическом дискурсе, можно отметить, что здесь присутствуют практически все их виды – нарративные, референциальные, дескриптивные, тезисные. Это объясняется тем, что и содержательные, и собственно формальные текстовые признаки предопределяются особенностями когнитивной деятельности адресатов и спецификой транслируемого знания. Так, ученики младшего школьного возраста в большей степени способны работать с нарративными, чем с референциальными текстами, а преподавание гуманитарных дисциплин характерно более активным обращением к дескриптивным и нарративным, а не тезисным и декларативным – как в естественно-научных и технологических дисциплинах – текстам. Отметим, что широкое применение нарративных текстов в образовательно-педагогическом дискурсе выражает в определенном смысле сущность образования, то есть поэтапное, последовательное, структурированное создание социокультурного субъекта. Несколько гиперболизируя, можно сказать, что структура наррации, используемой в образовательной дискурсивной практике, определена логикой самого образования. Её можно выразить формулой «создание условий для учебного или педагогического воздействия – последовательная трансляция опыта – закрепление опыта – оценка результатов»; нарративный текст, как известно, также обладает спецификой: наличием структуры «условия событий – развитие событий – последствия событий – подведение итогов».

В образовательно-педагогической дискурсивной практике реализация текстов тесно связана с ее контекстами, главным образом, в силу того, что она предполагает непосредственное диалогичное взаимодействие адресанта и адресатов, а также качественное изменение сознания и опыта индивидов.

Итак, трактуя институт как поле когнитивно-эпистемической, дискурсивно-текстовой деятельности, мы сталкиваемся с необходимостью ответить на вопрос о формах хранения и (вос)производства знания в данном институте, которые делают его «самореферентной сущностью», «очевидной реальностью». Как «делается» и «воспроизводится» текстоориентированный социальный институт в дискурсе? Как особый режим говорения и особые требования к познавательным стратегиям (например, к интерпретации) создают институциональную реальность? Что отличает структуры знания в различных институтах?

Эти вопросы со всей очевидностью обращают нас помимо всего прочего к изучению особенностей текстов, фундирующих институциональные культуры.

Очевидно, что это достаточно крупная исследовательская задача, которая, с одной стороны, не исчерпывается областью семиотики культуры, а с другой – требует не только собственно текстового, но и дискурсивного анализа, предполагающего выявление внетекстовых факторов смыслообразования.

-
1. Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : НГУ, 1995.
 2. Джемс У. Воля к вере. М. : Республика, 1997.
 3. Ежова Т. В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник ОГУ. 2006. №2. Февраль. Т. 1. С.52–56.
 4. Луман Н. Самоописания. М., 2008.
 5. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М. : ФАИР, 1998.
 6. Фуко М. Рождение клиники. СПб., 2008.
 7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2006.
 8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004.
 9. Fitzgerald T. The ideology of religious studies. N.Y. : Oxford University Press, 2000.

А. П. Люсый

**Парад и марш: эйкономика текстов. Опыты мастер-нарративов
в условиях историостазиса**

УДК 008.80

Статья представляет собой опыт нарративного подхода, направленного на взаимосвязь истории культуры с практикой историков в их работе с памятью. В то же время с привлечением опыта современного искусства обосновывается идея Вальтера Беньямина, что для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка. В итоге обосновывается идея создания ситуационного интерактивного памятника битвы истории и памяти, с целью освобождения последней из-под ига первой.

Ключевые слова: символический обмен, всеобщая экономика, нарративная функция, дискурс, авангард, реконструкция.

A. P. Lyusyj. *Imagenomics of history: Experiences master-narrative in conditions history with attraction of real and imagined mechanisms of a symbolical exchange of memory/oblivion*

The article represents experience the narrative approach directed on interrelation of cultural history with practice of historians in their work with memory. At the same time with attraction of experience of the modern art Walter Benjamin's idea is proved that for thinking it is necessary not only thought movement, but also its stop. The idea of creation the situational interactive monument of fight of history and memory, for the purpose of clearing of last from under a yoke of the first as a result expresses

Key words: symbolical exchange, general economy, narrative function, discourse, avant-guard, reconstruction.

Внутренние войска реконструкции (Введение)

– Озирисом? – переспросил я.

– Да. Хотя не очень понятно, какая связь. Зато четвертого ноября, в День Ивана Сусанина, он у них пять раз воскресал под Глинку. Специально кипарисы завезли и плакальщиц.

– Все национальную идею ищут, – сказал я.

В. Пелевин. *Empire V*

«Имеет ли нарратив свою собственную познавательную ценность?», – задается вопросом американский историк, а в данном случае скорее *историолог* Алан Мегилл в книге «Историческая эпистемиология». Оба ответа, утвердительный и отрицательный, представляются ему правильными, как и то, что отношения между ними не симметричны, поскольку ответы эти занимают разные концептуальные территории. «Чтобы сказать, что нарратив имеет собственную познавательную ценность, скорее нужно вызвать в памяти общее... а не отдельное. Чтобы твердо придерживаться ответа “Да”, необходимо, таким образом, понимать историописание, прежде всего, как имеющее целью подтвердить или изменить способы людей видеть мир и действовать в нем. Наоборот, чтобы твердо придерживаться ответа “Нет”, необходимо понимать историописание как, прежде всего, нацеленное на предложение специфических, обоснованных дескрипций и объяснений прошлой действительности, не подтверждая и не изменяя “структуру исторического сознания” людей... Но эти ут-

верждения расположены в пределах интерпретирующей структуры, связанной с настоящим. Таким образом, ответ “Да” истинен в более широком смысле. Однако, сказав это, я также должен обратить внимание на то, что ответ “Да” не только отдает дань нарративу, но и приглашает к его критике» [14: 172]. Нарратив – путь от теории к практике точного, методического и непрерывного конструирования, деконструирования и реконструкции исторического прошлого.

Импульсом для данных заметок опять послужил парад на Красной площади – на этот раз 7 ноября 2011 года [12]. Точнее, жанр мероприятия был определен как торжественный марш, посвященный 70-летнему юбилею парада 1941 года, сыгравшего исключительную роль в поднятии морального духа (его участники, как известно, прямо с площади шли на фронт). Сама война в тот момент приобрела характер войны парадов, воображаемого и реального, оказавшегося равнозначным победе в большом сражении. Ведь Гитлер тоже надеялся провести свой военный парад к этому времени именно в этом месте, а когда стало ясно, что этого не получится, авиация противника делала все, чтобы помешать состоявшемуся в реальности параду, но ПВО Москвы оказалась на высоте.

И вот теперь, когда в живых осталось 65 участников того парада, из которых прибыть на Красную площадь смогли только 42 ветерана, сначала имела место историческая реконструкция парада 1941 года. Были использованы раритетная техника образца 1941 года и тогдашняя зимняя форма одежды, в которой прошли по парадному пути около 900 нынешних военнослужащих внутренних войск МВД России со знаменами воинских частей своих дедов и прадедов. Затем по брусчатке двинулись около четырех тысяч юных представителей военно-патриотических клубов, организаций и поисковых отрядов, а также воспитанники кадетских школ Москвы, что превращало урок памяти в урок преемственности и надежды.

Однако азартные игры держателей российского календаря, напоминающие тасование карточной колоды (даже не классическая «тройка, семерка, туз», а примитивнейший «чет-нечет»: «семерка» – «четверка»), мемориально-воспитательный эффект урока существенно ослабили¹. Парад 1941 года был празднованием 24-й годовщины

¹ Ср. со срочно организованной в Москве, вопреки всем педагогическим установкам насчет недопустимости контрольных работ в выходные дни, да еще в неурочное время, «деполитизирующей» единой городской контрольной работой по русскому языку в субботу 10 декабря 2011 года в 15.00, ко времени начала первого оппозиционного митинга на Болотной площади. За одно это министр образования и науки РФ А.А. Фурсенко заслуживает отставки (при том, что самим оппозиционерам в качестве жертвы в тот момент, кажется, вполне достаточно было председателя ЦИК В.Е. Чурова, возмож-

Октябрьской революции, с датой которой новая российская власть эпистемиологически совладать не смогла, предпочтя мановением моющей руку руки ликвидировать ее как класс. Сначала был придуман «промежуточный» (социально примирительный и «уговорительный») День согласия и примирения, который затем вообще перестал быть «красным днем календаря», уступив место «альтернативной» дате 4 ноября, дате освобождения Москвы от польских «интервентов», которые, между прочим, были вовлечены сюда для наведения «порядка» тогдашней отечественной «семибоярщиной» образца XVII века для сохранения своих властных позиций, как некогда это случилось с «варягами». В итоге 7 ноября 2011 года школьники, вместо того, чтобы припасть к телеэкранам, для опознания своих одноклассников в красочном действе уже не реконструкции, а посильной перспективы, сидели на обычных уроках (организовать просмотр шествия в самих школах тоже никому в голову не пришло). Так что на твердую педагогическую «четверку» политиканствующие календарные картежики пока не тянут, оставаясь максимум – «троечниками».

В свое время Платон в диалоге «Теэтет» обосновывал понятие *eikōn* (отпечаток) как основу искусства «верного воспоминания», которое противопоставлялось *phantazma* (призрак) как искусству творить призрачные подобию. Подробно рассматривая эту пару понятий в книге «Память, история, забвение», П. Рикёр намечает эпистемиологические принципы того, что мы бы сформулировали как *эйкономика* истории.

С одной стороны, предлагаемый термин очевидно перекликается с всеобъемлющим понятием *экономика* (*oikonomia*), первоначально обозначавшем домоводство, включавшее в себя не только организационно-управленческие отношения, но и отношения ценностного и энергетического обмена, взаимодействие которых строится на принципах дополнительности. Позднейшая неклассическая матрица «всеобщей экономии», которая была унаследована от Ф. Ницше через Ж. Батая Ж. Деррида в его принципе «экономимезиса», была представлена в исследованиях С.Л. Кропотова, в которых данная концепция «позволила выявить соответствие между избытком коннотативных значений в искусстве (в частности, в искусстве историописания. – А.Л.) и эскалацией знаковых различий в товарном производстве в постиндустриальном обществе», зафиксировать подобие функционирования прикладного и фундаментального знания оборотному и фон-

ная жертва которым, если уж размышлять в духе пространственно-временного погружения в XVII век, напоминала бы жертву царевым окольничим Плещеевым с целью погашения Соляного бунта в 1648 году). Однако контрольные работы продолжились и в последующие «критические» московские субботы.

довому капиталу – по законам обращения денежной массы¹. К этому также можно добавить теорию прибавочного элемента в искусстве, сформулированную Казимиром Малевичем, но эту тему мы отдельно затронем позже.

С другой стороны – тут чисто акустическое присутствие оклика «Эй!», в сознании автора перекликающегося с тем окликом Слова (Логоса), которым Бог в раннем христианстве окликал вещи, *так* вызывая их из небытия, что в XX веке пытался повторить основная фигура внимания и полемики с стороны Ж. Дерриды М. Хайдеггер². «Не превращает ли это своего рода увековечение, осуществляемое в ходе повторения ритуалов, независимо от смерти одного за другим тех, кто участвует в праздновании, наши поминания в акт глубочайшего от-

¹ «В рамках матрицы “всеобщей” экономики осуществляется смещение понимания теории и теоретического: вместо абстрактного, дискурсивно доказуемого экстракта позитивной сути, она дополняется внешними ей, нетеоретическими элементами (метафорами, риторикой, нарративом, политической стратегией и т. п.), маргинальными ей жанрами мистического общения, художественного письма, границы и логика которых превышаются и смещаются. Вся радикальность отличия, вводимого посредством “всеобщей экономики”, состоит в проблематизации самой возможности дискурсивного объяснения, в оспаривании возможности полного учета логически непредвиденных последствий самых продуманных, рациональных действий и их результатов, будь то в макроэкономике, будь то в научной теории или художественном тексте. ...Деррида утверждает неклассический вариант *мимезиса* в философии и искусстве. Объектом репрезентации в “экономимезисе” являются не предметы, а порождающие их процессы знакового производства и символического обращения. Для того чтобы уподобиться их операциям, субъект должен в себе, в своем имени, теле, судьбе обнаружить следы их работы, преобразив их действие в тексте в ряд экономических эффектов, измерений. Первый из них – это погружение благодаря соединению экономики и дифференса в атмосферу внешнелично мотивированной, искусственно созданной неотвратимости – своего рода экономической неизбежности. Второе измерение выражает принцип “экономической иронии”, непрерывного переворачивания ценностных дискурсивных оппозиций с целью переосмысления претензий субъекта на достаточность и стабильность существования... Амбивалентная логика “экономиметического” письма, стирающего старый инструментальный мышления и тут же конституирующего новые различия, делает письмо причастным самодвижению истории культуры... Подлинным субъектом является продуцируемый макроэкономикой перманентный сдвиг ценностных структур. Основой письма является не волюнтаристское желание нечто сказать, но стремление избавиться от дестабилизированного состояния переполненности действием силы сигнификации и выйти из-под ее власти, подарив ее читателю посредством текста» [10:23, 30, 31] [11:122–135].

² «Оклик тождества исходит от бытия сущего. Но там, где бытие сущего в западном мышлении на его раннем этапе начинает получать выражение, а именно – у Парменида, там “to auto”, тождественное, заявляет о себе с почти безграничной широтой» [23:21]. «Всякое проговаривание и “окливание” заранее уже предполагает речь. Если обыденному толкованию известен “голос” совести, то здесь мыслится не столько озвучание, фактично никогда не обнаруживаемое, но “голос” воспринимается как давание-понять. В размыкающей тенденции зова лежит момент удара, внезапного потрясения. Зовут из дали в даль. Зовом задет, кого хотят возвратить назад» [22:271].

чаяния, чтобы противодействовать забвению в его наиболее скрытой форме – в форме стирания следов, превращения в руины? – вопрошал П. Рикёр. – Ведь это забвение, как кажется, действует в точке соединения времени с физическим движением, в той точке, где, как отмечает Аристотель в “Физике” (IV, 12, 221 a-b), время “точит” и “уничтожает”» [19:72]. Далее следует формула, напоминающая знаменитые экономические схемы «Капитала» К. Маркса: «...Освободительная сила работы скорби, будучи работой воспоминания, оплачивается дорогой ценой. Здесь действует принцип взаимосвязи: работа скорби есть цена работы воспоминания; однако работа воспоминания – это прибыль от работы скорби» [19:108].

Переходя к *мнемотехническому перевороту* по части соединения мнемотехники и оккультной тайны, центральной фигурой которого стала исследовательница творчества Джордано Бруно Фрэнсис Йейтс, Рикёр размышлял об искусстве «почленного соответствия», позволяющего «разместить на концентрических кругах “колеса” – “колеса памяти” – положение звезд, перечень добродетелей, набор выразительных жизненных образов, список понятий, череду героев или святых, все мыслимые архетипические образы (в нашем случае – от семибоярщины до семибанкирщины. – А.Л.), короче говоря, все то, что может быть перечислено, систематизировано» [19:98]. В поле зрения французского философа начатое Сократом и Платоном перемещение дискурса об *eikōn* в сферу «технических инициатив» образной инструментализации памяти. На глубинном уровне символических опосредований действия память включается в работу по конструированию идентичности с помощью нарративной функции. «Подобно тому, как персонажи рассказа, а вместе с ними и рассказанная история включаются в интригу, нарративная конфигурация способствует моделированию идентичности главных действующих лиц, а также и контуров самого действия» [19:98].

Не претендуя на исчерпание архетипических образов предлагаемым неологизмом, предлагаем далее вниманию читателя три истории об истории (*stories about history*), в центре которых образы реальных и воображаемых механизмов, заявляемых нами как стохастические¹. «Так что, – писал М. Фуко в «Порядке дискурса», – если задаешься целью осуществить в истории идей самый малый сдвиг, который состоит в том, чтобы рассматривать не представления, лежащие, возможно, за дискурсами, но сами эти дискурсы как регулярные и разли-

¹ Стохастический (от греч. *stochastikos* – умеющий угадывать), случайный, вероятностный. Мониторинг и изучение стохастических процессов необходимы для создания управляющих структур и моделей противозатратного стохастического экспертного механизма функционирования больших иерархически активных систем.

чающиеся серии событий, то, боюсь, в этом сдвиге приходится признать что-то вроде этаким маленькой (и, быть может, отвратительной) машинки, позволяющей ввести в самое основание мысли *случай, прерывность и материальность*. Тройная опасность, которую определенная форма истории пытается предотвратить, рассказывая о непрерывном развертывании идеальной необходимости. Три понятия, которые должны были бы позволить связать историю систем мысли с практикой историков. Три направления, по которым должна будет следовать теоретическая работа» [21:83–84]. Три «метафорогенных устройства» как «блока условных эквивалентностей», может быть, способных генерировать новые тексты, составляющие «новую конфигурацию предпонятой сферы действия при помощи вымысла» [18:9].

Экоаудит: Танк и ветряная мельница

*Мельница на ветру для всех, кто
побежден в бою.*

Отто Ран

Двадцатый век оканчивался, помимо прочего, если кто-то помнит, и Международным конкурсом эссе «Освободить прошлое от будущего? Освободить будущее от прошлого?». Коллективным организатором его выступили журнал *Lettre International*, Институт им. Гете и тогдашняя культурная столица политически еще не единой Европы – город Веймар. Аналог замысла находился разве что в почти три столетия тому назад проведенном Сорбонной интеллектуальном турнире на тему «Как влияет развитие наук и искусств на улучшение нравов?», который выиграл писатель из Женевы, ставший на следующий же день символом своего, и не только своего, времени – Жан-Жак Руссо с работой, содержащей знаменитый призыв «Назад к природе!».

В конкурсе 1999 года, гран-при которого составлял 50 000 тогдашних дойчмарок, приняло участие 2281 эссеистов из 123 стран, включая известных ученых и писателей, лауреатов Нобелевской премии. Автор этих строк тоже не корысти ради (подтверждением чего служит сам факт публикации данных заметок в безгонорарном издании) принял участие в соревновании с эссе «Три танкиста», в котором в роли главного действующего лица выступил (или – выехал?) Темпоральный гносогенный танк (ТГТ) с двумя смотрящими в разные стороны, как у *тяни-толкая*, орудиями. Как доверительно сообщил мне позже один из консультантов, устроителям не понравился проду-

цируемый этим образом метафорический ряд – от «Быть или не быть» до «Бомбить или не бомбить» (остатки еще формально существующей Югославии, по отношению к которой у устроителей никаких сомнений не было) [20].

Победительницей оказалась студентка МГИМО Иветта Герасимчук, что было расценено в прессе как триумф России. Через пару лет Кирилл Кобрин обнародовал данные, согласно которым эссе победительницы «Словарь ветров» представляет собой механическую компиляцию из одноименного «Словаря ветров» географа Л. Проха [17] и посвященного ему сочинения Игоря Померанца «По шкале Бофорта» [9].

Мнение К. Кобрина опровергает предприниматель и продюсер Борис Румшицкий (правда, в устной форме), сообщив автору этих строк о своих планах «реконструкторского» издания под одной обложкой обоих «Словарей ветров», с последующей постановкой одноименной оперы в Балаклаве, в бухте которой в 1856 году внезапно налетевший шторм уничтожил практически весь англо-французский флот (своеобразная словарно-нарративная кульминация обоих текстов). Так ветры перемен и ветры постоянства, взаимодействия и противодействия которых и составили внутренний сюжет эссе, продолжили овеать его и в последующем, уже в отрыве от собственно содержания.

Сама И. Герасимчук с тех пор серьезных вторжений в историко-софские сферы не предпринимала, став достаточно известным экспертом по экологии, в частности, старшим советником Программы по экологизации рынков и инвестиций Всемирного фонда дикой природы (WWF), одним из авторов доклада о возможных путях России как экологической сверхдержавы», идеальным из которых было бы продвижение от «реагирующего» подхода к корпоративной социальной ответственности [5]. И именно на этой почве она косвенно произнесла свое «Вперед, к природе!» (а отнюдь не «держат нос по ветру»). Пока что, согласно ее уже аналитическим, а не конкурсным наблюдениям, погруженной в «веймарский синдром» России в международном «бестиарии энергоэффективности» принадлежит роль особо крупного доисторического животного – диплодока. Во-первых, энергоемкость российского ВВП сегодня в 2–3 раза выше, чем аналогичный показатель не только в развитых государствах, но и в остальных странах БРИК. А во-вторых, у России, похоже, два мозга, как и у диплодока (и других ящеротазовых динозавров): один – «головной», управляющий передней половиной тела, другой – «крестцовый», отвечающий за движения остальной части туловища.

«“Головной” мозг России, похоже, понимает, что если снизить энергоемкость российского ВВП, то обеспечение международных обязательств за счет запасов месторождений, введенных в коммерческую эксплуатацию еще в советское время, будет “растянуто” на более долгий срок без дополнительных инвестиций в воспроизводство минерально-сырьевой базы. Кроме того, инвестиции в энергоэффективность и снижение выбросов парниковых газов, особенно с учетом международных механизмов “климатического” финансирования, – мощный инструмент модернизации и диверсификации экономики.

Вместе с тем “спинным” мозгом Россия чувствует, что низкая энергоемкость экономики стран-покупателей отечественных углеводородов дает им большую свободу для маневра в отношениях с поставщиками и чревато снижением цен на энергоресурсы. А следовательно, подрывается основной сектор российской экономики, взамен которому «головной» мозг пока мало что сгенерировал. На арене международных «климатических» переговоров Россия занимает гораздо менее активную позицию, чем большинство других стран «Большой двадцатки», а «зеленая» составляющая в пакете антикризисных мер в нашей стране, по оценкам ЮНЕП, равна нулю (в Китае – свыше \$200 млрд, в США – свыше 100, в Японии – 36, в Германии – 14).

То, что “задний ум” понимает пока гораздо слабее – это то, что с энергоэффективным и “низкоуглеродным” ростом экономики открываются немалые возможности и для российского ТЭК. Во-первых, первый шаг к повышению энергоэффективности на всех рынках сбыта – замещение нефти, по запасам которой Россия занимает только седьмое место в мире, газом, по запасам которого наша страна – абсолютный лидер. Во-вторых, опыт программ финансирования энергоэффективности, реализуемых в России ЕБРР и МФК, показывает, что инвестиции в энергосбережение в нашей стране весьма выгодны, в том числе на предприятиях ТЭК, хотя сроки окупаемости варьируются. В-третьих, в условиях международной «декарбонизации» экономики и появления новых наднациональных механизмов «климатического» финансирования растет инвестиционная привлекательность «альтернативных» энергетических проектов. Среди них – утилизация попутного газа, строительство малых и средних АЭС и ГЭС (хотя в ряде случаев у экологов могут возникать возражения), освоение других возобновляемых источников энергии, переоснащение объектов и сетей газо-, тепло- и электроснабжения» [6].

В какой степени эти два типа мышления обусловлены двумя видами памяти по А. Бергсону? М. Хальвакс задавался аналогичным вопросом, отчасти возвращая нас к проблематике введения данных заметок: в каком смысле исчезновение или трансформация рамок памя-

ти влечет за собой исчезновение или трансформацию воспоминаний? «Либо между рамкой и разворачивающимися в ней событиями имеется лишь соприкосновение, но они созданы не из одной и той же субстанции, подобно раме картины и помещенному в ней холсту. Это как речное русло, берега которого заключают в себе поток, но лишь отбрасывают свое отражение на его поверхности. Либо же рамка и события тождественны по природе: события суть воспоминания, но и сама рамка состоит из воспоминаний. Эти два рода воспоминаний различаются тем, что вторые более устойчивы. Всегда заметны нам, и мы пользуемся ими для припоминания и реконструкции первых. Именно эту вторую гипотезу мы и припоминаем» [24].

Приведем также в виде комментария мнение еще одного французского историка Поля Вена: «Первый долг историка – установить истину, а второй – сделать понятной интригу: у истории есть критика (источников), но нет метода, поскольку метода понимания не существует. Так что кто угодно может вдруг сделаться историком, вернее мог бы, если бы при отсутствии метода история не требовала наличия культуры. Эта историческая культура (ее можно было бы также назвать социологической или этнографической) постоянно развивалась и достигла значительного уровня за последние один-два века: наши знания о *homo historiens* богаче, чем у Фукидида или у Вольтера. Однако это культура, а не знание; она заключается во владении топики, в возможности задавать все больше вопросов о человеке, но не в способности на них ответить. Как пишет Кроче, формирование исторической мысли состоит в следующем: со времен древних греков историческое знание значительно обогатилось; но не потому что нам известны принципы и цели человеческих событий: просто мы вывели из этих событий гораздо более богатую казуистику. Таков единственный вид прогресса, на который способна история» [3:254].

Историческое спинномозговое мышление – это мышление геополитическое, о котором последует речь далее.

Этажерка ходиков

Соблюдение единств, привязанность к пространственно-временной неповторимости – это последние пережитки истории как хранилища национальных и династических воспоминаний.

*Поль Вен. Как пишут историю.
Опыт эпистемиологии*

Пытаясь создать полную картину средиземноморского мира времен Филиппа II, Ф. Бродель разделил этот мир на три уровня: «структуру», «конъюнктуру» и «событие». Данный сюжет – именно о конъюнктурах.

При иначе сложившихся в стране и мире условиях Ленин мог бы стать одаренным предпринимателем, нэпманом для самого себя, подобно социалисту-предшественнику Роберту Оуэну. А филологу-античнику Вадиму Цымбурскому не пришлось бы заниматься политологией, переходящей в геополитику. Последняя, составленная самим автором, но увидевшая свет уже после его смерти книга «Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования» фиксирует точку этого перехода.

Предложив ранее основополагающую научную метафору *Остров Россия*, в течение всей последующей жизни Цымбурский прослушивал, как терапевт сердце, текущие ритмы сжатия/расширения этого Острова, страстно обозревая заодно и дальнейшую жизнь самой этой, запущенной в доступное общее пользование, метафоры. При этом текущая геополитика в целом схвачена ученым как донаучная алхимия, паранаучность языка которой обусловлена дорациональными по происхождению географическими *смыслообразами*, на которых строилась пропаганда стратегий вроде борьбы Континента с Океаном. Но ведь и эпохальных «заказов» на вневременные метагеографические мотивации нет, без чего получится не связная история геополитической мысли, а разве что «размазня» пространственного подхода при анализе политических процессов.

Впрочем, и для самого Цымбурского геополитика – не наука в принципе. Это сейчас скорее тип мобилизационного политического проектирования, преследующий три главных цели: «1) внушить элитам и народам отождествление с неким “географическим организмом”, изображенным моделью; 2) заразить их сознание некой “жизненной проблемой” этого “организма”, которую несет в себе модель; 3) увлечь их волю тем решением этой проблемы, которое модель подсказывает своей образной структурой». Это «форма внесения в мир политической воли, а не научная дисциплина, живущая процедурами верификации, самоопровержений» [25:136].

Отсюда закономерный вывод, что для геополитики важны не столько алхимические донаучные или научные (в духе атомизирующей физики), сколько химически функциональные образы. «Лозунг “Россия – европейская держава” геостратегически обесмыслен, а “Россия – Евразия” не дает никаких ориентировок, кроме стимула к чисто словесным авантюрам вроде “последнего броска на Юг”». Апелляции к межеумочности России на предполагаемом «пути из

англичан в японцы» лишь указывают на заключенную в географическом положении возможность, каковая, однако, пока еще никогда не реализовывалась в истории, так как основные связи Евро-Атлантики и великих приокеанских платформ Азии всегда в прошлом осуществлялись в обход России, касается ли это транспортного транзита или области идей (даже марксизм Япония узнала независимо от русских). И сегодня положение «между двумя океанами» (или, точнее, «между двумя очагами экономической мощи») – «образ, вовсе не утверждающий за нами непременно какую-либо прочную мировую функцию, но больше способный сигнализировать об опасности расползания России» [25:136].

Как глобус ни крути, но опорный паттерн в осмыслении ритмов сжатия и расширения и связанного с последним «похищения Европы» остаются атрибуты островного государства. «Остров Россия», поясняет Цымбурский, это не изоляционистская крепость. Автор, по его словам, «выводил» (!) эту модель «для осмысления ряда духовных и политических коллизий, пережитых в XVIII–XX веках сообществом по эту сторону Лимитрофа» (еще один ключевой термин, определяющий сухопутную «заводь», охватывающую постулируемый Остров с юга).

Во введении к книге «Speak, Memory!», имеющем характер авторского геополитического завещания, автор относит свою работу «к роду цивилизационного психоанализа», имея в виду окружающие фантазмы «возвращения в Европу» или «бредовые образования» типа тезиса Дугина насчет выстраивания «другой Европы – России будущего», где историческая Россия сводится до забытой периферии. Но если его и можно охарактеризовать как геополитического Фрейда, то – с бородой Менделеева. Исходя из знаний о базисных векторах человеческого опыта, вторичности «недорациональных», по М. Веберу (будь то ценностно-рациональных, аффективных или традиционных) типов действий по отношению к базисным универсалиям опыта, Цымбурский высказывает возможность «менделеевской таблицы» массовидных реакций на идеологически закрепленные клише. Геополитика, утверждает автор в статье «Бес независимости», – не основанная на концепте суверенитета социальная физика, продуцирующая нестабильность из-за конфликта между принципами легитимности и баланса, а основанная на идее авторитета молекулярная химия. Отмечая разрушительный характер концепта суверенитета для СССР, Цымбурский прослеживает коллизии суверенитета факта и суверенитета признания на постсоветском пространстве, где происходит выделение политической энергии за счет расщепления интегративной ткани общества. Метафора же острова позволяет говорить не о распаде, а

о сжатию России, обозначить диапазон вариаций, в которых можно говорить о сохранении России как геополитического субъекта, провести пределы, за которыми эта субъектность исчезает.

Возникает визуальный образ рецензируемой книги – геоменделеевская таблица-этажерка периодических пространственных элементов с расставленными по полкам часами для каждого из этих элементов, обозначающих утверждение интуитивно явной Цымбурскому исторической связи эпох. Вопреки О. Шпенглеру, не считавшему, что установленный им исторический цикл имеет какое-то отношение, В. Цымбурский переводит стрелки на циферблатах таким образом: «Высокая культура, которая “стартовала” в XV–XVI веках становлением Московского государства с его религиозными и художественными формами, в XVIII веке достигла стадии, соответствующей европейскому Высокому Средневековью, а со второй половины XIX века по наши дни переживает пору городской революции с временем тираний и с великой большевистской реформацией, собравшей разрушившуюся Белую империю под новую сакральную вертикаль (чего европейским протестантам XVI–XVII веков так и не удалось добиться при всех замыслах их лидеров реорганизовать Священную Римскую империю)» [25:314].

При всей этой отстающей наглядности шпенглеровского цикла в российской истории Цымбурский предлагает также иметь в виду материальную и духовную вовлеченность и в общий региональный, а потом и планетарный порядок, выстроенный высокой культурой Запада. На вызовы этого порядка все время приходится реагировать, как, к примеру, Петру Первому, в условиях еще только «феодализирующейся» России создававшему промышленность, технологически соответствующую уровню раннебуржуазной Европы (продуктивностью своей отчасти даже превосходя этот уровень). Такого же свойства проблемы создаются теперешними российскими мегаполисами (прежде всего – Москва как нью-петербург), городами-порталами неоимперского «объединенного мира», по ряду показателей соответствующие не российской стадии по шпенглеровскому циклу, а нынешней стадии Запада периода космополитических столиц и работающих на них империй.

Многие современные наблюдатели за империями акцентируют внимание на соответствии нынешних российских границ состоянию XVII века. Но, согласно Цымбурскому, «крутая федерализация России в XX–XXI веках в две волны – с падением сперва православной империи, а потом большевистской идеологической сверхдержавы стадияльно соответствует состоявшемуся еще в XV–XVI веках распаду европейской «духовной империи» на суверенные государства –

политическую собственность королей, князей и олигархий, – связанные поверх религиозных и идеологических расколов геополитикой и геокulturой. Поэтому-то выкованное европейскими политиками и законниками XVI–XVIII веков для осмысления постимперской (раннего модерна) ситуации понятие суверенитета в России тех времен интереса не представляло, но пришлось ко двору в конце XX и в XXI веке в применении к новому политическому «театру», в котором идея «верховой власти» схлестнулась с идеей «неотъемлемой политической собственности, укорененной в особенностях и традициях выделившихся в субъекты Федерации территорий. Таким образом, «федерация обретает у нас значение, аналогичное тому, какое абсолютизм и *national state* имели в истории евроатлантической государственности и политики» [25:314].

Таким образом, в результате реакции на соединение Фрейда и Менделеева получается внутренний Шпенглер. Менделеевская пространственно-временная таблица соединяется со своеобразной синусоидой соединительных между Западом и Востоком ритмов. Обоим флангам – пребывающей сейчас в мировом геополитическом тупике Евро-России и Дальнему Востоку, которому не то грозит, не то светит отход в тихоокеанский мир – присуще меридиональное географическое разворачивание по Волге и Дону, а также идущим с севера на юг железным дорогам. В строении дальневосточного фланга подобную роль исполняют как связывающее обжитую Южную Сибирь течение Лены, так и побережье Тихого океана. Тогда как разворачивание Урало-Сибири – преимущественно широтное, Транссиб и Северный морской путь соответствуют «фланговому» развороту зон тундры, тайги и степей.

Кажется, никто еще так адекватно не ответил Пушкину, которого чтение книги французского математика, инженера-кораблестроителя и статистика Шарля Дюпена «Производительные и торговые силы Франции» (1827) вдохновило на такие строки VII главы «Евгения Онегина»: «Когда благому просвещенью // Отдвинем более границ, // Со временем (по расчисленью Философических таблиц, // Лет чрез пятьсот) дороги, верно, // У нас изменятся безмерно...». Т. е., как границы ни отодвигай, сами направления дорог не изменятся...

Цымбурский, безусловно, проделал работу целого института геополитики, проявив свою геополитическую волю и в ряде конкретных рекомендаций властным структурам (с нередким досадным «надо было бы»). Нельзя сказать, что все бесспорно и обошлось без пробелов. В посвященной книге Андрея Зорина «Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века» рецензии он оперирует понятием

«греко-крымский комплекс», представляя его как способ «репрезентировать константинопольскую тему в очень специфических условиях русского XVIII века». Между тем, в книге Ольги Елисеевой «Геополитические проекты Потемкина», которая приведена в списке использованной литературы, показано принципиальное отличие пресловутого «греческого» проекта, который проводился в жизнь придворной «прусской партией», и альтернативного по своему духу «крымского» проекта (перечеркивающего «греческий»!) «русской партии», более соответствующего тогдашним интересам России [8:16].

Апеллирование автора к народам и элитам в конечном счете сводится к проблеме обновления элитного геополитического видения, поскольку «наш городской политический класс, чье становление началось при большевизме, существует в странном статусе потенциального класса, растворенного в посттоталитарной “толпе одиноких”». Рецензируя книгу В. Суркова «Тексты», он выражает «изумление» высказанному в этой книге сожалению об «отсутствии эффективного самоуправления в самых верхах нашего общества», о том, что «как только властную вертикаль выдергивают из общества, высший класс, такой прекрасный и самодостаточный, рассыпается в одну секунду». Т. е., на верху надо быть еще «суверенней», чтоб не дать перехватить власть «самоуправляющемуся» коллективному Ходорковскому из 2–3 процентов населения.

Изумление, однако, вызывает чисто аппаратный подход насчет особенностей верховных самоуправлений и полное отсутствие воли у кого-либо в этом элитарном собеседовании к строительству реальной демократии снизу. Между тем, если вернуться в «знаковый» для России европейский XV век, то тогда уже почти двести лет там развивалось магдебургское городское право, наращивающее слои фундаментальной свободы начиная самоуправления цехов и улиц. Цымбурский же выдает не только советы, но и индульгенцию на кратоиспускания с вертикали. Как там ею воспользуются?

Цымбурский – фигура трагическая в своем полном слиянии с исследуемым материалом. По его мнению, «история не кончилась до тех пор, пока ценности универсальной гражданственности рода противостоят ценностям расползающейся “великой простоты” – ценностям раковой клетки». К сожалению, организм взбунтовался именно таким образом против цветущей гражданской сложности (т. е. автор безвременно скончался), дальнейшая судьба которой теперь в руках читателей его книг.

**«Тебе броню дает родной завод “Компрессор”...»:
Куликово поле и посткуликов абсолют**

*Радий есть христианство, братия мои.
Пикассо есть христианство, братия мои. –
Есть пустыня Оптинская, в ней старец Нек-
тарий, убежище для паровозов и радия уготов-
ляет. Ночью Иисусу своему, из плоскостей и
палок состоящему, кадит и молится.*

Константин Вагинов. Козлиная песнь

По мнению Д. Эли, модусы анти-, интер- и кросс-дисциплинарности означают «нарушение, ...неповиновение, ...нарушение правил, ...перелом, пересмотр, экспериментирование, идейное новаторство, риск»; и также они направлены на то, чтобы «изменять наши привычные представления и традиции в сфере познания, для того чтобы избавляться от значений, а не накапливать их» (цит. по [15:357]). Парадокс «переломного» или «надломного» в самом себе движения – текущее *воцерковление* России идет в параллель с экономическим, политическим и эстетическим *восырьеванием*. Сквозь призму параллаксного видения Славоя Жижека пока что лучшим памятником героям Куликовской битвы 1380 года Александру Пересвету и Андрею Ослябе остается расположившийся было на их могилах компрессорный цех завода «Динамо».

Источники свидетельствуют, что когда Сергей Радонежский по просьбе Дмитрия Донского благословлял на подвиг этих двух уже не молодых послушников, он дал им «вместо тленного оружие нетленное» [16]. *Вместо (!)* стальных шлемов надлежало воинам возложить на себя схиму – матерчатый шелом ангельского образа с нашитыми на нем крестом и голгофами. Данная таким образом противнику техническая и отчасти тактическая «фора» придала дополнительную моральную силу и вследствие этого *динамичность* воинам, щиты и копья из рук все же не выпустившим.

Если бы у нас был другой генералиссимус (не Сталин, организовавший даже в Испании внутри гражданской войны еще одну свою внутреннюю войну против троцкистов и анархистов, а Франко, «примиривший» соотечественников общим памятником жертвам этой войны, но в нашем случае с неизбежной евразийской составляющей), вероятно, был бы уже воздвигнут какой-то общий памятник Пересвету и тюркскому богатырю, представителю буддистской воинской секты высшей степени посвящения Челубею. Но по-своему замечательный скульптор Вячеслав Клыков был не Сальвадором Дали и не Пи-

кассо. Его надгробие буквально отражает тот факт, что в Церкви Рождества Пресвятой Богородицы на территории Симоновского монастыря покоятся рядом павший в поединке с Челубеем Пересвет (удар получился такой силы, что погибли не только всадники, но и их кони) и Ослябя (сначала считалось, что он умер своей смертью через двадцать лет, но в последнее время прояснилось, что и он тоже пал на Куликовом поле).

Святыни закрывались и до Советской власти. Во время эпидемии чумы 1771 года монастырь был обращен в карантин (иноков перевели в Новоспасский монастырь, где они все умерли от болезни), а затем – в военный госпиталь (именно в эти годы по опустевшим кельям бродил сентиментальный литературный врачеватель Николай Карамзин). В самой церкви была трапезная. В 1795 году церковная жизнь была восстановлена стараниями духовенства и графа Мусина-Пушкина. В 1812 году не обошлось без одной из пресловутых наполеоновских колюшен.

Электротехнический завод, получивший название «Динамо» и ставший крупнейшим предприятием превратившейся в промзону Симоновской слободы, бельгийское акционерное общество – Центральное электрическое общество – начало строить еще в 1897 году. В 1906 году завод «Динамо» перешел в руки русского электрического общества «Вестингауз», дочернего филиала американской фирмы, крупнейшей международной монополии, которой принадлежали сотни предприятий и отделений в разных частях света.

Следствием социалистической индустриализации как практической реализации авангардного проекта стало поглощение монастыря заводом. Завод не стал ломать крепкие церковные стены, которые еще могли послужить на благо нового пролетарского государства. Надгробие могил Пересвета и Осляби было продано как железный лом за 317 рублей 25 копеек. «Вместо» могил в пол церкви врыли мощный мотор, который, работая, изо всех сил сотрясал стены. От производства полукустарным способом электрооборудования по зарубежной технической документации завод перешел к более масштабному производству электродвигателей и аппаратуры для электрического городского транспорта, краново-подъемных устройств, экскаваторов, прокатных станов и морских судов. В 1932 году отсюда вышел первый советский магистральный электровоз «Владимир Ленин». В годы Великой Отечественной войны завод выпускал оружие и ремонтировал танки.

Особенность российского имперского *«надлома»* заключается в том, что он изначально заложен в учреждающем имперском *«коренном переломе»* (петровском, большевистском, криминал-привати-

зационном). Во всяком случае, налицо такие параллели реставрационного *воцерковления/воссырьевления*. В 1977 году в ответ на обращение к А.Н. Косыгину членов Всероссийского общества охраны памятников с просьбой принять меры к реставрации церкви в преддверии празднования юбилея Куликовской битвы моторы с могил удалили (кажется, ничего более существенного реформистски настроенному Косыгину добиться не удалось, страна вступила в «застой»). В 1989 году храм Рождества Богородицы вернули РПЦ, но «надломилась» уже в себе самой и «перестройка» «надлома». Сейчас внутреннее убранство церкви практически восстановлено, но остановившийся завод теперь уже полностью разбирается тоже на металлолом, как и другие предприятия, часть которых превращается при этом в музеи современного искусства. В XVII–XVIII вв., во время колонизации Урала, возникло такое явление, как «завод-крепость». Приметой замены крепостной экономики на сырьевую стала «выставка-завод», что наглядно отразилось и в смене аббревиатур когда-то главной выставочной площадки страны: вместо ВДНХ – ВВЦ. «Отработанный» авангард опять возвращается в дистиллированное, при всей своей «экспериментальности», искусство. Время *соцарта* уходит, приходит *кап-арт*, зависящий от того, что там *накапает* из проходящей мимо местного руинированного с возможным художественным использованием завода трубы в подставленные кураторские («комиссарские»!) ладони.

Диалектику архетипически исторического (а не историописательного) «надлома» я бы представил следующим образом: *учреждающий коренной перелом – скелетно-тканевый нарост – надлом – геополитическая ампутация – сырьевая ортопедия*. Когда совершенно голый Олег Кулик встал на четвереньки, залаял и стал кусать прохожих перед российскими, американскими и западноевропейскими галереями (1994–1996), он напоминал агрессивный вариант требующего милостыни обезноженного инвалида войны, в условиях символической экономики приобретающего посредством прохода по глобальной электричке весь мир. Уже через несколько лет вполне традиционный «цербер» в штатском не пускал посторонних на закрытую пресс-конференцию по поводу открытия выставки «Absolut-Art» как ядра 7-й выставки-ярмарки современного искусства «Арт-Москва» (2007), куратором которой значился уже вполне респектабельно одетый художник с мировым именем Олег Кулик. В целом Кулик (ходили слухи, что именно он приобрел первый в своем роде «Винзавод», хотя на самом деле он просто открыл на этой артплощадке первую персональную выставку) актуализирует и проблематизирует новую утопию нового человека-собаки, знаменующую вывернутый вовне *самопоединок* собаки и Ивана Павлова.

Новые же, респектабельные, музейные утопии сырьевого потребления реальных, если так можно выразиться, утопий оказались практически одновременно представлены на выставках – «Футурология/Русские утопии» в Центре современной культуры «Гараж» (утопия искусства и языка), «Пространство для одиночества» (утопия одиночества) в «Проекте Фабрика», «Процесс» на дизайн-заводе «Флаконт», где раньше действительно делали хрустальные флаконы для парфюмерной промышленности (утопия суда, посвященная последнему процессу над Михаилом Ходорковским), позже «Космическое государство трансцендентальных переворотов» (экзобиологическая утопия государства в космосе) в «Проекте Фабрика» (Фабрика технических бумаг «Октябрь») и «19/91» в ArtPlay, бывший флагман приборостроения, завод «Манометр» (утопия памяти).

Здесь самое время объяснить по поводу другого нашего неологизма – *истриостазис*. Наибольшую известность, с использованием основы *stasis* (στασις) – стояние, неподвижность), приобрел термин *гомеостаз* — саморегуляция, способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия; стремление системы воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды. Есть еще *гемостазиограмма* – оценка функционального состояния свертывающей системы крови. Роберт Шекли в фантастическом рассказе «Билет на планету Транай» впервые использовал самостоятельно слово *стазис*, обозначающее поле, в котором прекращалась всякая деятельность организма, как рост, так и распад (на Транае в этом состоянии держат жён, извлекая оттуда по мере надобности), после чего этот термин широко распространился в сфере компьютерных игр.

Если известный тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» рассмотреть сквозь призму учреждающего «нуля» одного из отцов авангарда Казимира Малевича, то понятие *истриостазиса* напрашивается само собой. Утверждая нуль как Альфу и Омегу как живописного, так и философского супрематизма, К. Малевич, с одной стороны, смыкался с как будто бы не ведомым ему буддизмом, с другой – прозревал эпоху «виртуальной реальности», для постижения которой необходимы новые умозрительные способности. Более того, представляя сразу два Нуля в одноименном рисунке («Два Нуля»), дублируя их количество словесно, художник-демиург как бы делал вызов структуре самого мироздания. В дальнейшем на холсты Малевича вступили люди-нули – ярко красочные фигуры с отсутствующими чертами лиц. Знаменательно название (а особенно подзаголовок) одной из его брошюр «Бог

не скинут. Искусство. Церковь. Фабрика» (1922). В теории и практике он созидал синтетичный храм религии «чистого действия» – из нуль-пространства и времени. «Для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка, – об аналогичном ритме применительно к сфере исторического познания размышлял В. Беньямин. – Там, где мышление в один из напряженных моментов насыщенной ситуации неожиданно замирает, оно вызывает эффект шока, благодаря которому кристаллизуется в монаду. Исторический материалист подходит к историческому предмету исключительно там, где он предстает ему как монада. В этой структуре он узнает знак мессианского застывания хода событий, иначе говоря: революционного шанса в борьбе за Угнетенное прошлое. Он ухватывается за него, чтобы вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории; точно так же он вырывает определенную биографию из эпохи, определенное произведение из творческого пути» [2:86].

Борис Гройс в статье «Искусство как авангард экономики» описывает, в сущности, парадигмальный сдвиг в современном искусстве от производства к потреблению (что, впрочем, безосновательно трактуется при этом как проявление самой сущности искусства)¹. В какой-то степени это соответствует политическому принципу компромисса,

¹ «Сейчас художник больше не является рабочим, пусть даже привилегированным, но начинает рассматривать мир собирающим взглядом господина... Сегодняшний художник, как фотограф, как медиа-художник или как собиратель рэди-мэйдов, конечно, находится на одном уровне с коллекционером по затратам времени и сил. Это уравнивает производителя и потребителя картин в сегодняшней временной экономике взгляда... Посетитель допускается искусством – но он не есть его подлинный потребитель. Скорее он принимает определенный род потребления, который, в качестве образца, демонстрирует ему художник в своей выставке, как прежде принимали в качестве образца аристократический образ жизни. Сегодняшний потребитель искусства больше не потребляет работу художника. Скорее он вкладывает свою собственную работу в то, чтобы потреблять как художник... Если манеры сегодняшнего художника аристократичны, то его методы, соответственно нашему времени, скорее бюрократичны или, точнее, технико-управленческие. Художник выбирает, анализирует, модифицирует, редактирует, перемещает, комбинирует, репродуцирует, управляет, помещает в ряд, выставляет или оставляет в стороне. Он манипулирует произведением искусства, как огромная современная администрация манипулирует всеми возможными данными. И делает он это с такой же целью: чтобы навязать потенциальному покупателю взгляд, перспективу, которая открыла бы ему интересный, новый, волнующий вид мира... Художник в наше время окончательно поменял стороны баррикады. Он не желает больше быть ремесленником или рабочим, который производит вещи, предлагающие себя взгляду других. Вместо этого он стал образцовым зрителем, потребителем, пользователем, рассматривающим, оценивающим и “воспринимающим” вещи, которые были произведены другими... Как фланёр с его суверенным взглядом, художник сегодня есть тот бесконечный потребитель, чье инновативное, “ненатуральное”, исключительно искусственное потребительское отношение представляет телос любой хорошо функционирующей экономики» [7].

противопоставляемому Ф. Анкерсмитом принципу консенсуса с его «плебисцитной» демократией: «Компромисс, как и сама репрезентация, скорее организует знания, чем добывает или пропагандирует их. Компромисс креативен в той же мере, что и репрезентация, и политик, которому удастся сформулировать условия наиболее удовлетворительного и долговременного политического компромисса, есть политик-художник *par excellence*. Что же касается консенсуса, то он губит политическую креативность в той же мере, в какой компромисс ее стимулирует» [1:32]¹.

«Влечение постмодерна к границам и конфликтным зонам, – вернемся к наблюдениям С. Кропотова, – имеет прямые коннотации с экономикой как пространством сопоставления несопоставимого, объединения разнородного, а сами пограничные зоны культуры оказываются стратегическим резервом неизвестного, “паралогического” (не-знания, не-искусства), которое противостоит рассудочной рациональности и имеет в постиндустриальной культуре экономическую ценность: является источником динамики, способно к генерированию новых эвристических смыслов.

¹ См. далее: «Перед лицом проблем нового типа, которые пришли на смену угрозе гражданской войны и выдвинулись на первые позиции в нынешней повестке дня (это как раз те проблемы, которые репрезентативная демократия, так сказать, ввела в обиход), главную опасность представляют для нас сегодня три искушения: установление прямой демократии, перекладывание ответственности за принятие решений на экспертов (будь то специалисты, делегированные от корпораций или от бюрократии) и погоня за консенсусом. Каждое из этих искушений чревато (для тех, кто не устоит перед ними) тяжелыми последствиями, о которых уже шла речь выше. Поэтому я предлагаю двигаться в противоположном направлении: мы должны сделать нашу репрезентативную демократию еще более репрезентативной, то есть более отвечающей эстетическому критерию оценки. Я полагаю, что нам следует стремиться к тому, чтобы эстетический зазор между репрезентируемым и репрезентирующим стал более широким (а это значит, что наши представители в законодательном собрании должны стать менее чуткими к каждодневным требованиям своих избирателей и более восприимчивыми ко всей картине в целом) с тем, чтобы увеличить спектр возможностей для проявления политического артистизма, то есть оставить больше пространства для творческого компромисса. Давайте выбирать депутатов, менее похожих на нас самих, более внимательных к композиции и форме (к творческой организационной комбинаторике), – вместо того, чтобы отдавать свои голоса тем, кто морочит нам голову, обещая неизменно занимать твердую позицию и одерживать победу за победой. Репрезентативная система правления – это не упражнения в поисках или утверждении истины; скорее это практика принципиальной непринципиальности, работа по выявлению возможностей достижения согласия и по организации «истин» (то есть по включению их в такие «политические композиции», которые казались прежде немислимыми). Именно благодаря эстетическим качествам компромисса репрезентативная – артистически представляющая свой народ – демократия может оказаться способной найти квадратуру нынешнего, похожего на мертвую петлю, круга нашей политической истории» [1:40].

“Руинная эстетика” в архитектуре, так же как и “мусорный дизайн” в искусстве постмодернизма, не являются лишь символами полной пространственной относительности внешнего и внутреннего, природного и социального, неценного и сверхценного. Они обнаруживают самое сокровенное и интериоризируют внешнее в пространстве души, подтверждая тем самым тезис о том, что само снятие противоположностей есть верный признак работы подсознания, динамики желания, логики сна» [11:20–21]. Категория «дифферанс», которая у Ж. Деррида стала соединением двух основных мотивов в трактовке «всеобщей экономии» — батаевской избыточности как проявления суверенности и ницшевского остроящего снятия, может трактоваться и как точка различания/потребления истории и памяти.

Подводя итоги в своей цитируемой выше книге, П. Рикёр пишет о проектировании эсхатологии памяти, а затем эсхатологии истории и забвения. «Эта эсхатология, сформулированная в соответствии с желательным наклоном, структурируется в диапазоне от (и вокруг) желания красивой и умиротворенной памяти, из которой нечто передается в процессе исторической практики, и до неопределимой неясности, определяющей нашу связь с забвением» [19:635]. В рамках такого проекта остается высказать идею создания на одной из авангардно-сырьевых выставочных площадей ситуационного интерактивного памятника битвы истории и памяти (экстериоризирующей истории и интериоризирующей памяти), представленных в виде синтаксических характеристик, «функция которых состоит в композиции модальностей дискурса, достойных названия нарративных, идет ли речь об историческом рассказе или о рассказе вымышленном» [18:70]. Куликовой битве с целью взаимного освобождения истории и памяти из-под ига друг друга, с прибавочным внутренним сражением двух форм памяти в форме, скажем, парада и марша.

1. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2.

2. Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46.

3. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемиологии. М., 2003.

4. Вересова Н. URL: <http://nveresov.narod.ru/Part4.htm>

5. Герасимчук И. Экологическая практика транснациональных корпораций. М., 2007.

6. Герасимчук И. Два мозга России. Как стать и остаться сверхдержавой, делая ставку на энергоэффективность // ЭСКО. Электронный жур-

нал энергосервисной компании «Экологические системы». URL: http://esco-ecosys.narod.ru/2010_10/art060.htm

7. Гройс Б. Искусство как авангард экономики // Максимка: Журнал реального искусства. 1999. № 4. URL: <http://www.guelman.ru/maksimka/n4/index.htm>

8. Елисеева О. А. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М., 2000.

9. Кобрин К. Умники и умница // НГ-Exlibris. 2001-09-13. URL: http://exlibris.ng.ru/lit/2001-09-13/2_umnik.html

10. Кропотков С. Л. Аллегии в эпоху экономимезиса: об истоках непаноптической иконографии стрит-арта // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5).

11. Кропотков С. Л. Проблема «экономического измерения» субъективности в неклассической философии искусства: автореф. дисс... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000.

12. Люсый А.П. Греческий огонь: Идеи проекта международного парада утопий на Красной площади // Человек. Культура. Образование. 2012. № 2 (4).

13. Люсый А. П. Нашествие качеств: Россия как автоперевод. М., 2008.

14. Мегилл А. Историческая эпистемиология. М., 2007.

15. Мегилл А. Эпистемиология истории. М.2009.

16. Повести о Куликовской битве. М., 1959.

17. Прох Л. Словарь ветров. Л.: Гидрометеиздат, 1983.

18. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М., 2000.

19. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.

20. Судьба европейского проекта времени / отв. ред. О. К. Румянцев. М., 2009.

21. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

22. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011.

23. Хайдеггер М. Тождество и различие. М., 1997.

24. Хальвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

25. Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011.

Ю. В. Шаркова

Философская автобиография как нарратив эпохи

УДК 316.7

В данной статье рассматривается особый жанр философского эго-текста – философская автобиография. Философская автобиография представляет собой своеобразный творческий акт, которому автор-мыслитель придал форму нарратива. На материале отрывков из автобиографических текстов различных временных периодов проанализированы особенности репрезентации эпохи, в которую жил автор.

Ключевые слова: философская автобиография, эго-текст, нарратив, мыслитель.

Yu.V. Sharkova. The philosophical autobiography as a narrative of the epoch

This article focuses on a particular genre of philosophical ego-text - a philosophical autobiography. The philosophical autobiography represents the original creative certificate which the author-philosopher gave a narrative form. Features of representation epoch in which the author lived are analyzed on the material of fragments from autobiographical texts of the various time periods.

Key words: the philosophical autobiography, an ego-text, narration, the thinker.

Философская автобиография представляет собой эго-текст, т. е. текст, написанный мыслителем о себе, о своей жизни, о своих мировоззренческих и нравственно-ценностных установках. Философская автобиография – это не просто фиксация жизненных этапов, как правило, хронологически выстроенная. Это осмысление автором эпохи, ее идеологических, социально-политических характеристик, отражение собственного мироощущения и мировосприятия, самоидентификация.

Изучая идеи и творчество людей, незнакомых или ушедших из жизни, мы отождествляем их Эго с предлагаемыми или оставленными о себе текстами. В этом случае, философская автобиография выступает репрезентантом творческой личности, данный вид эго-текста способен не только его представлять, но и замещать его автора.

Мыслитель как автор философской автобиографии обращается к нарративному методу. Исследователь нарратива Н. С. Петренко определяет его следующим образом: «Нарратив – это организация материала в порядок хронологического следования, образующий ее связный рассказ» [7:11]. Исследователь представляет нарратив особым изображением, описанием какого-либо социокультурного феномена, разворачивающимся во времени, последовательным и упорядочивающим. Это рассказ с открытым финалом, «дополненный сопутствующими обстоятельствами и условиями» [7:11]. Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самооценность. Посредством нарративного метода в философском эго-тексте происходит индивидуализация «Я» и идентификация действий личности. Кроме того, перед нами раскрывается поэтапный процесс повествования: о начале жизненного пути, становлении, зрелости, дальнейшем разворачивании событий, взаимоотношений с другими людьми и т. д. Автор философского эго-текста как нарратор рассказывает, повествует о собственных действиях и поступках, чтобы читатель увидел проявление особой сущности – сущности его личности.

Согласно мысли Е. Г. Трубиной, нарратив заполняет все наше социокультурное пространство, мы даем нарративное определение самих себя и окружающих, описывая свои прошлые действия и взаимоотношения, придавая тем самым смысл своему поведению и поведению других людей. Нарратив позволяет нам осознать, кем они являются [8:100]. Таким образом, под нарративом можно понимать языковой акт, представляющий вербальное изложение и содержание, того, кто повествует, нечто сообщает или рассказывает. Нарратив может рассматриваться как законченное высказывание, в силу того, что он задает определенные нравственные ориентиры и ценностные установки.

Автобиографии содержат в себе определенные модели поведения личности, где нарратив является своеобразным фильтром, пропускающим через себя все элементы, связанные и несвязанные между собой, но выступающие как единое целое. Так, сюжет произведения представляет собой нарратив как процесс превращения отдельных событий в единое целое. Каждая историческая эпоха имеет свойственные только ей культурные традиции и владеет тезаурусом сюжетов, которые могут быть использованы в дальнейшем для организации событий жизни в истории, иными словами, нарратив воссоздает образы для других поколений. Его уникальность заключается не только в простом отражении последовательности событий и их сохранении, но и в возможности изобрести нечто новое. Автор-нарратор не просто регистрирует поток событий, он констатирует и осмысливает их.

Для выяснения философского смысла автобиографии читатель должен быть не менее активен, чем автор. Речь идет о философском прочтении эго-текста, прочтении сквозь призму собственного «Я», особого эмпатического процесса, постановки себя в каком-то смысле на место эго-автора. В. В. Миронов комментирует процесс философского прочтения: «Читая Платона, я персонифицирую его текст, я не могу его читать так, как читал бы его сам Платон. Я вношу в него свое «Я», развиваю близкие мне смысловые возможности текста, которые детерминированы иным пространственно-временным положением, другими социокультурными обстоятельствами» [5:10]. Читатель, имея перед собой автобиографию, смысл и значение которой заданы конкретно-историческим социокультурным фоном и самосознанием ее автора, осуществляет философское прочтение, проникая внутрь текста, с целью разыскать в нем новые смыслы и значения, связанные с его самосознанием и новыми социокультурными обстоятельствами.

Осмысление феномена мыслителя как творца философской автобиографии связано с идеей конструирования в индивидуальном сознании целостного представления о самом себе, своих жизненных и профессиональных целях, способностях, возможностях в выборе средств достижения целей. Все связанное с душевными переживаниями, исканиями, полаганиями и сомнениями приводится в некую систему, впоследствии выстраивающуюся в цепь событий.

Философская автобиография представляет собой специфическое ментальное отражение не только чувств и жизненных принципов мыслителя, но и личностных позиций и идеалов, сформировавшихся в результате идентификации его как представителя той или иной общественной ниши и, несомненно, субъекта, способного осуществлять непрерывный диалог с остальными членами социума.

Читателю, но не любому, а лишь обладающему необходимым инструментарием для анализа текста подобного рода и адаптированному к его жанровой и языковой специфике, нельзя не принимать во внимание целостность творчества автора и целостность культурной эпохи, в которую творил автор. Ведь текст – это инструмент не просто присвоения культуры, но личностного самоопределения человека в культуре, социуме, расширения границ самого себя, выхода за свои пределы. Вырвав текст из пространственно-временного и социокультурного контекста, читательское сознание не сможет адекватно спродуцировать образ автора, являющегося одновременно и субъектом, и объектом наблюдения. Интерпретация философского эго-текста (будь то сборник мемуаров «Курсив мой» Н. Берберовой, «Автобиографические заметки» М. Кагана, роман-инструкция «Мое дело» М. Веллера, «Страницы автобиографии» В. И. Вернадского

или дневниковые записи А. Тарковского) осложнена тем, что не всякий адресат может расшифровать код этого «послания». Первоначально определяется основной мотив создания текста: желание автора исповедаться перед самим собой или стать объектом восприятия читателя любого социально-временного формата, обусловив это потребностью запечатлеть правдивый образ эпохи, особенности идеологии, нравственных ориентиров, политических приоритетов и религиозных концепций общества.

Философская автобиография – это не просто рассказ автора о себе, отличающийся нарративной связностью. Это репрезентация многогранной личности, ее социокультурной и исторической «судьбы», персонификация эпохи, в которую жил автор. «Группа высланных выехала из России в сентябре 1922 года. Мы ехали через Петербург и из Петербурга морем в Штеттин и оттуда в Берлин. Высылаемых было около 25 человек, с семьями это составляло приблизительно 75 человек. Поэтому из Петербурга в Штеттин мы наняли целый пароход, который и целиком заняли. Пароход назывался “Oberburgermeister Naken”. Когда мы переехали по морю советскую границу, то было такое чувство, что мы в безопасности <...>. Уже за границей я писал много о коммунизме и русской революции. Я пытался осмыслить это событие, имеющее огромное значение не только для судьбы России, но и для судьбы мира», – так описывает Бердяев начало XX века [3:282, 286].

Современный автор конца XX в. С. Белхов в автобиографическом произведении «До различения добра и зла: философская автобиография» воссоздает конкретный образ эпохи и общества того времени. Автор принадлежит к новому, молодому поколению российских философов, сформировавшемуся в бурные и сложные девяностые годы XX столетия. Влияние общественной идеологии, состоявшей в глубоком и прочном разделении взглядов интеллигенции и пролетариев, с тревогой ожидаемые неизбежные перемены в социально-политическом пространстве – все это явилось основополагающим при формировании философских взглядов мыслителя, выработке его принципов и мировоззренческих установок. Читаем у Белхова: «В конце августа мое бурное ликование по поводу обретенной свободы и легкости было прервано путчем и воцарением в стране ГКЧП. Утром я отправился в центр Москвы – частично по книжным магазинам, частично влекомый любопытством. По улице Горького (ныне – Тверская) троллейбусы не ходили; от площади Пушкина движение было перекрыто. Неожиданно я натолкнулся на объявление о митинге в 12 часов дня у Белого дома... Митинг воодушевил меня и дал слабую надежду, что мы победим. Я узнал, что есть центр, который объединяет

сопротивляющихся – Ельцин, Правительство России, и я пошел вместе со всеми. Нас было тысяч 5–8. У Белого дома опять состоялся митинг. Стояли танки – наши танки. Мужчин призывали записываться в отряды обороны... Безусловно, я был участником крупнейшего исторического события – падения коммунизма в России... Я рад и горд, что мне делом удалось поучаствовать в тех событиях. Я очень надеюсь, что они – начало новой исторической эпохи для России. Эпохи лучшей, чем та, что заняла первое тысячелетие ее истории» [1:226, 229]. Это пример презентации эпохи, «отрывок» которой и представляет собой данный эго-текст.

Образ эмигрантской России, тема бездомности, осознанной не как трагедия, но как неизбежный удел человека двадцатого столетия, свободного от приверженности «гнезду», переставшего быть верным слугой Отечества – все это представлено в автобиографии Н.Н. Берберовой «Курсив мой», в которой, оглядываясь на свою жизнь, она реконструирует свое прошлое в духовном и идейном контексте времени. Определяя свою жизненную и литературную позицию как антипочвенную, антиправославную и прозападную, Н. Берберова через эти характеристики выстраивает «структуру» собственной личности, противостоящей «бессмысленности и непрочности мира». Книга дает уникальную панораму интеллектуальной и художественной жизни русской эмиграции в период между двумя мировыми войнами. Вот рассуждения по аграрному вопросу: «...Крестьяне, или, как их тогда называли, мужики, были двух разных родов, и мне казалось, будто это были две совершенно разные породы людей. Одни мужики были степенные, гладкие, сытые, с масляными волосами, толстыми животами и раскормленными лицами. Они были одеты в вышитые рубашки и суконные поддевки, это были те, кто выходили на хутора, то есть выселились из деревни на собственную землю... Они в церкви шли с тарелкой, ставили у образа “Утоли моя печали” толстые свечи (хотя какая могла быть у них печаль?)... Другие мужики были в лаптях, ломали шапку, одеты были в лохмотья и лица их были потерявшие всякое человеческое выражение. Эти вторые оставались в общине, они были низкорослые, часто валялись в канаве подле казенной винной лавки...» [2:345].

У современного мастера русской прозы М. Веллера в автобиографическом произведении «Мое дело» можно обнаружить так называемую философскую антитезу: Я и общество, Я и Они, Я и Эпоха. «Они хотели, чтобы я спился, повесился, уехал. Я не спился, не повесился и не уехал. Я не заткнулся. Не по зубам был кляп...», – пишет М. Веллер [4:480]. У него же: «Брежневская эпоха душила нас. Печататься было невозможно... Я вышел на улицу в злобе и по слякоти

пошел в винный. В России нельзя не пить» [4:507]. Для философского эго-текста характерны подобные противопоставления. Они имплицитно составляют «гордость» рассказчика, который достиг поставленной цели, бросив вызов обществу.

Серии частных впечатлений, желаний, интенций, жизненных эпизодов являются первичным фактом философской автобиографии. Все это так или иначе связано с жизнью общества, культурно-историческими особенностями периода жизни и творчества автора. Иначе говоря, речь идет о возможности реанимации биографического времени, которое является не только временем историческим, но и психологическим, т. е. связанным с некоторым «я», с действительной психической и ментальной жизнью человека. Мыслитель, при всей специфичности его ментальности, испытывает потребность в обеспечении «законсервирования» времени и своего прошлого в эго-тексте. Он как бы совершает переход в другой пространственно-временной континуум. Время, в котором пребывает автор, уже не течет и не меняется.

Таким образом, социокультурные факторы нельзя не считать основополагающими при легитимизации и опосредованности признаний и откровений мыслителя, анимизации продуктов его житнетворчества. Философская автобиография, являясь персональным нарративом, способна репрезентировать социальное «Я». В автобиографиях содержится обмен между личным и социальным: индивидуальные нарративные конструкции тесно переплетаются с коллективными, ибо автор вписан в социум, живет в нем. Каждому последующему автору имплицитно предлагается определенный образец философствования, на основании которого он может осмыслить свою жизнь и создать новое произведение. И эта связь индивидуального и коллективного выступает основой идентичности философских эго-текстов. Посредством философских автобиографий можно «прочитать» судьбу автора в культурно-историческом и социальном аспекте.

Современный человек испытывает необходимость в фиксации личной, индивидуальной жизни. Новые социокультурные реалии, интенсивное развитие рыночной экономики, экспансия средств массовой коммуникации, каналы которой переполнены низкопробной продукцией массовой культуры и агрессивной рекламой, существенно воздействуют на духовный уклад современного российского общества, стимулируют процессы переоценки традиционных идейно-нравственных ценностей. Виртуализация действительности проводит к сосредоточению времени в одной локальной точке: здесь и сейчас. Человек как бы выпадает из пространства и подчиняется ускоренному темпу событий. Образуются противоречия между желаниями и возможностями человека и условиями жизни. Пытаясь обрести себя в

этом мире, личность проявляет интерес к прошлому, чтобы постичь настоящее и извлечь жизненные уроки. В этой связи актуально обращение к философским автобиографиям, в которых акцентируется внимание именно на проблеме самоидентификации и самовыражения. Вопрос о мере правдивости автобиографий, в том числе – философских, менее волнует сознание, нежели мысль о том, что авторы-создатели автобиографических текстов, совершенно обычные люди, со своими проблемами, желаниями и потребностями, пусть и умеющие придавать мысли особую форму, называемую суждением.

Философская автобиография носит назидательный, поучительный характер. Мыслитель как бы оставляет своим потомкам завещание, состоящее в жизненных уроках, представленных серией эпизодов, фактов, ситуаций, ошибок и успехов. Реконструкция прошлого есть связующее звено между настоящим и будущим, но не следует забывать о том, что писать о себе может не каждый, а лишь тот, кто обладает широким кругозором, имеет собственную мировоззренческую позицию, специфический образ мысли. Философские автобиографические тексты представляют собой особый семиотический ресурс, не являющийся ни частотным, ни пропагандируемым в доступном субъекту времени и слое культуры, но являющийся, тем не менее, персонально отобранным им для самого себя и значимым с точки зрения объективизации именно его собственных смыслов и переживаний, продуктов культурного социогенеза зрелой личности.

-
1. Белхов С. До различения добра и зла: философская автобиография. М. : Вагриус, 2006. 623 с.
 2. Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. М. : Согласие, 1999. 736 с.
 3. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Мир книги, Литература, 2006. 416 с.
 4. Веллер М. Слово и судьба. М. : Аст Москва, 2008. 539 с.
 5. Миронов В. В. Специфика гуманитарного знания и философия как интерпретация (деконструктивизм или конструктивизм?) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1998. № 6. С. 3–27.
 6. Митина С. И. Философский эго-текст в культуре: репрезентивная модель. Саранск : Мордов.гос.пед.институт, 2008. 130 с.
 7. Петренко Н. С. К проблеме нарратива в методологии истории // Филос. науки. 2001. № 1. С. 110–120.
 8. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. 180 с.

С. А. Бозрикова

Особенности криминальной нарративной журналистики в Америке и России

УДК 008.070

Нарративная журналистика – это популярное явление, характеризующееся новыми методами работы с фактуальной информацией (погружение) и ее представления (в форме нарратива, с использованием художественного стиля, с глубоко личной точки зрения). Отечественная криминальная нарративная журналистика отстает от западной, т. к. российские авторы, уделяя внимание нарративной форме и использованию средств художественной выразительности, не достаточно серьезно относятся к погружению и фактографичности.

Ключевые слова: нарративная журналистика, сюжет, сцена, экспрессивность, точка зрения, фактуальность, погружение.

S. A. Bozrikova. The peculiar properties of the narrative journalism in American and Russia

Narrative journalism is a popular phenomenon characterized with new methods of work with factual information (immersion) and its presentation (in narrative form, in belles-lettres style, from a deeply personal point of view). Crime narrative journalism in Russia falls behind the one in America, as Russian authors, focusing on narrative form and belles-letters style, do not take immersion and factuality seriously enough.

Key words: narrative journalism, storyline, scene, expressivity, point of view, factuality, immersion.

Нарративная журналистика – это явление, характеризующееся новыми методами работы с фактуальной информацией и ее представлением: материал добывается путем «погружения» (длительного пребывания среди героев будущей истории с целью их глубокого изучения) и излагается с ярко выраженной точки зрения, с использованием художественного стиля.

Многочисленные исследования, проведенные американскими учеными, доказывают, что журналистские нарративы оказывают на читателя большее воздействие, чем традиционные журналистские тексты. Во-первых, сама нарративная форма подобных произведений способствует их более легкому восприятию, поскольку человеку свойственно организовывать опыт посредством нарративных моделей [6:143]. Кроме того, нарративная форма «включает» нарративное воображение, т. е. читатель не просто получает информацию, но видит её в сценах. Во-вторых, осознание фактуальности прокручиваемого в голове фильма многократно усиливает эффект воздействия [8:16,18].

Но журналистские нарративы имеют такое сильное воздействие только при условии, что читатель уверен, что все, что изложено в истории, – не вымысел [7:86]. Поэтому исследователи подчеркивают важность не только нарративной формы (это – вершина айсберга), но погружения [3:75]. Кроме того, не все темы в принципе могут быть изложены в нарративной форме. Спорт, преступление, катастрофа, война, биография – темы, обладающие наибольшим нарративным потенциалом [5:160].

Однако вне зависимости от темы, журналистский нарратив предполагает включение следующих ключевых компонентов:

1. Структура композиции.

Традиционный журналистский текст, как правило, обладает структурой «перевернутой пирамиды» – когда информация ранжируется в соответствии со степенью значимости. Журналистский нарратив обладает драматической структурой, которая развивается по принципу возникновения, развития и кульминации конфликта, с четко очерченной сюжетной линией. Характерным признаком журналистского нарратива является воспроизведение информации в виде сменяющихся сцен, имитирующих жизнь в режиме онлайн.

2. Языковой стиль.

Традиционный журналистский текст излагается в соответствии с газетным стилем (чётко, точно), нарративный – с художественным (образно, эмоционально).

3. Точка зрения.

Автор традиционного журналистского текста стремится к максимально обезличенной подаче информации. Автор журналистского нарратива представляет события намеренно субъективно.

Рассмотрим более подробно особенности представления информации в нарративной журналистике на примере криминальных очерков американского и российского авторов: «Hannah and Andrew» Памелы Коллофф [4] и «Мать-изувер забила скалкой четырёхлетнюю

дочь» Оксаны Невмержицкой [1]. Выбор криминальной тематики обусловлен интересом к ней как американской, так и российской нарративной журналистики. Сфокусируем внимание на двух основных аспектах: текстуальных особенностях криминальных очерков как журналистских нарративов и степени их фактографичности.

Компоненты журналистского нарратива

1. Структура.

Очерк Памелы Коллофф имеет структуру драматического произведения. Он включает экспозицию, завязку, развитие, кульминацию, развязку.

Экспозиция: параллельно показываются жизни Эндрю и Ганны. Эндрю – мальчик, оказавшийся в приюте в два с половиной года, т. к. его 18-летнюю мать-наркоманку лишили родительских прав. Ребенок отстает в развитии и считается «проблемным» из-за регулярных вспышек гнева. Ганна Овертон – миссионерка, мать четырех детей, беременная пятым, желающая взять ребёнка из приюта. Ганна с мужем Ларри хотят усыновить ребёнка с какими-либо отклонениями, у которого крайне мало шансов найти приемных родителей.

Завязка: Овертоны усыновляют Эндрю. У них получается наладить эмоциональный контакт с мальчиком. Но они не могут справиться с неуёмным желанием Эндрю все время есть (даже несъедобные вещи) и вспышками гнева, когда его разумно ограничивают.

Развитие действия: Ганна попадает в аварию и вынуждена провести несколько недель в больнице. На этом фоне состояние Эндрю ухудшается: вспышки гнева из-за ограничения в еде становятся сильнее. После одной из таких вспышек гнева Ганна дает Эндрю бульон с приправой для супа. Ребёнку становится плохо. Через несколько часов он умирает в больнице от солевого отравления.

Кульминация: Ганну арестовывают. Суд решает, что Ганна Овертон была приемного сына (язвы на теле (от расчесывания во время приступов), гематомы на голове (бился о стену в припадках)) и насильно заставляла его есть соленую приправу в качестве наказания за непослушание. Женщину осуждают на пожизненный срок, разлучая до конца жизни с пятью детьми.

Развязка: оказывается, прокурор умышленно не представил суду документы и свидетелей, подтверждающих, что Ганна пыталась спасти ребёнка, а не убить. Адвокат подает петицию в высший апелляционный суд.

Очерк включает представление информации в форме сменяющихся сцен. Например, Памела Коллофф не просто сообщает, что у

ребёнка часто случались вспышки гнева, но одна из таких вспышек иллюстрируется «в режиме онлайн»:

Andrew asked if he could have lunch, and Hannah told him that he needed to wait; Larry was bringing them something to eat, she explained, and he would be back in a few minutes.

Andrew flew into a rage. He defecated on the floor of his bedroom, then smeared feces on the bed, the dresser, and the walls.

Larry attempted to restore order upon his return, putting Andrew's soiled sheets in the garbage and hosing off the boy and his foam mattress in the backyard. While Larry tried to scrub down the bedroom, Andrew pulled his sheets out of the trash several times, despite repeated warnings not to do so. Losing his patience, Larry took the sheets to the family's fire pit and burned them.

Сразу после этой сцены идет сцена, где Ларри Овертон объясняет журналисту свое поведение:

"Not the brightest thing to do," Larry conceded. "But I was frustrated. The sheets were filthy, and he was getting poop everywhere. I made sure that he saw that we had an identical set of Spider-Man sheets so he would calm down."

Очерк Оксаны Невмержицкой также имеет структуру драматического произведения.

Экспозиция: Вероника Ходырева живет с мужем и двумя детьми. Мать ведет разгульный образ жизни. Воспитанием детей занимается отец.

Завязка: В. Ходырева бросает мужа со старшим сыном и начинает новую жизнь с Геннадием Дорофеевым, от которого беременна, и с дочерью Машей. Дочь от первого брака ей в тягость.

Развитие действия: Мать жестоко обращается с Машей. На замечания свекрови и мужа реагирует ещё большей жестокостью по отношению к дочери. Рождается совместный ребёнок. Мать категорически запрещает Маше приближаться к младенцу.

Кульминация: Маша подходит к ребёнку, за что мать жестоко избивает её и ставит в угол. Через несколько часов Маша умирает.

Развязка: Веронику Ходыреву осуждают на 20 лет лишения свободы. Она пытается опротестовать этот вердикт, но Верховный суд оставляет его без изменений.

Очерк Оксаны Невмержицкой также включает сцены, представляющие события примерно в том же темпе, в котором они должны были происходить в реальной жизни. Например, так автор иллюстрирует неадекватно жестокое поведение матери:

— Машенька, будешь супчик кушать? — Ирина Борисовна заглянула в спальню, где сидели Машенька и Вероника с младенцем.

— Буду! – радостно вскочила малышка.

Но тут ее перехватила Вероника.

— Разве я разрешала тебе куда-то идти?! – прорычала она.

Девочка испуганно съежилась, но бабушка решительно встала на ее защиту.

— Что ты за изверг такой?! – набросилась она на невестку. – Что, и покушать ребенку нельзя?!

Ирина Борисовна все же увела Машеньку на кухню, но последнее слово осталось за Вероникой.

— Вернешься ты у меня еще обратно в спальню! – с явной угрозой сказала она дочери, заглянув на кухню.

Таким образом, оба криминальных очерка по структуре соответствуют требованиям нарративной журналистики.

2. Языковой стиль.

Язык очерка Памелы Коллофф отличается эмоциональной насыщенностью. Главным образом, выразительность создается эмфатическими конструкциями (лексическими и грамматическими).

Perplexed, Larry installed a baby monitor equipped with a video camera in the boys' room so that he and Hannah could observe if Andrew was wandering into the kitchen at night. It was while watching the monitor that Hannah saw him trying to eat part of his foam mattress and paint off the wall.

В первом предложении наблюдаем пример инверсии (грамматическая эмфаза): вынесение второстепенного члена – причастия II – на первое место с целью его эмоционального выделения. Во втором предложении – использование эмфатической конструкции *it was ... that* (лексическая эмфаза) для усиления придаточного предложения: именно во время просмотра записи видеокамеры родители узнали, что Эндрю ест несъедобные вещи.

Hannah did describe how she and Larry had at first tried to treat the boy's symptoms themselves, often volunteering more information than the detective had asked for.

В данном предложении, чтобы подчеркнуть готовность Овертонов сотрудничать со следствием, использовано усилительное *do* (грамматическая эмфатическая конструкция).

Язык очерка Оксаны Невмержицкой также эмоционально экспрессивный. Большую роль в тексте играет использование выразительных средств синтаксиса: экспрессивных пунктуационных приемов. Для усиления части нарратива, которую необходимо особым образом выделить, используется восклицательный знак, заключенный в скобки. Следующие примеры подчеркивают жестокость матери по отношению к девочке:

После страшного избиения, выдержать которое под силу не каждому взрослому, Машенька еще три с половиной часа (!) просто-ля в углу – без слез, без крика, без жалоб...

Эксперты насчитали на теле маленькой девочки 46 (!) следов от ударов.

Многоточие передает затрудненность речи, вызванное большим эмоциональным напряжением. Особенно эффективно многоточие передает эмоциональность, когда ставится не в конце, а в середине предложения.

В своей низости Вероника дошла до того, что вину за произошедшее попыталась свалить на... покойную четырехлетнюю крошку.

Вместо того чтобы познакомить четырехлетнюю дочку с маленьким братиком, Вероника категорически запретила ей даже приближаться к ребенку. <...> Войдя в спальню, Вероника буквально остолбенела от гнева: негодная девчонка стояла возле малыша. В одной руке она держала его пустышку, а пальцем второй руки... трогала его личико!

Также наблюдаем обильное использование лексических и морфологических выразительных средств. Например, бешенство, в которое впала женщина при виде старшей дочери у кроватки младенца, описано с помощью метафоры: *Разъяренной фурией женщина метнулась на кухню, где схватила увесистую скалку.*

Описывая издевательства Вероники Ходыревой, для усиления чувства жалости к девочке, автор использует уменьшительно-ласкательные слова по отношению к ней: «...беспорядочные удары приходились куда придется – по голове, по спинке...», «Выдохшись, истязательница отпустила свою маленькую жертву и велела ей идти в угол. Машенька же, одуревшая от побоев, на дрожащих ножках потопала на кухню», «А потом робко шепнула маме, что у нее болит спинка и ручка».

Таким образом, оба очерка представляют эмоционально насыщенные нарративы о гибели детей. Экспрессивность создается выразительными средствами разных уровней.

3. Точка зрения.

Памела Коллофф в своем криминальном очерке описывает события гибели ребенка намеренно субъективно, встав на позицию родителей: смерть ребенка случайная, а не насильственная. Хотя в очерке звучат мнения представителей обеих сторон, большую часть текстового пространства автор отдает голосам защиты. Даже обвинительные факты представляются таким образом, что защищают Овертонов. Например, приводя показания медсестры Патриции Гонсалес о том, что когда Эндрю оказывали первую помощь, Ганна улыбалась, автор сообщает, что эти показания давались не сразу, а через год после слу-

чившегося, а за этот год в СМИ и в интернете развернулась активная кампания по обвинению приемной матери.

Patricia Gonzalez, a nurse at the urgent care clinic, told the jury that Hannah had not behaved like a panic-stricken parent and had “had a smile on her face” as she performed CPR on the boy. <...> Gonzalez had never made a statement to police and was testifying from memory after nearly a year’s worth of negative media coverage <...>.

Оксана Невмержицкая в своем криминальном очерке встает на сторону погибшей девочки и описывает события, обвиняя в смерти ребенка мать. Негативное отношение автора к матери и жалость к ребенку проявляется на различных языковых уровнях. Например, позиция автора отражается в номинации персонажей: мать девочки автор очерка называет *Ходыревой, Вероникой, женщиной, матерью, истязательницей*, а саму девочку – *(бедной) Машенькой, маленькой дочкой, маленькой жертвой, маленькой страдальцей*.

Таким образом, оба автора стремятся не к максимально обезличенному, объективному представлению информации, а, напротив, к субъективному, открыто выражающему их точку зрения.

Проанализировав ключевые компоненты американского и российского криминального очерков, мы приходим к выводу, что, с точки зрения формы, оба текста отвечают требованиям нарративной журналистики.

Степень фактографичности

Выше мы уже отмечали, что журналистский нарратив имеет большее, по сравнению с традиционным журналистским текстом, воздействие только при условии, что читатель уверен, что все, изложенное в истории, – не вымысел.

Стремясь к высокой степени фактографичности, американские журналисты зачастую нарушают определенные этические правила. Например, для погружения читателя в мир истории, 47,6 % американских журналистов считают допустимым использование личных документов (письма, фотографии и т. д.) без согласия владельцев, и только 4,9 % российских журналистов считают это приемлемым; 43,1 % американских журналистов, против 1 % российских, считают допустимым раскрывать имена лиц, которые по соображениям права и этики разглашать нельзя (например, жертв преступлений) [2:396].

Таким образом, американские журналисты чаще нарушают этические нормы, но, благодаря этому, их криминальные очерки получаются более проникновенными; российские журналисты более привержены этическим нормам, что отражается в более низкой степени фактуальности их криминальных очерков.

Проиллюстрируем приведенные выше данные нашими примерами.

Для создания максимально достоверного очерка “Hannah and Andrew”, Памела Коллофф на достаточно долгое время погрузилась в жизнь героев истории. Свое погружение автор отметила включением себя в мир истории. Так она описывает свой приезд в тюрьму: *«Hannah and I discussed her case and the anguish that had consumed her following Andrew’s death. “I spent many nights beating myself up over ‘Could I have done this or could I have done that?’” Hannah told me, staring at her hands...»* и к Ларри с детьми: *«As Larry stood in the kitchen and peeled potatoes, the kids excited to have a visitor— showed me around their house, pointing out their favorite hiding places and the plaster cast of their footprints in the hallway, which includes the letter A for Andrew»*. В журналистском нарративе представлены выдержки из многочисленных интервью с участниками истории, выдержки из различных документов.

Несмотря на нарративную форму и обилие выразительных средств, данный криминальный очерк представляет фактографическое произведение: все имена, цифры и т. п. – реальные.

Создание криминального очерка Оксаны Невмержицкой также потребовало от нее погружения в мир героев и документов: приводят результаты экспертиз, выдержки из допросов, приговора суда.

Однако у нас возникают сомнения в фактуальности данного криминального очерка. Во-первых, Оксана Невмержицкая, в соответствии с журналистской этикой, не называет реальные имена участников истории, а заменяет их на вымышленные. Использование нереальных имен существенно снижает степень доверия ко всей информации, представленной в тексте: если изменены «неудобные» имена, возможно, изменены и другие «неудобные» факты. Во-вторых, российская журналистка не включает себя в историю как персонажа, т. е. автор, встав на защиту одной из сторон преступления, все же смотрит на события не с позиции участника, а «сверху».

Проанализировав криминальные очерки американского и российского авторов, мы приходим к выводу, что, с точки зрения формы, криминальные очерки как американского, так и российского авторов отвечают требованиям нарративной журналистики, т. е. материал изложен в соответствии с сюжетной линией, с использованием художественного стиля, с ярко выраженной точки зрения; с точки зрения фактографичности, американский очерк является более достоверным, чем российский, поскольку американский журналист большее внимание уделяет погружению и описанию подробностей, чем отечественный автор.

Таким образом, на сегодняшний день российская криминальная нарративная журналистика отстает от американской из-за недостаточного внимания, уделяемого отечественными журналистами методам работы с материалом.

-
1. Невмержицкая О. Мать-изувер забила скалкой четырёхлетнюю дочь // Криминал» № 6 (614) 28.01.2010 г. URL: <http://www.allkriminal.ru/614>.
 2. Панкратов В.А. История зарубежной журналистики (Курс лекций). Ставрополь : СтaNИИГиМ, 2003.
 3. Agar M. Text and Fieldwork: Exploring the excluded Middle // Journal of Contemporary Ethnography, Vol. 19, No. 1, April 1990, p. 73-88.
 4. Colloff P. Hannah and Andrew // Texas Monthly, 1.01.2012. Available at: <http://www.texasmonthly.com/2012-01-01/feature2.php>
 5. Ricketson M. Writing feature stories: how to research and write newspaper and magazine articles: CMO Image Printing Enterprise, 2004. 284 p.
 6. Sharp L. McGaffey. Creative Nonfiction Illuminated: Cross-Disciplinary Spotlights. Ph.D. dissertation, The University Of Arizona, 2009. 157 p.
 7. Whitt, J. Awakening a social conscience: the study of novels in journalism education // Asia Pacific Media Educator, Issue № 18, 2007, p. 85-100. Available at: <http://ro.uow.edu.au/apme/vol1/iss18/8>
 8. Whiteman G. and Phillips N. The Role of Narrative Fiction and Semi-Fiction in Organizational Studies: ERIM Report Series Research In Management, 2006. 29 p. Available at: www.erim.eur.nl

К. А. Казакова

**Анализ семиотических моделей рекламы как
способа повышения эффективности коммуникативного
взаимодействия между брендом и покупателем**

УДК 003.80

В статье рассмотрены семиотические модели рекламы, созданные известными семиотиками XX в. – Роланом Бартом, Умберто Эко и Джудит Уильямсон, а также тесно связанная с ними теория мифа. На конкретных примерах рекламных роликов анализируются особенности каждой модели и их влияние на возможное поведение

покупателя. С точки зрения семиотики и коммуникации выделены ключевые области взаимодействия между брендом и покупателем, правильное воздействие на которые формирует благоприятное отношение к торговой марке.

Ключевые слова: коммуникация, бренд, реклама, семиотика, семиотические модели рекламы.

Karina A. Kazakova. Semiotic analysis of advertising models as a way to improve the efficiency of communicative interaction between the brand and the customer

The article considers the semiotic model of advertising, created by famous semioticians the 20th century - Roland Barth, Umberto Eco and Judith Williamson, as well as the closely connected with them theory of myth. The features of each model and their influence on the possible behavior of the buyer are analyses on the concrete examples of commercials. The key areas of interaction between the brand and the buyer, the proper influence on which forms a favorable attitude to the trade mark, allocates from the semiotic position and communication.

Key words: communication, brand, advertising, semiotics, semiotic model of advertising.

Одной из самых дискуссионных проблем в области связей с общественностью является проблема создания и продвижения новых брендов на рынке услуг. В условиях переизбытка товаров сегодняшнего потребителя трудно чем-либо удивить, и поэтому перед производителями всё чаще остро встаёт вопрос об успешности позиционирования своих торговых марок в глазах покупателя. Данная проблема решается в основном при помощи маркетинговых и рекламных методов. Представляется необходимым осветить обозначенную проблему с точки зрения теории коммуникации.

В современной коммуникативистике существует направление под названием «символьная коммуникация», которая определяется как использование слов, букв, символов или аналогичных средств для получения информации об объекте или событии. Обратимся к анализу семиотических моделей рекламы, существующих в современной теории коммуникации. Одним из первых к семиотическим моделям рекламы обратился французский семиотик Ролан Барт. В 1964 году он сделал анализ рекламного плаката фирмы «Пандзани», считающийся сегодня классическим. На нем из раскрытой сетки для провизии выглядывали: две пачки макарон, банка с соусом, помидоры, лук, перцы, шампиньоны и другие продукты. Если сами продукты были в желто-

зеленых тонах, то фоном им служил красный цвет. Попытаемся выделить те сообщения, которые содержатся в данном изображении.

Первое из этих сообщений имеет языковую субстанцию и дано нам непосредственно, то есть высказано на естественном языке: оно образовано подписью под рекламой, а также надписями на этикетках. Как указывает Барт, код этого сообщения есть не что иное, как естественный язык, в данном случае – французский, и чтобы расшифровать сообщение, требуется лишь умение читать и знание языка [1:299]. Но это языковое сообщение можно представить в виде двух компонентов: само название фирмы («Пандзани») и дополнительное значение, которое появляется благодаря языковой форме этого знака – так называемая «итальянскость». Таким образом, отмечает Барт, языковое сообщение имеет двойственный характер – одновременно денотативный (то есть предметный) и коннотативный (ассоциативный). Тем не менее имеется лишь один знак – знак естественного (письменного) языка, и мы будем говорить о наличии одного сообщения. Назовём первое сообщение языковым сообщением.

Второе сообщение – это «поход на рынок», которое выражается в изображении приоткрытой сумки свежих продуктов, из которой, словно из рога изобилия, на стол сыплется провизия. Второе сообщение в свою очередь предполагает наличие двух эмоционально-ценностных представлений: представление о свежих продуктах и о домашнем способе их приготовления. Назовём это сообщение иконическим.

Третье сообщение – набор цветов на плакате, выражающий уже упомянутую «итальянскость» в соответствии с цветами итальянского флага.

Таким образом, проанализировав изображение на описанном плакате, мы можем выделить два основных типа знаков: это знаки визуальные и знаки вербальные. Возникает совершенно логичный вопрос: какова сила воздействия этих знаков на потребителя? Согласно Р. Барту, на практике мы сначала читаем изображение, а не вербальный текст. Функция же языкового сообщения по отношению к визуальному образу заключается в закреплении и связывании текста с изображением [1:304]. Иная позиция представлена У. Эко. С точки зрения Эко, реклама всегда пользуется визуальными знаками с устойчивым значением, провоцируя привычные ассоциации, возникающие у большинства. Например, изображение молодой супружеской пары с ребенком отсылает к мысли о том, что нет ничего прекраснее семейного счастья, и, следовательно, к аргументу: если это счастливое семейство пользуется этим продуктом, то почему этого не делаете вы? [5:58].

Таким образом, рекламное изображение включает в себя символы, представляя собой результат взаимодействия вербальных и невербальных кодов. Задачей невербального кода является создание яркого образа в сознании покупателя, а вербальный код призван закрепить и уточнить созданный образ. Иными словами, рекламу можно рассматривать как вариант прикладной семиотики. С точки зрения коммуникативного взаимодействия можно проиллюстрировать такой подход следующим образом: общеизвестно, что уникальным коммуникативным элементом является понятие «бренд», то есть раскрученная торговая марка. Бренд позволяет привязывать продукт к тому или иному объекту символического мира. Например, сигареты «Мальборо» – ковбой; зубная паста «Колгейт» – белые зубы; йогурт «Активия» – стройная фигура; бритва «Джиллет» – гладкая кожа; сотовая связь Tele-2 – дешёвые звонки.

Второй моделью, заслуживающей внимания в рамках данной проблемы, является модель итальянского семиотика Умберто Эко. Выделяя вслед за Романом Якобсоном ряд функций языка, Эко рассматривает в качестве наиболее значимых эмотивную и эстетическую функции [5:179], используя в качестве примера рекламу мыла «Камей». В ней мужчина и женщина изучают картины на одном из самых престижных аукционов – лондонском Сотбис. Мужчина смотрит на женщину, которая, почувствовав этот взгляд, отводит глаза от каталога. Что касается коннотаций, то есть дополнительных значений языковой единицы, то здесь следует целый набор сообщений. Женщина красива, богата, образованна, поскольку присутствует на выставке Сотбис. Мужчина мужественен, уверен в себе, тоже богат. Умберто Эко отмечает: «Все это придает сцене легкую эротическую окраску. Оба обаятельны, но поскольку именно женщина привлекла внимание мужчины, чары по преимуществу исходят от нее. Поскольку уточняющее смысл изображения словесное сообщение утверждает, что источником очарования является запах мыла Камей, то иконическая тема обогащает словесный ряд при помощи двойной метонимии с функцией отождествления: «кусочек туалетного мыла + флакон духов» означает «кусочек мыла = флакону духов» [5:185–186].

С такой же позиции можем рассмотреть другой ролик, рекламирующий этот же бренд. Действие происходит в вагоне поезда с сидячими местами. Вагон новый, красивый, так и сияет чистотой. С противоположных дверей к креслам, стоящим спинками друг к другу, движутся парень и девушка. Не глядя друг на друга, они занимают места и вагон трогается. Далее мы наблюдаем, как парень, уловив, по замыслу авторов ролика, запах мыла «Камей» исходящий от девушки, поворачивается к ней, в этот же самый момент она поворачивается к

нему, и их лица почти соприкасаются, а взгляды устремлены друг на друга. Здесь мы снова видим две доминанты: эстетическую (красивая внутренняя обстановка) и эмотивную (выражена в той самой эротической составляющей, которая возникает благодаря аромату «Камей»).

Все остальные рекламные ролики мыла «Камей» построены по аналогичному принципу. В них всегда присутствуют двое, оттенок красоты и богатства и сопутствующая им доля скрытого эротизма.

Третья концепция, которую мы подвергнем анализу в нашей статье, – это концепция профессора Мидлсекского университета Джудит Уильямсон. Она считает, что реклама выполняет функцию, которую выполняют также искусство и религия. Это функция создания структур значений. Она объясняет это тем, что недостаточно принимать во внимание характеристики рекламируемых объектов, нужно учитывать то, что эти значения значат для нас. Происходит соединение типов объектов и типов потребителей: бриллианты трактуются не в аспекте символизма каменной скалы, а в человеческом измерении, например, вечной любви. В результате создается необходимый знаковый продукт. То есть реклама выступает в идеологической плоскости трактовки себя и мира.

Джудит Уильямсон говорит в этом случае, что техника рекламы состоит в создании корреляции между чувствами, ощущениями и материальными объектами, то есть недостижимое привязывается к достижимому. Например, чувство счастья или женская красота связываются с духами, а уверенность в себе, дружеское расположение другого и т. д. с кофе, жевательной резинкой и прочим.

Как отмечает Г. Почепцов, реклама принципиально строится в подобном неоднозначном поле эмоционального, поскольку любые рациональные доводы поддаются критике. В эмоциональном поле формулируются сообщения, с которыми все равно согласно большинство. Никто не станет противоречить тому, что, например, мужественность – это признак мужчины. Новой вводимой информацией при этом становится переход на объект, который призван символизировать это качество. Но тут потребитель почему-то легко идет на подобные корреляции. Этот переход в символический мир оправдан еще и тем, что на уровне объектов одного типа между ними очень трудно найти реальные отличия. Стиральные порошки, пиво, джинсы, сигареты и т. д. практически подобны, и потребитель не может видеть различий между ними. По этой причине единственной сферой, где возможно создание этих различий, становится символический мир. Нам все равно нужны различия для принятия решения о покупке. Это различие задается в иной плоскости [3:71].

Дж. Уильямсон говорит также еще об одной функции рекламы – это перевод ситуации потребления в ситуацию производства: «Окончание рекламы (заставляющее нас покупать) превращается в начало – с ним начинаются все эти удивительные события» [8:141]. Это нечто магическое, что снова-таки создает ситуации вне контроля человека. Уильямсон обнаруживает две интересные рекламные структуры: в первом случае предмет символизирует людей, во втором – люди символизируют предмет. Первый случай достаточно распространен, например, раскрытая коробка шоколадных конфет предполагает наличие того, кто начал их есть. В качестве примера можно также привести рекламу пива «Три медведя». Или такой пример: сцены с женщиной предполагают наличие в качестве отсутствующей фигуры зрителя-мужчины. Во втором случае, например, два человека пьют отсутствующее пиво из пустых бокалов, поскольку их любимого сорта нет. Дж. Уильямсон вообще видит в подобном типичный для рекламы обмен: «Любая реклама предполагает замену, они все обменивают нечто имеющееся на что-то отсутствующее» [8:87].

Есть еще один аспект рекламы, отмеченный Дж. Уильямсон. Деньги, которые нужны для покупки продукта, оказываются спрятанными в рекламной коммуникации. Все эти эмоциональные характеристики, о которых шла речь, приходят к нам вместе с продуктом, не с деньгами. При этом воздействие идет по более тонкому пути, то есть Вы не просто покупаете продукт, чтобы стать частью группы, которую он представляет; вы должны чувствовать, что вы уже, естественно, принадлежите к этой группе, следовательно, вы купите его. Выбор продукта делается не в магазине, вы заранее признаете себя принадлежащим определенной социальной группе, которая признает данный бренд.

Рекламный текст воссоздает свой вариант мира, который не повторяет характеристики мира реального, а усиливает их. Значимость каждого рекламируемого объекта в этом символическом мире утрированно возрастает. Если речь идет о «чае», то именно чай оказывается способным решить проблемы социального, а не только физиологического толка. Например, реклама чая «Беседа», говорящая нам: «Беседуйте на здоровье», или реклама чая «Тесс» со слоганом «Общайся – согревайся». Реклама повествует об объектах желания, поэтому она и обладает для нас определенной привлекательностью. Мир желаний – это и есть мир рекламы.

Возникает вопрос, как же проанализированные концепции работают на практике? Рекламное сообщение, которое получает потребитель – это не простой набор слов, но и культурный смысл, связанный со словами и изображениями. Г. Фоксол, Р. Голдсмит, С. Браун, авто-

ры книги «Психология потребителя в маркетинге», отмечают, что «восприятие товаров и услуг отчасти зависит от стимулов, которые воздействуют на потребителя, а отчасти от того, каким образом эти стимулы сами потребители наполняют смыслом» [4]. С точки зрения Яна Эллвуда, смысл рекламного сообщения воспринимается не только по его осязаемому, но и по символическому содержанию [6:88].

Остановимся подробнее на теории мифа. Её можно рассматривать как теорию среднего уровня, которая базируется на общей теории значения в семиотике и одновременно с этим становится основой для прикладных исследований и кинологии конструирования мифов в журналистике, рекламе, паблик рилейшнз, политической борьбе.

Миф (от греч. *mythos*) – это сказание, передающее представления древних народов о происхождении мира и явлений природы, о богах и легендарных героях. В обыденном сознании миф – это вымысел, не соответствующий реальности. Современные мифы говорят обо всех важных явлениях в жизни людей, о семье, успехе, политике и т. д. [7:32].

Для понимания мифов важен подход Р. Барта: мифом может быть всё, что представляет для кого-то интерес. Важен не сам объект, а то, как о нем сообщается. Миф у Барта – это способ понимания и представления объекта интереса. То есть, опираясь на мнение Р. Барта, можно охарактеризовать миф как коммуникативную систему, цепочку связанных и определенным образом окрашенных представлений. При рассмотрении мифа, Барт добавляет такую черту, как императивность: «Миф носит императивный, побудительный характер, отталкиваясь от конкретного понятия, возникая в совершенно определенных обстоятельствах, он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции, он навязывает мне свою агрессивную двусмысленность» [1:90]. Миф обладает возможностью превращения сказания в естественное, природное явление, в которое люди верят как в реальность. Высший уровень мифотворчества – умение «сделать сказку былью». Потребитель мифа должен принять его содержание за истинное, само собой разумеющееся естественное явление. Например, правительство объясняет причины бедности нехваткой денег или инвестиций в стране. Такой миф нужен для того, чтобы убедить бедное большинство потерпеть, затянуть пояса, надеяться на улучшение, и то время как богатое меньшинство имеет возможность наслаждаться жизнью уже сейчас. Общество в таком случае превращается в область хождения мифических значений. Богатые и власть имущие пытаются выдавать их за естественное состояние, не выпячивая свои «неестественные состояния». Но если народ верит мифам, то можно и красоваться своими бо-

гатствами, потому что это считается нормальным состоянием королей, звезд экрана или удачливых дельцов. Журналисты с помощью пера и микрофона участвуют в мифотворчестве и помогают мифам утверждаться в сознании людей или выступают с их критикой и разоблачениями.

По характеру социального функционирования исследователи выделяют мифы доминирующие, оппозиционные и компромиссные, призывающие к согласию и единству в обществе [7:33]. В эту классификацию укладываются многие аспекты современного социума, поскольку от типа мифологизации зависит трактовка тех или иных событий общественной жизни, что позволяет с большей или меньшей успешностью манипулировать общественным мнением. Например, на милицию, разгоняющую демонстрантов, молено смотреть как на спасителей порядка или как на душителей свободы, а предпринимателей представлять как работодателей-благодетелей или как эксплуататоров-грабителей народа и т.п.

Мифы используются и конструируются в журналистике, рекламе, PR применительно ко всем сферам жизни – экономике, политике, культуре. Примеры мифодизайна в рекламе многочисленны. Например: «Баунти возвращает в мир гармонии и красоты»; «Бочкарев – правильное пиво», «Данон – небесный вкус сливок, взбитых тысячу раз»; «Домик в деревне» (миф о деревенской жизни); «Жилетт – лучше для мужчины нет»; «Масло “Злато” на чудеса богато»; «Финт – только для тех, кто вправду крут»; «Петр I – всегда первый»; «Пиво “Пит” для умных людей» (Эйнштейн); «Очаково – живительное пиво» (аналог сказочной живой воды), «Чай “Липтон” – буря эмоций, прилив новых сил, желание творить и добиваться успеха». Компания «Кока-кола» культивирует миф о том, что этот напиток был изначально придуман как лекарственное средство. Постоянное повторение этого приводит к тому, что «Кока-кола» воспринимается как нечто более полезное, чем просто лимонад, утоляющий жажду, а компания в целом – как организация с очень давними традициями, приносящими пользу человеку.

Таким образом, мифы представляют собой действенные способы кодирования и декодирования истинного, скрытого смысла рекламных сообщений. Используя мифы, можно передавать более глубокий, богатый смысл, соответствующий задуманной идее сообщения, намного быстрее и точнее, чем посредством простого текста. Для достижения положительного результата нужно пользоваться знакомыми потребителю кодами и символическими образами.

Областями культуры, наиболее богатыми символическими образами, являются: наука, закон, образование, спорт, общество, искусство,

поп-культура, мода, религия, финансы, юмор и прочее. Восприятие символических образов этих сфер жизни носит универсальный характер для всех групп потребителей. Наиболее заинтересованные в каждой конкретной сфере потребители пользуются ими для формирования и проявления своей индивидуальности перед самим собой и окружающими. Аналогично и торговые марки должны использовать определённые коды для демонстрации своей ценности перед соответствующими целевыми потребителями.

В завершении отметим, что для того, чтобы быть успешным, бренд должен развивать индивидуальность человека, доставлять удовольствие для самосознания. Положительные эмоции у потребителя возникают либо в процессе непосредственного употребления товаров конкретной марки, либо в процессе общения с рекламой, в информации которой отражен характер бренда. Положительную связь между брендом и потребителем можно выразить как следующую последовательность: потребитель слышит – видит – чувствует = результат, связанный с товаром. Таким образом, формируются отношения между потребителем и брендом.

Эти отношения зависят от представлений покупателя и его ожиданий и получении положительных эмоций от приобретения товара. В зависимости от символического содержания бренда возможны три вида отношений с потребителем:

- эмоциональные отношения формируются на основе чувств, вызываемых у потребителя брендом (положительных и отрицательных эмоций);
- поведенческие отношения можно рассматривать как действия потребителя, вызванные мотивированием бренда к практическому результату, т. е. как намерение приобрести товар;
- рациональные отношения формируются на основе знания, оценки, убеждения и осведомленности покупателя о бренде,

В процессе функционирования бренда все виды отношений тесно переплетены. От того, насколько правильно сформирована символика бренда, зависит их гармоничное взаимодействие. В конечном счете, от этого зависит эффективность и полноценность бренда.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994.

2. Макашев М. О. Формирование отношений бренда с потребителем // ELITARIUM.RU: Центр дистанционного образования. URL: http://www.elitarium.ru/2011/01/17/otnoshenije_brend_potrebitel.html

3. Почепцов Г. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук Ваклер, 2001.
4. Фоксол Г., Голдсмит Р., Браун С. Психология потребителя в маркетинге. СПб. : Питер, 2001. URL: <http://www.piterpress.ru/attachment.php?barcode=978531800159&at=exc&n=0>
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998.
6. Эллууд Я. 100 приёмов эффективного брендинга. СПб. : Питер, 2002.
7. Яковлев И. П. Современные теории массовых коммуникаций. СПб. : Роза мира, 2004.
8. Wilcox D.L., Nolte L.W. Public Relations writing and media techniques. N.Y., 1995.

Л. И. Плотникова

**Лексические новообразования в текстах газетной публицистики:
лингвокреативная специфика**

УДК 070

Статья посвящена исследованию функционирования лексических новообразований в текстах газетной публицистики. В ней рассматриваются особенности нового языкового материала. Среди наиболее значимых выделено увеличение числа различного рода композитов. Это в первую очередь разнословные сложения, отражающие все сферы современной жизни. К инновационным тенденциям отнесены также активизация аббревиации, универбизации и рост окказионального словотворчества.

Ключевые слова: *тексты газетной публицистики, словотворчество, язык газеты, лексические новообразования, продуктивные модели новых слов.*

**L. I. Plotnikova. New forms of language in newspaper journalism:
linguistic creative specificity**

The article is devoted to study of new lexical forms in the language of newspaper. The following is considered in the article: peculiarities of new language material. One of the most significant is the increasing number of various types of composites. At first it concerns the composition of different words reflecting all the spheres of modern life. The activation of abbrevia-

tion, univerbalization and the grows of occasional word creation also refer to the innovations.

Key words: *newspaper journalism, word formation, newspaper language, lexical innovations, productive models of new words.*

По образному определению В. А. Звегинцева, текст – это «лингвистическая вселенная» [4:79], что свидетельствует о безграничности проблематики его изучения и, вместе с тем, о необходимости комплексного подхода к его исследованию. Оставив в стороне вопросы, связанные с проблемами определения лингвистического статуса текста, обратим внимание на то, что «многочисленные формулировки понятия «текст», отличаясь деталями, едины в выделении существенных признаков текста: целостность, связность, включенная в него тем или иным способом информация о говорящем и адресате, о ситуации общения, обработанность речетворческого материала в соответствии с законами и нормами языка» [11:67].

Согласно концепции Г. О. Винокура, вопрос о принципах изучения языка зависит от функциональной специфики анализируемых текстов. Противопоставляя *художественный/нехудожественный* (поэтический/ практический) язык, он характеризует поэтический язык как язык в особой (художественной, эстетической, поэтической) функции, когда язык сам по себе предстает как искусство, как «особый модус действительности», формирующийся «вторичной мотивированностью прямых значений языкового знака» [3:33].

Особенности менталитета и культуры народа находят отражение, прежде всего, в словарном составе языка. Устоявшееся, прочно закрепившееся в языке слово отражает объективно существующую картину мира. Лексические новообразования, связанные, как правило, с динамическими языковыми процессами, позволяют определить основные явления и тенденции, характеризующие язык наших дней. Более того, анализ созданных автором слов свидетельствует о том, что они тематически отражают все изменения, происходящие в различных сферах современной жизни. Следовательно, можно говорить о том, что лексические инновации способствуют интерпретации явлений действительности и пониманию специфики их восприятия в определенной лингвокультурной общности. Особенности новых номинаций, как и закрепившихся в языке слов, связаны со своеобразием национальной культуры народа, потому что в их использовании отражается национально-культурное видение мира.

В языковой картине мира выделяют общие черты, характерные для любого языка, и специфические черты, которые являются отражением национальных особенностей отдельного языка. К последним

можно отнести и новообразования, которые отражают все перемены, происходящие в жизни российского общества, и являются «номинативными последствиями» социальных изменений. Политические и экономические преобразования, происходящие в России в последние десятилетия, изменили язык средств массовой информации. Газета, как один из видов СМИ, не только фиксирует ежедневные события, но и оперативно регистрирует новый языковой материал. Чтобы привлечь внимание как можно большего числа читателей к описываемой проблеме, автор не только представляет тот или иной фактический материал, но и использует самые разнообразные средства для достижения поставленной цели. Одним из таких средств, позволяющих, с одной стороны, привлечь внимание читателя к предлагаемому материалу, а с другой – образно, ярко и нестандартно описать важные процессы, происходящие в обществе, являются новообразования, созданные самим автором или услышанные им в живой разговорной речи.

Говоря о новых словах на газетной полосе, необходимо учитывать, что газетный текст – это журналистский текст, который является неоднородным в плане жанровых разновидностей. Он «подвергается влиянию художественной, научной, официально-деловой и разговорной речи» [1:283], «вбирая в себя достижения речевой культуры всех сфер речевой практики общества» [8:159].

Новообразования, извлеченные из различных текстов газетной публицистики, можно условно разбить на две группы: 1) новые слова, которые отражают социально-политические процессы, происходящие в стране в настоящее время. Эти слова образуются, как правило, по продуктивным словообразовательным моделям и получают распространение в общем языке, обозначая новые общественно-политические отношения, развитие новых технологий, отраслей науки, но не получили еще фиксации в толковых словарях; 2) индивидуально-авторские новообразования, или окказионализмы, характеризующиеся единичным, неузуальным образованием.

Анализ слов первой группы позволил заключить, что своеобразной приметой нашего времени являются новообразования со значением отвлеченного признака: *гейскость, зацикленность, зашлакованность, зашумленность, мафиозность, малообеспеченность, невзвешенность, страшность*. Каждое из подобного рода слов по-своему характеризует определенные явления нашей действительности. Такие слова создаются довольно активно в современном русском языке, о чем свидетельствуют различные исследования: «растет класс существительных абстрактных с суффиксами *-ость* и *-изм...*» [2:138]. «Высокопродуктивны в РР также отадъективные существительные с суф-

фиксом *-ость*, обозначающие отвлеченный признак... Слова на *-ость* производятся и от качественных, и от относительных прилагательных. В первом случае они обозначают: нечто, наделенное данным признаком (*отяготительности, заразности, необыкновенности*); во втором – нечто – предмет или класс предметов – относящееся к разряду предметов, послуживших производящими для прилагательного, от которого образовано существительное на *-ость*. В этом случае слово на *-ость* формально соотнесено с прилагательным – синтаксическим дериватом, а по смыслу – с лежащим в его основе субстантивом (*изюмность, молочность* и т. п.)» [5:117–119].

Можно говорить о том, что структура функционирующих в языке газеты новообразований социально обусловлена. Это свидетельствует о важности словообразовательной составляющей текста газетной публицистики: при помощи словообразовательных средств обозначается обычно то, что является наиболее важным и ценным в сознании народа. Кроме того, активизация той или иной модели позволяет определить, какие участки являются открытыми, а какие – закрытыми для активного словопроизводства.

Слова, обозначающие социально значимые процессы, получили название концептуальной лексики, или ключевых слов (термин употребляется в работах Е. А. Земской, Ю. Н. Караулова, Т. В. Шмелевой). По определению Е. А. Земской, *ключевыми* следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания [5]. Подобного рода слова настолько актуальны, что порождают целые гнезда производных новообразований. Среди ключевых Е. А. Земская выделяет два вида:

1) слова, получающие высокую частотность и словообразовательную активность на короткий период времени, «действующие подобно взрыву или вспышке». Они обнаруживаются в период общественных катаклизмов, социально значимых событий. К таким словам относят, например, те, которые связаны с событиями 19–21 августа 1991 года. Так, особую активность в данный период приобрело слово «путч». Оно было известно русскому языку давно, но мало употреблялось до указанных событий. От слова «путч» были образованы производные *путчисты, антипутчисты, допутчевый, постпутчевый, послепутчевый, антипутчевый, путчистски, путчизм*;

2) слова, высокочастотные длительное время (год и больше). По мнению Е. А. Земской, они более показательны для эпохи, так как называют явления, характеризующие ее более глубоко.

Так, для 90-х годов XX столетия ключевыми являлись многие слова, относящиеся к сфере экономики и политики. Это, прежде всего, слово «рынок», породившее новообразования *псевдорынок, недо-*

рынок, квазирынок, рыночник, антирыночник, суперрыночник, квазирыночный, антирыночный, псевдорыночный, безрыночный, ультрарыночный, рыночно.

Среди других слов, активно включившихся в деривационный процесс и сформировавших вокруг себя целые словообразовательные гнезда из новообразований, можно выделить следующие:

- акция – *акционировать, акционирование, акционеризация, акционерно-биржевой;*
- бизнес – *бизнес-вумен, бизнес-леди, бизнес-класс, бизнес-клуб, бизнесменка, бизнесменский, бизнесмениша, бизнес-план, бизнес-право;*
- демократия, демократ – *демократизатор, демократически, демократизированный, демократка, демократура* и др.

Наряду с новообразованиями, отражающими различные социальные тенденции, активно создаются и функционируют в языке газеты инновации, обозначающие человека как носителя определенных социальных признаков: *компьютероманы, фанерищики, шлагермены, маньяковеды* и др.

Анализируемый языковой материал позволяет говорить о том, что довольно солидная группа новообразований – это производные от имен собственных, фамилий известных общественных деятелей, политиков, экономистов. Данный факт подтверждает положение о том, что характерной чертой нашего времени является усиление личностного начала (М. В. Панов, Е. А. Земская и др.). Имена наших современников, выступающие в качестве производящих баз, «рождают» целые словообразовательные гнезда. Например: Путин – *путинец, попутински, путинский, дзюдоисты-путинцы, «Путинбург», «путинина», «путинологи», «путиноведы».*

Сохраняет деривационный потенциал фамилия *Жириновский*, что обусловлено, очевидно, своеобразием данной политической фигуры, лидера «ЛДПР»: *жириновец, антижириновский, жириновщина, пожириновски, жириновствовать, жирик, ВВЖ* и др.

Одной из отличительных особенностей языка современной газеты является экспансия сниженной лексики. Это объясняется как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами. К последним в первую очередь необходимо отнести явление универбизации, или конденсации, основным способом выражения которого является суффиксация. О широком распространении данного явления свидетельствует и тот факт, что суффиксальная универбизация отмечается и в других славянских языках: украинском, белорусском, польском, чешском. Исследователи данного явления отмечают, что «самым продуктивным средством для выражения семантической конденсации, всегда сопровождающейся формальным стяжением, остается суффикс

-к(а): аморалка, бесконвойка, виртуалка, взбровка – валютная облигация ВЭБ – Внешэкономбанка, гладилка, дробленка, ...кассационка – кассационная жалоба, наружка – наружное наблюдение...» [12:52]. Собранный языковой материал подтверждает высокую активность отмеченной словообразовательной модели.

Наряду с такими признаками как семантическая и формальная конденсация, суффиксальные универбы, как правило, являются стилистически маркированными словами, ср.: наличные деньги – *наличка*, безналичный расчет – *безналичка*, оборотные средства – *оборотка*, фондовая биржа – *фондовка*, минимальная зарплата – *минималка*, социальная сфера – *социалка*, экстремальная ситуация – *экстремалка*, виртуальная реальность – *виртуалка* и др.

Широкое распространение просторечных и жаргонных слов соотносится с определенными социальными явлениями и обнаруживает тесную связь языка с действительностью. Среди основных причин экспансии сниженной лексики необходимо, на наш взгляд, назвать следующие: (1) серьезные сдвиги в сфере экономики и политики; (2) низкий уровень речевой культуры; (3) стремление некоторых газет завоевать популярность любым путем.

Кроме того, более свободными становятся границы между отдельными жанрами, изменяются общественные и нравственные ориентиры, изменяется сам характер нашего общества. Все это не могло не отразиться на превалировании стилистически сниженной лексики, оказывающей немаловажное влияние на формирование языкового вкуса. «В таких крайних явлениях образования слов, как и в <...> активизации вообще всякого рода шуток, переделок, каламбуров, проявляется действие общественного вкуса эпохи, ищущего свободы и оригинальной индивидуальности во что бы то ни стало. И здесь этот поиск ведет к нарочитому огрублению языка, к пристрастию к нелитературным моделям <...> Как бы ни отмахиваться от крайностей моды, нельзя не видеть, что их массовость может привести к известной деформации лексической системы языка, нормативных законов словообразования: они активизируют периферийные модели, передвигают их в центр, вовлекают в словообразовательный процесс новые основы, мало считаясь с их стилистико-семантической спецификой и даже с их морфонологическим строением» [9:215].

Ускорение темпов жизни усиливает действие закона языковой экономии, который проявляется в создании экономичных языковых форм. Наряду с отмеченными выше новообразованиями-универбами, к числу конденсатов можно отнести разнословные сложения, или биномины. Тексты газетной публицистики свидетельствуют об активизации биноминов в последнее десятилетие: *чиновник-взяточник*, *ми-*

лицционер-убийца, женщина-наркоторговец, осьминог-предсказатель, братья-беспредельщики и др. В подобного рода словах отражается стремление языка к удобным и компактным формам выражения, ср.: *Есть опасность, что на «шестой кнопке» получится еще один «типовой» канал. Ведь сейчас на разных кнопках под схожим названиями одни и те же «звезды» танцуют, катаются на льду, перепевают старые песни, участвуют в похожих, как близнецы, ток-шоу. Может, логичнее было бы сократить количество таких «каналов-двойников», многие из которых прямо или косвенно дотируются из того же государственного кармана.* – АиФ, 2009, №41; *«Реклама-виновник»* (заголовок): *Наша пицца становится все более жирной и сладкой. Именно такую часто пропагандирует реклама. Дети становятся заложниками навязанного им ТВ образа «правильной» еды.* – Телесемь, 2010, № 37.

Довольно часто авторы прибегают к использованию биноминов в процессе поиска свежих слов и выражений, создающих необычные образы: *Слуховая стена в графстве Кент позволяет учуять врага за 60 километров. Огромные забетонированные площадки-чаши, обращенные в небо: как ими пользовались? Видимо, ложились в центре. Что было слышно? Эксперты уверяют, что каменные уши-зеркала позволяли распознать звук приближающегося аэроплана, дирижабля или корабля. А с помощью «стен – и до 60».* – КП, 2006.

Довольно многочисленны биномины, включающие заимствованные элементы: *арт-тусовка, арт-шоу, байк-шоу, маркетинг-клуб, парадиз-коктейль, рейв-клуб, шоппинг-тур* и др.

Анализ новых образований в языке газеты выявил активное функционирование сложносокращенных слов. «Аббревиация в языке выполняет компрессивную функцию. Именно поэтому она особенно активна в современном языке <...> Увеличение языкового кода за счет аббревиатур, дававшее огромную экономию на уровне текста, оказалось вполне оправданным и неизбежным...» [2:147–148].

Примерами аббревиатур, извлеченных из текстов газетной публицистики, могут послужить следующие: *КПК* – карманный персональный компьютер, *ТП* – тарифный план, *ОСАГО* – обязательное страхование автогражданской ответственности, *ПИФ* – паевой инвестиционный фонд, *ЕЭП* – единое экономическое пространство и др.

Процесс аббревиации как «универсальный ментальный механизм», направленный на «компрессирование стабильных связей», представляет особый интерес. Сущность действия механизма компрессии заключается в том, что в определенных условиях между те-

лом знака (словосочетанием) и понятием, которое оно репрезентирует, устанавливаются отношения жесткой референциальной соотнесенности, что приводит к стабилизации связей между компонентами такого отношения. Включается когнитивный механизм компрессии, сворачивающий многословное образование. Осуществляется не только смысловое компрессирование, но и *переключение на иной способ обработки информации*. Таким образом, на основе механизма компрессии создается специфическая когнитивная структура, а в репрезентирующем ее знаке содержится указание на способ представления содержания мышления [10].

Ко второй группе лексических новообразований, активно функционирующих в текстах газетной публицистики, можно отнести окказиональные слова – слова одноразовые, единичные, отличительной особенностью которых является то, что они объективируют не обобщенное, а *индивидуальное знание*. Окказионализмы наиболее ярко демонстрируют индивидуально-творческий подход к словопроизводству. В создании таких слов наиболее выразительно раскрываются творческие возможности человека. Они рассчитаны, как правило, на эффект неожиданности, оригинальность, неповторимость, «диковинность» (А. Г. Лыков), связаны с изобретательностью и нестандартностью. Окказиональные слова отличаются одноразовостью и привязаны к определенному контексту. Так, среди лексических инноваций особый интерес представляют контаминированные образования и образования с графически выделенным сегментом, в которых наиболее ярко проявляется креативный потенциал словотворчества, например: *меладзично* (Меладзе + мелодично); *цзюнами* (К. Цзю + цунами); *МABРоди* сделал свое дело; *МЫСкина* доброй надежды; *заЛужковский* кандидат (заголовок). Премьер Фрадков между Россией и Москвой ...»; *КСЕНИфобия* (заголовок). Собчак и «Бригада» оккупировали ТВ; *БезЗЕМФИРЬЕ* (заголовок); Финиш с *КОРВАЛолом* (заголовок). ЦСК с Корвалю и без него – все-таки разные команды; *РАЙСкий* базар... (заголовок). Госсекретарь приехал ради двух мужчин и др.

В подобного рода словах выражается субъективное отношение автора к сообщаемому. Такие новообразования, как правило, создаются с целью определенного воздействия на слушающего/читателя. В отдельных случаях могут быть использованы заимствованные элементы или целые слова: «Фильм возродил моду семидесятых на *«блэксплуатацию»*. – Премьер, февраль-март 1999. – Black (англ. – черный) + эксплуатация, то есть мода на использование в главных ролях чернокожих киноактеров; «*STARость* – не радость» (надпись на обложке журнала). – Star (англ. – звезда) + старость.

На массовость окказионального словотворчества в языке газеты указывает Н. С. Валгина: «Публицисты, художники слова всегда прибегали к приемам словотворчества. Но это было настолько индивидуально, контекстуально и эпизодично, что никак не может быть сопоставимо с массовостью явления в современной практике печати. Создается впечатление, что современные журналисты в буквальном смысле соревнуются друг с другом в словесном изобретательстве. По многим окказиональным наименованиям можно, например, проследить всю историю болезни нашего общества: *гарнизонкосильщики* – призывники, уклоняющиеся от службы в армии; *фальшивонапитчики* – изготовители некачественных напитков; *фальшивозвонильщики* – предупреждающие о мнимых террористических актах...» [2:152]. Данный ряд индивидуально-авторских образований можно продолжить многочисленными словами, характеризующими нашу действительность с различных сторон, например: *бандиада*, *бывшевики*, *дерьмократия*, *желто-прессник*, *кока-колонизация*, *первопроходимцы*, *сроссиянить*, *опрезидентиться*, *ценизм* и др. «Язык газеты приобрел индивидуально-творческий характер, что позволяет говорить о новом понимании индивидуально-авторского слова – слова, не связанного с определенным автором, не замкнутого в рамках определенного текста, а индивидуального в интенциональных проявлениях, что выражается в необычной форме» [7:277]. Подобного рода слова свидетельствуют об активном словотворчестве, выражают эмоциональную оценку происходящего в современной жизни, позволяют понять индивидуальный опыт его постижения.

Таким образом, словопроизводство в текстах газетной публицистики – это та область номинативной деятельности, где ярко раскрываются творческие возможности человека. Лексика газеты оперативно отражает состояние современного российского общества. В свою очередь, преобразования, происходящие в последние годы в России, качественно изменяют язык СМИ. Высокая степень оценочности, стремление любой ценой привлечь внимание читателя, подчас слепое следование за установившейся в сознании носителей языка речевой модой не могли не отразиться на особенностях словотворчества.

Новообразования газетной публицистики – это разнородный материал, представленный (1) новыми словами, которые проявляют в последнее время определенную активность, и (2) индивидуально-авторскими образованиями, созданными «по случаю», «одноразово», с определенной целевой установкой. Слова первой группы отражают наиболее важные общественно-политические и социально-экономические изменения, происходящие в России в последнее время; они, как правило, объективируют обобществленное, коллективное

знание, которое начинает закрепляться социальной практикой, и образованы по продуктивным моделям. Слова второй группы также связаны с влиянием социальных факторов, но они более субъективны, в них наиболее выражены оценочность и экспрессия, ярче представлено личностное начало, связанное со стремлением индивидуума к выражению своего «я». Соответственно такие слова объективируют индивидуальное знание, структурированное в сложный индивидуально-авторский концепт, который находит выражение в необычных языковых формах.

«Тексты СМИ позволяют не только определить языковую культуру в конкретный период. Пресса, как часть массовой коммуникации, тиражирует вкусы, жизненные приоритеты, поведение, в том числе речевое» [11:67]. В целом новообразования в текстах газетной публицистики не только свидетельствуют о значительных переменах, происходящих на рубеже двух веков в жизни нашего общества, но и выявляют те изменения, которые произошли в языке под влиянием социальных факторов.

1. Богуславская В. В., Малычева Н. В. Художественный и журналистский текст в аспекте функционально-семантических категорий // Русский язык: исторические судьбы и современность / Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. С. 283.

2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001.

3. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1991.

4. Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980. Т. 39. С. 144–156.

5. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 35–41.

6. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

7. Ильясова С. В. Словообразовательная игра: традиции и новации (на материале языка СМИ конца XX – начала XXI вв. // Русский язык: исторические судьбы и современность / II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 276–277.

8. Коньков В. И. Речевая структура газетного текста. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995.

9. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999.

10. Мустафинова Э. Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект: автореф. дисс...канд. филол. наук. Барнаул, 2001.

11. Сметанина С. И. Тексты СМИ в системе культуры // Русский язык на рубеже тысячелетий : мат-лы Всероссийской конференции: в 3-х т. Т. 2. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2001.

12. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании. Белгород : Изд-во БелГУ, 2007.

Н. В. Якушина

Особенности языка в коммуникативной среде Интернет

УДК 811

В статье рассмотрены особенности употребления естественного языка в коммуникативной среде Интернет. Интернет характеризуется как семиотическая система, обусловленная самой организацией коммуникации, текстов, информации, событий.

Ключевые слова: коммуникативная среда Интернет, семиотическая система, код культуры, язык Интернет.

N. V. Yakushina. Features of language in the communicative environment the Internet

In article features of the use of a natural language in the communicative environment the Internet are considered. The Internet is characterized as the semiotics system caused by the organization of communication, texts, information, events.

Key words: communicative environment Internet, culture code, language Internet, semiotics system.

Интернет как особая коммуникативная среда и как ранее не существовавшая сфера реализации языка принесла с собой новые способы общения, стереотипы речевого поведения, новые формы существования языка.

По мнению В. М. Розина, человек – это семиотическое и культурное существо и его изменение обусловлено, в частности, сменой типов культуры и семиозиса. В настоящее время человек проходит именно такую трансформацию, связанную, в частности, с формированием Интернета [5:18].

В теоретическом отношении информационная реальность может быть рассмотрена в четырех планах: «это *специфическая технология, особая знаковая система* (семиозис), широкий спектр *средств решения различных социальных и индивидуальных задач*, наконец, *значимый фактор и аспект современной среды обитания человека*» [5:6]. Именно семиотический характер Интернет позволяет говорить о последнем как об особой реальности или мире.

Понимание Интернет как семиотической системы обусловлено самой организацией коммуникации, текстов, информации, событий. Семиотическая организация осуществляется «с помощью знаков, схем, символов, ссылок и переходов, то есть операций со знаками» [6:12].

Роль знака именно как минимальной единицы знаковой системы, или языка, несущей информацию, особо актуализируется в интернет-коммуникации. Семиотическая сущность высказываний коммуникантов проявляется в вербальной и невербальной репрезентации компонентов высказывания.

В процессе анализа интернет-коммуникации исследователями, в частности Галичкиной, Моргун, были выявлены следующие конститутивные признаки компьютерной коммуникации: 1) электронный сигнал является каналом общения; 2) виртуальность, т. е. общение с неопределенным коллективом, с неизвестными собеседниками; 3) дистантность, т. е. разделенность в пространстве и во времени и одновременная синхронность; 4) опосредованность (так как общение осуществляется с помощью технического средства); 5) высокая степень проницаемости, т. к. участником компьютерного общения может оказаться любой человек; 6) наличие гипертекста; 7) креолизованность (жанровое смешение) компьютерных текстов; 8) по преимуществу статусное равноправие участников в Сети; 9) передача эмоций, мимики, чувств с помощью «смайликов»; 10) компьютерная форма дискурса объединяет в себе все типы дискурса, но отличается прежде всего по каналу связи; 11) специфическая компьютерная этика.

В своем исследовании В. М. Розин отмечает, что «важной особенностью семиотической системы Интернета можно считать ее *машинный характер*. Здесь человек оперирует со знаками, так сказать, не «вручную», как, например, в случае чтения, письма или устного счета, а с помощью специально созданных машин – компьютера, телефона, сети. В результате возникает возможность *быстродействия, оперирования большими объемами информации, обнаружения и использования эмерджентных и системных эффектов*. Но машинность Интернета не отменяет необходимости замещать, выражать, представлять содержания, ситуации, события в *знаках, символах, схемах*» [5].

Языковые нормы, отражая историю развития Интернет в России, в то же время активно влияют на нее, формируя различные мифы. До сих пор бытует миф, что Интернет объединяет людей в единую субкультуру и человек, занимающийся рекламой в Сети, скорее найдет общий язык с сетевым художником, чем с оффлайн-рекламистом. Однако увеличение числа пользователей и растущее многообразие сред применения Интернет как технологии обрекает идею «братства интернетчиков» на постепенное умирание [1]. Интересы у людей, работающих сегодня в Интернет, самые разные, а значит, разнятся используемые ими коммуникативные механизмы. В этом смысле Интернет как единой среды не существует. Есть множество параллельно существующих и мало пересекающихся между собой «Интернетов», каждый из которых говорит на своем языке.

Коммуникация в интернет-пространстве осуществляется с помощью естественного языка, особое значение приобретает киберлингвистика, занимающаяся изучением языка киберпространства.

Поле деятельности киберлингвистики – это компьютерно-медийная коммуникация, осуществляемая в киберпространстве с неограниченными возможностями для неограниченного числа людей создавать свои виртуальные личности посредством языкового (текстового) выражения. С помощью этих виртуальных личностей происходит постижение виртуальной вселенной, социальное взаимодействие с другими подобными личностями, создание сообщества со своими правилами, лидерами и многое другое [6].

Естественный язык является самой совершенной и универсальной культурной знаковой системой. В процессе передачи информации происходят сложнейшие изменения знаковых структур и смыслов, составляющих их знаков, которые все вместе отражают реальные исторические изменения, происходящие в культуре, во всех формах человеческой жизни. Но кроме естественного языка – основного кода культуры, вырабатываются и существуют другие знаковые системы, так называемые вторичные языки. Обобщая понимание культуры как знаковой системы, выдающийся отечественный культуролог Ю. М. Лотман назвал культуру семиосферой, то есть сферой знаков, обладающих культурным значением.

Если все феномены культуры рассмотреть как факты коммуникации, как сообщения, то понять их можно лишь в соотношении с каким-то посредником, потому что связь знаковых систем с отражаемой ими реальностью не является непосредственной. Потребность в таком посреднике обнаруживается тогда, когда различные феномены сравниваются между собой и сводятся в единую систему. Поэтому и необходима система особых смыслоразличимых признаков – *кодов культу-*

ры. При этом под *кодом* понимается совокупность знаков и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена в виде набора этих знаков для передачи, обработки и хранения.

На первый план выдвигается именно содержание и понимание культурных текстов, поэтому понятие «код культуры» становится таким актуальным и требует уточнения. Необходимость в культурном коде возникает только тогда, когда происходит переход от мира сигналов к миру смысла. Мир сигналов – это мир отдельных единиц, рассчитываемых в битах информации, а мир смысла – это те значащие формы, которые организуют связь человека с миром идей, образов и ценностей данной культуры. И если в пределах формализованных языков под кодом можно понимать то, благодаря чему определенное означающее (значение, понятие) соотносится с определенным означаемым (денотатом, референтом), то в *языках культуры код* – это то, что позволяет понять преобразование значения в смысл.

Код – модель правила формирования ряда конкретных сообщений. Все код могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего. Сообщение, культурный текст могут открываться разным прочтениям в зависимости от используемого кода. Код позволяет проникнуть на смысловой уровень культуры, без знания кода культурный текст окажется закрытым, непонятным, невоспринятым. Человек будет видеть систему знаков, а не систему значений и смыслов.

Основной код культуры должен обладать следующими характеристиками:

- самодостаточностью для производства, трансляции и сохранения человеческой культуры;
- открытостью к изменениям;
- универсальностью.

Г. Г. Гусейнов выдвигает гипотезу, «согласно которой превращения русского языка в Сети обусловлены не столько практическими потребностями упрощения кода, сколько игровыми условиями виртуального пространства, или коммуникации-игры. Иначе говоря, массовому пользователю важно не увеличить проходимость информации, но сделать предельно зримым собственное присутствие в Сети» [4].

На возникновение особого стиля коммуникации в Интернет оказывают влияние такие факторы, как анонимность, отсутствие непосредственного слухового или зрительного контакта, быстрота передачи информации. Это приводит к возникновению особого вида речевой деятельности: письменной разговорной речи. Е. П. Буторина выделяет у неё ряд особенностей:

– это речь чаще всего образованных людей: в ней много терминов, сложных конструкций, коммуниканты легко переходят с одного естественного языка на другой;

– в этой речи много игры: использование мистификаций, ненормативной лексики, стилизации, условных сокращений, «смайликов» (изучение системы которых представляет собой отдельную семиотическую задачу) и т. п.;

– круг обсуждаемых проблем крайне широк;

– число собеседников (например, участвующих в чатах) не ограничено, они могут вступать в беседу и покидать её на любом этапе;

– к тексту на естественном языке довольно легко подключается изображение, а при желании и звук [2].

Характеризуя основные типы коммуникационных сред Интернет, Н. В. Гордеев отмечает, что «персональные страницы дневников, социальных сетей и сайтов знакомств содержат схожие коммуникативные блоки (личная информация, интересы, фотографии пользователя), однако степень подробности их раскрытия различна. Различная степень подробности освещения блоков информации о пользователе позволяет говорить, о наличии «фокуса» персональной страницы, то есть некоторого аспекта презентации виртуальной личности, взятого создателями коммуникативной среды в качестве главного» [3].

Необходимо учитывать, что в интернет-среде помимо культуры личных контактов и культуры составления письменного текста (чтения) возникает культура организации информации на экране. Посетители страниц Интернета лишь пробегают по тесту глазами, а не вчитываются в содержание, поэтому необходимо сделать текст в первую очередь удобным для чтения. Текст на экране воспринимается гораздо лучше, если используются рубленые шрифты. Оптимально воспринимается текст определённой структуры, помещающийся на экран целиком (подробности оформляются в виде гипертекстовых ссылок). Внешний вид текста и его смысл должны гармонично дополнять друг друга.

Систему гипертекстовых ссылок следует строить с учётом того, что текст могут читать люди из других стран и регионов, из разных социальных слоев, поэтому фоновые знания жителей региона или людей, принадлежащих к тому или иному языковому коллективу, часто необходимо выражать эксплицитно (текст и/или рисунки). Таким образом, в тексте на естественном языке, представленном в Интернет, требования к эксплицитности изложения зачастую выше, чем в письменном тексте, используемом в других ситуациях.

В то же время для средств массовой информации важным является не только сделать текст понятным для большего числа людей, но и построить его так, чтобы он оказывал оптимальное влияние на лидеров мнений – людей определённого возраста, образования, уровня обеспеченности. Это также задаёт параметры структуры и лексического наполнения текста.

Язык научного сообщества в Интернет отличается от языка представителей «хулиганствующего» сегмента сети, а также от языка виртуальных персонажей, населяющих сеть [8].

Так, Г. Г. Гусейнов отмечает, что «в Сети визуальность разрозненных или рассыпанных по “ящикам” образов и моторность доминируют над монументальной текстуальностью. Правда, опора на устный опыт, и особенно антинормативистские речевые субкультуры, преобладает над традиционными формами письменности (или, лучше сказать, печатности); преобладание моторной визуальности неизбежно расширяет в Сети поле смешного: возможность пошутить, как правило, не упускается и в сетевом тексте на самую серьёзную тему, и на сколь угодно серьёзном сайте. На русских горизонтах Сети эти родовые признаки Интернета выражены с тем большей отчетливостью, чем более практическая целесообразность русской электронной коммуникации лежит в самой процедуре общения» [4].

В плане распространения информации нельзя не отметить возможность организации полилога для обсуждения ряда вопросов (это создаёт эффект причастности получателя информации к её добычанию и представлению, позволяет вовлечь в проблему, создает впечатление того, что проблема важна и обсуждается очень широко). Для PR-технологий важна возможность работы со слухами, создание банков мнений и гипотез, что позволяет оказывать влияние на формирование общественного мнения.

Особое внимание во всех этих случаях уделяется дифференциации стилей речи, что позволяет более точно настроиться на аудиторию, чем традиционные монологические средства информации.

Таким образом, в интернет-коммуникации особо актуализируется роль знака именно как минимальной единицы знаковой системы, или языка, несущей информацию. Растворение «языков Интернета» в общеупотребительном лексиконе будет свидетельствовать об общественном признании Интернет в качестве особой коммуникативной среды, поскольку практически большая часть общения современного человека происходит по электронным каналам коммуникации.

Лингвистический аспект влияния Интернет на развитие любого языка, «присутствующего» в виртуальной реальности, становится всё значительнее. Это влияние всё интенсивнее возрастает, а такие из-

вестные ученые, как, например Дэвид Кристал, говорят уже не только о появлении специфической коммуникационной среды, но и о возникновении виртуальной языковой личности.

-
1. Бессуднов, А. Языки и мифы российского интернета // Известия-Медиа. 2001. 25 июня.
 2. Буторина Е. П. Особенности коммуникации на естественном языке в Internet. URL: <http://designbook.tomsk.ru>
 3. Гордеев Н. В. Презентация виртуальной личности в разных коммуникационных средах сети Интернет. URL: <http://cyberpsy.ru/2011/05/1151/>
 4. Гусейнов Г. Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000, № 43.
 5. Розин, В.М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М. : ИФ РАН, 2004. С.3–23.
 6. Розин В. М. Семиотические исследования. М., 2001.
 7. Овчарова К. В. Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дисс...канд. филол. наук. Краснодар, 2008.
 8. Щеглова С. Н. Сетевое сообщество социологов: основные характеристики участников и формы взаимодействия. URL: <http://ecsocman.edu.ru>

О. Н. Заикина

О параметрах комплексного анализа семантической категории (на примере концепта «Луна» в русском языке)

УДК 80.081

В статье освещаются параметры комплексного анализа семантических категорий. Выявление релевантных дифференциальных признаков концепта – это основные вехи авторской методики, которая позволяет устанавливать концептуальный статус понятия и выявлять концептуализированные части семантических полей.

Ключевые слова: параметр, комплексный анализ, концепт, семантическая категория, луна, символизация, синонимия, внутренняя форма слова, ценность, диахроническая константа, номинативная плотность.

O. Zaikina. The parameters of complex analysis of semantic category (concept 'Moon' as an example)

The article is devoted to the parameters of complex analysis of semantic categories. The identification of relevant differential signs of the concept are the main steps of author's methods, which helps to establish conceptual status of notion and determines the conceptual parts of semantic fields.

Key words: Parameter, complex analysis, concept, semantic category, moon, symbolization, synonymy, internal word form, value, diachronic constant, nominative density.

В современной науке о языке одной из животрепещущих тем последних лет является филологический концептуализм. Написано немало статей и монографий, посвященных дифференциальным признакам концепта, его сущности и методам выявления. Однако методики концептуального анализа довольно разнообразны (причина кроется в многомерности концепта как сложного ментального образования) и сводятся к описанию слоев и компонентов концепта (В. И. Карасик, Н. А. Красавский, С. Г. Воркачев). Концепт характеризуется опреде-

ленным набором дифференциальных признаков, выявление и описание которых позволит упорядочить методику анализа концептов. При этом концептуальный анализ должен быть усилен приемами других методик, поэтому важным моментом становится определение параметров такого комплексного анализа.

Изучение лингвистической литературы по данному вопросу и наблюдение над концептами «Луна», «Солнце», «Заря» и др. позволяют утверждать, что концепт характеризуется следующими дифференциальными признаками, выявление которых становится параметрами комплексного анализа: 1) синонимическая плотность концептуализированной части семантического поля в наивно-бытовой картине мира, 2) наличие стилистических синонимов и разработанных лексических парадигм, 3) живая внутренняя форма, 4) разветвленная система значений и разнообразный характер номинации, 5) функционально-стилевая освоенность, 6) высокая деривационная активность, 7) диахроническая константность, 8) связь с фольклорными темами, сюжетами, прецедентными текстами, 9) частотность употребления, 10) тематическая активность, 11) сохранность средств номинации и 12) синтагматическая значимость, 13) номинативные движения от конкретного к абстрактному, в том числе путем символизации значений.

На наш взгляд, выделение главного признака концепта и установление иерархии его дифференциальных признаков практически невозможно и, более того, нецелесообразно, поскольку одного признака, как и параметра сопоставления, явно недостаточно для безошибочной идентификации концепта и понятия. Как правило, концепту свойственны все или практически все из перечисленных выше признаков. Так, понятие '**луна**' является концептом в русском языке и культуре. Синонимический ряд с доминантой **луна** представлен десятками лексем (*месяц, ночное светило, Диана, Геката, Луцина, Селена, Цинтия, полумесяц, серп, рог, диск, царица ночи (нощи)*), слова *луна* и *месяц* обладают очень богатой адъективной сочетаемостью, луна является темой произведений устного народного творчества, мифов, литературы, искусства; не подчиняется данный концепт и законам логики: в научной картине мира **луна** одна и выступает как спутник, в языковой же (наивно-бытовой) – это ночное небесное светило, представленное двумя своими ипостасями (луна и месяц), кроме того, данное понятие является диахронической константой языка и культуры примерно с X века.

Опишем каждый дифференциальный признак концепта подробнее.

Признак «ценности» концептуального понятия для носителя языка был впервые предложен В. И. Карасиком (активно данное на-

правление развивается в работах его учеников Е. В. Бабаевой, Н. А. Красавского, Г. Г. Слышкина и др.). Ученый разграничил языковую и ценностную картины мира, указав, что «в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [9:5].

Важнейшим объективным показателем и сигналом актуальности того или иного понятия для конкретного сообщества является **номинативная плотность**, т. е. «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [9:133]. Ценным для человека является только то, что играет существенную роль в его жизни и потому получает многостороннее обозначение в языке. Как нам представляется, более точным термином было бы выражение «синонимическая плотность» как характеристика концептуализированной части семантического поля. Кроме того, на наш взгляд, плотность номинации нельзя считать универсальным признаком концепта, поскольку высокая плотность не всегда указывает на концептуальный статус понятия. Наблюдения показывают, что членимость понятий в науке не указывает на их концептуальный статус, соответственно, признак синонимической плотности становится релевантным лишь при членении наивно-бытовой картины мира. Ср.: *звезды-гиганты, звезды-карлики, двойные, кратные, переменные звезды* – терминологические обозначения типов светящихся газовых шаров, т. е. звезд в научной картине мира – и *светила ночные, небесные лампадки, озимый сев, пчелки, мотыльковый рой, мухи, горох, пшеница, картошка, горсть виноградин, спелый барбарис* – перифрастические и метафорические наименования звезд в наивно-бытовой картине мира.

Концептуальное понятие глубоко укореняется в языке и культуре народа и поэтому является **диахронической константой** и языка, и культуры, поэтому Ю. С. Степанов считает, что «концепты представляют собой в некотором роде «коллективное бессознательное» ...общества...» [15:283]. Исторический период зарождения и функционирования концепта определяется фиксацией вербализующего его слова (слов) в словарях и литературных памятниках.

Существование в течение длительного исторического периода (Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов) тесно связано со свойством концепта сохранять на протяжении своего диахронического развития корневые морфемы, которое было описано Н. А. Красавским [11]. Необходимость учитывать морфемный состав слова, особенно семантику аффиксальных средств, при концептуальном анализе отмечает

А. Вежбицкая [6:77]. Мы предлагаем обозначить данные дифференциальные признаки как индекс сохранности корневых морфем и наличие словообразовательных компонентов, а параметр комплексного анализа определить как **степень сохранности средств номинации**.

Возможность изучения концептов через изучение **внутренней формы** их имен подчеркивается многими учеными (Карасик, Красавский, Токарев). Внутренняя форма является средством вербализации смысла концепта. А. А. Потебня указывал, что внутренняя форма является «центром образа, одним из его признаков, преобладающим над остальными» [13:125]. Г. В. Токарев считает, что внутренняя форма является результатом процесса языковой категоризации, «редуцируя массу признаков, она облегчает обобщение однородных явлений, избранный признак является своеобразной этикеткой всего значения, стоящей за ним реалии, а значит, указывает на то, как она отражается, понимается сознанием говорящих на данном языке» [17:94].

Важнейшим свойством внутренней формы, особенно важным для процесса концептуализации понятия, является ее мотивированность. Мотивированность позволяет интерпретировать внутреннюю форму, обнаружить устойчивые и значимые для носителя языка признаки наименования понятия, поскольку мотивированность является результатом апперцепции человеческой психики – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека, при этом в образе, по мысли А. А. Потебни, «отпечатывается то, что человеку кажется непосредственно истинным и действительным» [13:127].

Степень прозрачности внутренней формы указывает на ценность того или иного явления для носителя языка и, соответственно, на его концептуальный статус: единицы языка, вербализующие концепты, как правило, имеют живые внутренние формы, которые представляют все значение языковой единицы. Однако этот признак нельзя считать универсальным, поскольку затемнение или забвение внутренней формы может быть вызвано не только снижением ценностного статуса обозначаемого языковой единицей явления, но и «усложнением понятия», «сменой культурной парадигмы, в которой была порождена данная внутренняя форма» [17:96]. «Мертвые внутренние формы уже не объясняют то или иное явление, а хранят память о его интерпретации» [17:97].

Изучение внутренней формы имени концепта тесно связано с установлением его **этимологии** и **языковой проекции**. Многие концепты имеют прямую языковую проекцию. «Языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразие способа освоения мира. Известно, что в основу номинации обычно кладется только один реле-

вантный признак, по которому восстанавливается вся совокупность обозначаемого предмета. В этом состоит принцип означивания, языкового кодирования информации о многомерном мире» [9:148]. «Говоря о внутренней форме концепта, мы обращаемся к имени концепта, устанавливаем этимологию соответствующего слова» [9:150].

Концепты вербализуются различными с точки зрения **номинации** (прямыми и косвенно-номинативными) и **структуры** (расчлененными и нерасчлененными) языковыми единицами. Как правило, концепты имеют **расчлененную систему значений** и фразеологически связанные значения, то есть необходимо отделять единицы с прямономинативным значением, с переносным, фразеологические единицы, паремии, составные наименования с прямономинативным значением.

Характер номинации накладывает отпечаток на сочетаемость концепта. На наш взгляд, необходимо различать свободную и фразеологическую сочетаемость слов, вербализующих концепты. С точки зрения лексического состава сочетаемость концептов характеризуется богатством, разнообразием и непредсказуемостью. **Богатство лексической номинации концептов** объясняется стремлением носителей языка описать концептуализированные понятия со всех сторон.

Важным релевантным признаком концепта является сочетаемость ключевых слов, вербализующих концепт, то есть **синтагматическая значимость**. В. И. Карасик указывает, что информационный потенциал слова «выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слова» [9:57]. Н. Ф. Алефиренко сочетаемостные свойства слов отнес к проявлению их синтагматических значимостей [2:56]. Распространители концептов отражают особенности интерпретации явлений, обозначенных ими.

В связи с тем, что концепт является понятием, представляющим ценность для носителей языка, он выражается разнообразными языковыми средствами, главным образом синонимами, антонимическими оппозициями. Таким образом, один из ведущих признаков концепта — это **наличие разработанных лексических парадигм**.

На признак наличия синонимов у концепта указывают многие ученые [4:5; 17:176–188], однако при этом не разграничиваются их типы. На наш взгляд, синонимия в нерасчлененном виде не годится как релевантный признак для определения концепта, поскольку идеографические синонимы, как правило, указывают на низкий концептуальный статус понятия. В современной лексикологии принято различать семантические (идеографические) и стилистические синонимы. Семантические синонимы отличаются оттенками значения, стилистические синонимы, обозначая одно и то же явление действительности,

имеют разную сферу употребления или различную стилистическую окраску. Ср.: *луна* (нейтр.) и *Диана, Селена, Цинтия* (поэт.); *заря* (нейтр.) и *денница* (поэт.), *Аврора* (поэт.), *зорька* (разг., народно-поэт.). Среди стилистических синонимов выделяются подгруппы: 1) по сфере употребления (нейтральные – книжные – разговорные и просторечные; общеупотребительные – диалектные, профессиональные, жаргонные); 2) по экспрессивно-стилистической окраске (нейтральные, общеупотребительные – поэтические, народно-поэтические, просторечные); 3) по степени активности употребления (активные – устарелые, новые).

Сопоставим несколько синонимических рядов, доминантами которых являются как концептуализированные, так и неконцептуализированные понятия:

Бог, божество, верховное существо, творец, создатель, господь (бог); боженька (*ласк.* или *ирон.*); всевышний, всемогущий, вседержитель (*высок.*) [1:29];

Воспоминания, мемуары, записки [14:73];

Любовь ('любовная связь, любовные отношения'), роман (*разг.*), шашни (*разг.*), шуры-муры (*прост.*), амуры (*устар.*), интрига (*разг.*), интрижка (*разг. -пренебр.*) [14:221];

Мораль, нравственность, этика [14:237];

Смерть, конец; околеванец (*прост. шутл.*), летальный исход (*книжн.* и *мед.*), кончина, последний (или смертный) час (*высок.*), скончание (*устар. разг.*), преждевременная или насильственная гибель, крышка кому (*разг.*), капут кому, каюк кому, карачун кому (*прост.*) [1:408];

Судьба, судьбина (*устар., нар.-поэт.*), рок (*приподн.*), фатум (*книжн.*), фортуна [1:565].

В представленных выше рядах единицы синонимических рядов с доминантами *бог, любовь, смерть, судьба* вербализуют соответствующие концепты, чего нельзя сказать о синонимических рядах с доминантами *воспоминания, мораль*, которые состоят только из идеографических синонимов. Данные понятия «не вызывают интерес» у носителей языка, поскольку носитель языка не считает нужным закрепить то или иное слово за определенным стилем или контекстом, усилить интенсивность проявления качества (действия, признака) – единицы нейтральны. Синонимические ряды с доминантами *бог, любовь, смерть, судьба*, наоборот, включают в свой состав стилистические синонимы (*роман* (*разг.*), *шашни* (*разг.*), *шуры-муры* (*прост.*), *амуры* (*устар.*), *интрига* (*разг.*), *интрижка* (*разг.-пренебр.*); *судьбина* (*устар., нар.-поэт.*), *рок* (*приподн.*), *фатум* (*книжн.*); *скончание* (*устар.*

разг.), *крышка* (разг.), *каюк* (прост.)), что является свидетельством «ярко выраженного интереса» у носителей языка к данным понятиям.

Таким образом, релевантным признаком концепта является **наличие только стилистических синонимов**.

Концепты обнаруживают тесную **связь с фольклорными темами, сюжетами, прецедентными текстами**, находят отражение в **паремиологическом фонде языка** [15; 9; 17]. Значительное число паремиологических единиц, которые являются ценностно маркированными суждениями, на определенную тему свидетельствует об актуальности этой темы для ценностной картины мира данного этноса.

Кроме того, концепты находят свое выражение в произведениях литературы и искусства: живописных полотнах, произведениях музыки, архитектуры, скульптуры. К примеру, концепт «Луна» является темой многих стихотворений, картин, «Лунной сонаты» Л. Бетховена, образ луны запечатлен в скульптурах древнегреческих богинь, которые олицетворяли ее собой. Т. Е. Евсюкова [7:12] предлагает обозначать данное явление термином «**индекс интертекстуальности**», понимая под этим частотность случаев рефлексивного обсуждения концептов в текстах культуры. Нам представляется более логичным называть данное свойство термином «**индекс тематической активности**», поскольку интертекстуальность предполагает обращение к творчеству предшественников, а мы имеем дело лишь с тематической распространенностью концепта в произведениях литературы и искусства.

Важную роль для определения концептуального статуса понятия играют его параметрические характеристики: **частотность употреблений, круг ассоциаций, индекс межъязыковой коррелятивности**.

Т. Е. Евсюкова оперирует термином «ксено-индекс» [7:12], который характеризует единицы извне с позиций иных культур как культурно-специфические для данной культуры, то есть оценка культурно-значимого явления со стороны. Мы предлагаем обозначить данное явление термином «**индекс межъязыковой коррелятивности**», то есть синонимическая плотность номинации понятия в родном языке на фоне других языков (чужая культура или культуры становятся фоном для выявления национальных концептов). Одной из характеристик концепта является его диахроническая константность, соответственно, следует ожидать, что корни, описывающие эту идею, сохраняются и в других родственных языках, а наличие таких коррелятов подтверждает, в свою очередь, наличие этих корней.

В. И. Карасик указывает, что определенные смысловые образования оцениваются в той или иной лингвокультуре как относящиеся к высокому либо нейтральному, либо сниженному регистру общения

[9:133]. Слова, вербализующие концепты, обнаруживают закреплённость за определёнными функциональными стилями речи, мы предлагаем обозначать данное свойство концепта термином **«функционально-стилевая освоенность концепта»**.

Среди множества потребностей человека есть одна, резко отличающая его от животных, – потребность в символизации. Человек живет не просто в физической среде, он живет в символической вселенной. Мир символов, в котором он жил на заре своей истории, задавался ритуалами, знание которых определяло уровень овладения культурой и социальную значимость личности, поэтому символы не существуют сами по себе, а являются продуктом человеческого сознания.

Термин «символ» вызывает множество сложных и противоречивых толкований в науке, однако, по мнению А. А. Тахо-Годи и А. Ф. Лосева, этот термин «сохранил удивительным образом на протяжении тысячелетий ясность и прозрачность своего первоначального, исходного значения» [16:329]. «Греческое *symbolō* – глагол, указывающий на совпадение, соединение, слияние, встречу двух начал в чем-то одном, и *symbolon* как результат этой встречи и этого соединения, как указание на них, как знак этого единства, при всей очевидности и простоте своей семантики очень далеки от того символа, который лишен этой всем доступной наивности и связан с представлениями каждого о чем-то загадочном, таинственном и даже мистическом» [16:329].

Термин «символ» по-разному понимается литературоведами и лингвистами. Так, О. Н. Емельянова в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» определяет символ как «образ, тяготеющий к многозначности и сохраняющий в тоже время свое прямое значение» [8:616]. Ю. М. Лотман пишет, что символ выступает как бы «семиотическим конденсатором», «он посредник между синхронией текста и памятью культуры», «между семиотической и внесемиотической реальностью» [12:160].

Следует также выделять языковые и речевые (индивидуально-авторские) символы. Языковые символы порождаются в процессе эволюции и функционирования языка. Такие символы имеют мифологическую, а точнее архетипическую природу. Так, *радуга* для русских – символ надежды, благополучия, мечты, она имеет явно выраженное позитивное значение, что находит соответствующее отражение и в языке: *радужные мечты, радужное настроение, радужные надежды, луч света* – символ надежды (*последний лучик надежды*), *звезда* – символ счастья, судьбы или Красной Армии и советского государства (*звезда пленительного счастья, звезда путеводная*), *искра*,

костер символизируют *чувство* (*костер чувств, искра любви*), *полумесяц* – символ мусульманства и союза Красного Креста и Красного Полумесяца, *заря* символизирует начало чего-то нового (*заря жизни, заря эмиграции*), *свет* – символ *учености, знаний* (*ученье свет, а неученье – тьма*) и т. д.

Для нашего понимания символа принципиальным является соотнесение символа с содержанием передаваемой им культурной информации: символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем содержания, т. е. может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно – как механизм передачи этой информации, по словам А. А. Тахо-Годи, «символу «не дозволено» говорить ясно», «он возвещает не иначе, как таинственным образом» [16:359].

Символ не имеет адресата: он обращен ко всем носителям языка. Символ как бы наращивается на прямом значении соответствующего слова, не заменяя и не видоизменяя его, но включаясь при этом в широкий культурный контекст. «...Появление всякого символа возможно лишь через переосмысление и модификацию уже существующих знаковых отношений между различного вида эмпирическими сущностями» [10:107], до символа нужно возвыситься, вырасти [5:88]. **Символизация значения** является важным релевантным признаком концепта и, соответственно, параметром комплексного анализа.

Н. Ф. Алефиренко выделяет в качестве ведущих свойств концепта такие, как **«отсутствие жестко детерминированной связи с реальной действительностью»** и **«неподчинение законам логики»** [2:59–67]. Мы предлагаем называть данный ДП концепта **номинативной адекватностью**, а параметр комплексного анализа – индексом номинативной адекватности.

Важным дифференциальным признаком концепта становится его **деривационная активность**. Деривационная активность сопряжена со **словообразовательными возможностями слова**, то есть межсловной мотивированностью [3:42], например: *звезда* – *звездность*, *луна* – *луноликий*, *лунность*, и **степенью активности тропов и фигур речи**, вербализующих данный концепт (об этом подробнее будет сказано ниже), т. е. внутрисловной мотивацией [3:42], его лексико-семантической мотивированностью, например, *звезда* как символ *судьбы*, *луч* как символ *надежды*. Кроме того, тропы и фигуры, наряду с сочетаемостью выявляют **круг ассоциаций** концепта, его **коннотативный ореол**.

Обобщая сказанное выше, отметим, что выявление релевантных дифференциальных признаков и параметров комплексного анализа концепта – это основные вехи авторской методики комплексного ана-

лиза семантической категории, которая позволяет установить концептуальный статус понятия, выявить концептуализированные части семантических полей.

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Русский язык, 1989.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография. Волгоград : Перемена, 1999.
3. Аркадьева Т. Г. Деэтимологизация и ее обусловленность в русском языке : дис... канд. филол. наук. Л., 1989.
4. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия. М. : Наука, 1993.
5. Арутюнова Н. Д. Образ. Метафора. Символ. Знак (эскиз концептуального анализа) // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* / Pod red. Z. Saloniego. Białystok: ROZPRAWY UNIWERSYTETU WARSZAWSKIEGO, 1990. С. 83 – 89.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996.
7. Евсюкова Т. В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры : автореф. дис... д-ра филол. наук. Нальчик, 2002.
8. Емельянова О. Н. Символ // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 616–617.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
10. Кравченко А. И. Культурология. М. : Академический проспект, 2001.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена, 2001.
12. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. С.146–160.
13. Потебня А. А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 1999.
14. Словарь синонимов : справочное пособие. М. : ТОМ, 1997. 648 с.
15. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
16. Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб. : Алетейя, 1999.
17. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) : монография. Волгоград : Перемена, 2003.

В. В. Катермина**Соматизмы в номинации человека (на материале произведений
Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса)**

УДК 008.81

В данной статье были рассмотрены единицы номинации с соматическим компонентом в произведениях Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса. Семантический анализ позволил выявить дополнительные коннотации и увидеть различия в русской и английской языковых картинах мира.

Ключевые слова: номинация, соматический компонент, языковая картина мира, художественный текст, культура, коннотация, тематические группы.

V. V. Katermina. Somatical components in the nomination of Man

This research analyses the language units with somatical components in the works of N.V. Gogol and Ch. Dickens. The analysis of semantic structure of Russian and English nominative units has been carried out and the additional connotations have been described. The offered approach of singling out implicit connotations makes it possible to see the differences between Russian and English language picture of the world.

Key words: nomination, somatical component, language picture of the world, literary text, culture, connotation, thematic groups.

Важность номинации, поиска вербального соответствия тому или иному факту действительности для познания окружающего мира и осознания себя в нем переоценить трудно. Человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает мир и себя как часть этого мира. По утверждению отечественных лингвистов, человек представляет собой центральное и универсальное понятие как в концептуальной, так и языковой модели мира.

Наименование лица, как свидетельствует анализ его семантики и функционирования, занимает особое положение в системе языка, так как оно номинирует субъект языкового общения. В данной статье нами будет рассмотрен фрагмент индивидуальной (авторской) языковой картины мира на материале соматических единиц, номинирующих человека в произведениях Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса.

Будучи носителями национально-культурных ценностей, с одной стороны, и создателями своей философии, с другой, Н. В. Гоголь и Ч. Диккенс в своем творчестве воплотили как особенности национального мировидения, так и индивидуальное восприятие окружающей действительности. Их модели номинации воздействовали на процесс наименования в национальном языке, отразившись в ментальности народов России и Англии.

Номинанты с соматическим компонентом составляют один из многочисленных рядов всех тематических групп. Они являются одним из древнейших классов единиц номинации и составляют наиболее употребительную часть номинантов русского и английского языков. Их продуктивность обусловлена степенью осознания человеком в прошлом необходимости тех или иных органов для своей жизни.

Как отмечают исследователи разных областей научного знания, связанных с изучением человека, «овладев инструментом формирования познания и способностью оперировать им, человек ранее всего облекал в слова и выражения те понятия, которые были наиболее близки ему. *Человеческое тело* оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание» [1:19].

В. А. Ямшанова справедливо считает, что части тела человека, несомненно, принадлежат к так называемой группе «первичных инструментов» (“primary instruments”), т. к. очевидна их тесная связь с субъектом [13:178].

Часто соматические единицы не отражают в своем содержании исторических, культурных или социальных фактов. Они возникают в результате переносного осмысления словосочетаний, называющих различные действия и состояния, вовлекающие части тела. Многие номинанты связаны своим происхождением с различными факторами социального или психофизиологического характера [6].

Ученые признают, что проведение параллелей между реальным миром и отражением его языковыми средствами через соматизмы не случайно, поскольку семантическая информация, передаваемая соматизмами, является указанием на определенные объекты из окружающего нас реального мира [2:12]. При помощи языка, слова человек не только отображает процессы реального мира и мира субъективной оценки, эмоций и чувств, но и сам выступает одним из звеньев этого мира.

В. А. Плунгян указывает на то, что обязательная соотнесенность ощущений человека с различными органами его тела является универсальным свойством всех языков, «различие же между конкретны-

ми языками заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной "анатомической карте" человека» [8:155]. Д. О. Добровольский отмечает, что «там, где речь идет о движении души, мы особенно часто обращаемся к реакциям тела», считая это общим принципом концептуализации эмоций [5:100].

Сходство соматических единиц номинации в русском и английском языках свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления представителей разных языковых картин мира, которая проявляется в наличии общих идей. Среди шести базовых кодов *соматический код* В. В. Красных ставит на первое место, выделяя также в следующей последовательности и другие коды, заложенные в структуризации и описании окружающего мира: *пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный*. Подобно другим ученым, В. В. Красных справедливо утверждает, что соматический код культуры стоит на первом месте, «потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих... Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и аккультурация... Иначе говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность» [7:236].

Существенное преобладание в составе любых двух языков выражений, представляющих специфически национальные образования, объясняется индивидуальностью исторического опыта языковых коллективов, самобытностью культуры, особенностью психического склада народов – носителей языков. Национальное своеобразие системы соматических оборотов свидетельствует не о различном восприятии действительности разными языковыми коллективами, а лишь о чрезвычайно широких возможностях ее образного осмысления и отражения средствами языка.

Ученые отмечают, что в разных формах народной культуры – в верованиях, фольклорных текстах, в обрядах, в заговорах, в народной медицине – нашли отражения соматические представления о строении и функционировании человеческого организма. В основе многих, если не всех, мифопоэтических и религиозно-философских традиций лежит антропоморфизированная модель мира, отражающая параллелизм между макрокосмосом (вселенной) и микрокосмосом (человеком), их изоморфизм, однородность. Причем «чаще всего человеческое тело выступает как первичное и исходное, а космическое устройство как вторичное и производное» [9:300]. В данной статье мы будем пользоваться терминами «единица номинации» (единица номинации/номинант – «коннотативно осложненные лексические и фразеологические единицы, называющие человека по каким-либо при-

знакам, качествам, свойствам, а также свободные сочетания с функционирующими в них словами-номинациями, обеспечивающие синтагматические приращения номинантов» [6:7], «единицы номинации в микро- и макроконтекстах» (лексикографически обработанные коннотативно наполненные слова и фразеологизмы, а также устойчивые и свободные сочетания в художественном тексте) [6:7].

При анализе соматических номинантов, характеризующих человека в произведениях Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса, нами были выделены три тематических группы, активно пересекающихся между собой за счет прямого и переносного значения соматизмов: «Внешность человека», «Интеллект. Интеллектуальная недостаточность», «Характер человека».

В произведениях Н. В. Гоголя «внешность» выражена следующими основными соматическими компонентами: «борода», «рожа», «рыло», «нос».

Из слуховых окон выглядывали престранные рожи в усах и в чем-то похожем на чепчики (Тарас Бульба).

Городничий. Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... (Ревизор).

Свиньи, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла – все повытягивались и вот так и лезут целоваться (Пропавшая грамота).

Оценочное значение данных компонентов определяется стилистической отнесенностью, сферой речи, ситуацией употребления.

Слово «рожа» употребляется в обиходно-бытовой речи с добродушно-пренебрежительным или ироническим оттенком, а также как пренебрежительное обозначение некрасивого лица, имеет отрицательное оценочное значение. Слово «рыло» употребляется в обиходно-бытовой речи как грубо-пренебрежительное название лица вообще или некрасивого лица, имеет отрицательное оценочное значение.

Употребление структуры «прилагательное + существительное [соматизм]», где роль прилагательного выполняют либо зоонимы (*свиной, собачий, козлий, дрофиный, лошадиный*), либо прилагательное «престранный» (престранный – «очень, необычайно странный» [11:754], усиливает отрицательный эффект значения единицы номинации.

Соматический компонент «нос» в произведениях Н. В. Гоголя может использоваться как в качестве тропа для номинации персонажа, так и при обращении для указания на одну из черт внешности:

В это время выглянул из перекрестного переулка огромный запачканный нос и, как большой топор, повиснул над показавшимися вслед за ними губами и всем лицом. Это был сам Пеппе (Рим).

*Городничий (Грозит самому себе кулаком.) Эх ты, **толстоносый!** Сосульку, тряпку принял за важного человека! (Ревизор).*

Использование фразеологизмов (в нашей классификации номинация в микроконтексте) для описания внешности человека также является одним из ярких способов номинации человека:

– *Здесь, – сказал Иван Антонович, поворотил свое **кувшинное рыло** и приложился опять писать (Мертвые души).*

«Кувшинное рыло» – прост. пренебр. «о безобразном, вытянутом вперед лице» [6:209].

В некоторых случаях данный соматический компонент может обозначать и характер человека, сочетаясь с прилагательным «подлый» (подлый – «бесчестный, низкий, презренный» [11:403]). В данном случае соматизм «рожа» десемантизируется, принимая значение «человек»:

*К о ч к а р е в. Какая противная, **подлая рожа!** Взял бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя в нос, в уши, в рот, в зубы... (Женитьба).*

Анализ примеров позволяет говорить о похожем употреблении соматического компонента «борода» как для описания внешности, так и социального статуса индивида.

– *Эй, **борода!** а как проехать отсюда к Плюшкину, так чтоб не мимо господского дома? (Мертвые души).*

Использование же этнонима «русский» в подобной структуре (прилагательное + соматизм) позволяет читателю увидеть образ купца:

*Потому что **русские бородаки**, несмотря не то что от них еще несколько отзывается капустою, никаким образом не хотят видеть дочерей своих ни за кем, кроме генералов или, по крайней мере, полковников (Невский проспект).*

В произведениях Ч. Диккенса «внешность» представлена номинациями в макроконтексте с такими соматизмами, как «bone» – «кость», «head» – «голова», «skin» – «кожа», «eye» – «глаз», «lip» – «губа», «foot» – «ступня», «face» – «лицо».

В данных примерах нами была зафиксирована только одна номинация, выраженная фразеологизмом (номинация в микроконтексте) – «bag of bones» (ср. «bag of bones – истощенный, изможденный человек, заморыш, кожа да кости»):

<i>There, get downstairs, little bag of bones (The Adventures of Oliver Twist).</i>	– <i>Эй, спускайся вниз, мешок с костью! (Приключения Оливера Твиста).</i>
---	--

Все остальные случаи представляют собой примеры авторской номинации (номинации в макроконтексте), которые позволяют читателю увидеть видение человека индивидуальной языковой личностью:

the bleared eye – слезящиеся глаза, *the hare-lip* – заячьи губы, *the crooked foot* – кривые ноги, *pale and pinched-up faces* – бледные, изможденные лица, *hungry eyes* – голодные глаза.

...there were **the bleared eye, the hare-lip, the crooked foot**, and every ugliness or distortion that told of unnatural aversion conceived by parents for their offspring (*The Life and Adventures of Nicholas Nickleby*).

Pale and pinched-up faces hovered about the windows where was tempting food, **hungry eyes** wandered over the profusion guarded by one thin sheet of brittle glass (*The Life and Adventures of Nicholas Nickleby*).

Были здесь слезящиеся глаза, заячьи губы, кривые ноги, безобразие и уродство, свидетельствовавшие о противоестественном отворачивании родителей к своим отпрыскам (*Жизнь и приключения Никола-са Никльби*).

Бледные, изможденные лица мелькали у витрин, где были выставлены аппетитные блюда; **голодные глаза** скользили по изобилию, охраняемому тонким хрупким стеклом (*Жизнь и приключения Никола-са Никльби*).

Необходимо выделить номинацию с соматизмом «head», которая используется как для обозначения внешности персонажа, так и для интеллектуальной характеристики героев и их качеств (*oakum head* – наклеголовая vs *castironhead* – чугунная башка, *stupid head* – глупая голова, *the burning head* – горячая голова), о чем будет сказано ниже.

Особое место при номинации умственных способностей человека в произведениях Н. В. Гоголя занимают соматизмы «голова/башка». Данные компоненты употребляются в значении «человек как носитель каких-н. качеств, способностей (разг.)» [11:586]. Значение соматического номинанта достигается за счет качественных прилагательных (*умная голова, неразумная голова, безмозглая башка, деревянная башка*):

Г о р о д н и ч и й. ...Он **ученая голова** – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя (*Ревизор*).

Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, **голова!** (*Вечер накануне Ивана Купала*).

– *Неразумная голова*, – говорил ему Тарас. – Терпи, козак, – атаманом будешь! (Тарас Бульба).

Ах ты, *безмозглая башка*! Слышишь! Чем же он сорванец! (Сорочинская ярмарка).

К о ч к а р е в. О тебе, *деревянная башка*, стараюсь (Женитьба).

Необходимо отметить использование в данной структуре (прилагательное + существительное [соматизм]) в некоторых случаях двойного употребления соматизмов (*неразумная голова*, *безмозглая башка*). Данный прием усиливает силу негативного воздействия данных номинантов и вызывает более яркий и запоминающийся образ персонажа.

Как и в предыдущей группе, соматизм «голова» употребляется писателем не только для обозначения умственных качеств героя, но и его качеств характера.

Так, приводимые ниже примеры позволяют выделить *сметливость* русского человека, его *опытность* (в данном случае выраженная фразеологизмом с отрицательной коннотацией), а также бесшабашность и бойкость:

«Экая *расторопная голова*! – кричит толпа. – Какой непоколебимый характер!» (Мертвые души).

Вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. *Пролетная голова*, привередлив, как черт, побывал и на гауптвахтах и под арестом, всего отведал (Мертвые души).

...раз как-то заикнулся про ведьм – что ж? нашелся *сорвиголова*, ведьмам не верит! (Вечер накануне Ивана Купала).

Просто враль. Бойкая, *бойкая голова*! (Театральный разъезд после представления новой комедии).

Во всех этих случаях сохраняется структура «прилагательное + существительное [соматизм]», где именно значение прилагательного является ключевым, отражающим то или иное качество героя.

Языковой материал позволяет выделить еще одну группу единиц с компонентом *душа/soul*.

Душа – это орган внутренней жизни человека, то есть всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Это средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, всего того, что жизненно важно для данной личности (подробнее см. [10]).

Н. В. Гоголь использует компонент «душа» в значении «человек с теми или иными свойствами» [11:817] для выражения как положительных, так и отрицательных качеств человека:

Г л о в. Я оставляю здесь своего Сашу. Прекрасный малый, **добрая душа** (Игроки).

– **Пропавшая душа!** – набожно пробормотала проходившая мимо старуха (Ночь перед Рождеством).

Ср. также использование уничижительной формы «душонка» для выражения пренебрежения и презрения:

«**Душонка** ты мелкопоместная, ничтожность этакая! Тебе бы, гнусной бабе, молчать, да и только (Мертвые души).

«Душа» – это еще и обращение к человеку:

– **Щи, моя душа, сегодня очень хороши!** – сказал Собакевич... (Мертвые души).

Душа моя, Тряпичкин (Ревизор).

Ср. также форму «душенька», часто употребляющуюся в произведениях Н. В. Гоголя:

Марья Антоновна. **Душенька** Осип, какой твой барин хорошенький! (Ревизор).

Еще одним соматическим компонентом, выражающим дружеское отношение к человеку, выступает «сердце»:

– **Сердце мое, рыбка моя, ожерелье!** выгляни на миг (Майская ночь, или утопленница).

В произведениях Ч. Диккенса тематическая группа «интеллектуальные способности человека» представлена соматизмами «head» (голова) и «skull» (череп):

«Don't stop to ask questions, **castiron head**», replied the long **чугунная башка!** – с великим презрением отозвался долговязый, granted that the inquirer was **авполне уверенный** в том, что го-footman (The Posthumous Papers of **ворит с лакеем** (Посмертные за-the Pickwick Club). **писки Пиквикского клуба**).

«Think it's the same boy, **Stupid-head?**» rejoined Blathers, impatiently (The Adventures of Oliver Twist). – **Думаете, что это тот самый мальчик, глупая вы голова!** – нетерпеливо пояснил Блетерс (Приключения Оливера Твиста).

«By my soul... that fellow is, and his father was, and his grandfather was, **the most stiff-necked, arrogant imbecile, pigheaded numbskull**» (Bleak House). – **Могу поклясться, что этот субъект, подобно отцу своему и деду, самый упрямый, надменный тупой дурень на свете** (Холодный дом).

Как свидетельствуют приводимые здесь примеры, интеллектуальная недостаточность выражена главным образом лексемами с отрицательной оценочностью (*castiron – a strong or insensitive (сильный или нечувствительный)*; *stiffnecked – refusing to change or obey, proudly obstinate (отказывающийся меняться или подчиняться; гордо упрямый)*; *arrogant – unpleasantly proud, with an unreasonably strong belief in one's own importance, and a lack of respect for other people (неприятно гордый, с неразумно сильной верой в свою собственную важность и отсутствие уважения к другим людям)*; *imbecile – a fool or stupid person (глупый или тупой человек)*; *pigheaded – determinedly holding to an opinion or course of action in spite of argument, reason, etc.; stubborn (упорно придерживающийся мнения или курсу действий несмотря на аргументы; упрямый)*). Именно последний компонент (*pigheaded*) интересен для нас больше всего, так как он содержит в себе зооморфизм *pig* и соматизм *head* и в сочетании с номинантом *numbskull* (*numbskull – infml a stupid person [глупый человек]*) создает очень колоритный образ глупого человека.

Также следует отметить, что в последнем примере интенсивность отсутствия интеллектуальных качеств достигается и использованием превосходной степени прилагательных (*the most ... – самый...*).

Как было сказано выше, соматический компонент «head» используется в произведениях Ч. Диккенса также и для номинации качеств героев:

Still, without a moment's interval, the burning head tossed to and fro (The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit).

И все время, не зная ни минуты покоя, горячая голова металась взад и вперед (Жизнь и приключения Мартина Чезлвита).

«Yoogh! Sleepy-Head!» said Mr. Flintwinch, «what are you talking about?» (Little Dorrit).

– Эй ты, сонная тетеря! – прикрикнул мистер Флентвич. – Что ты там несешь? (Крошка Доррит).

В произведениях Ч. Диккенса для номинации характера персонажа можно выделить два основных соматических образа.

«Рука» (*hand*) ассоциируется с «ловкостью, опытностью» (ср. *hand – мастер своего дела; искусник, умелец; дока*):

«Amiable man that'ere, Sammy», said Mr. Weller, smoking violently. «Seems so», observed энергически дымя трубкой. – По-

Sam. «**Good hand at accounts**», хожу на то, отозвался Сэм. – **Лов-**
said Mr. Weller (The Posthumous **кач по денежной части**, сказал
Papers of the Pickwick Club). мистер Уэллер (Посмертные запис-
ки Пиквикского клуба).

«What an **old hand** you are, – Какой вы **опытный человек**,
Mr. Chuzzlewit!»! said Tigg, мистер Чезлвит! – сказал Тигг,
leaning back in his chair, and откинувшись на спинку кресла и
leering at him through his half- поглядывая на него полузакрыты-
shut eyes. (The Life and Adven- ми глазами (Жизнь и приключения
tures of Martin Chuzzlewit). Мартина Чезлвита).

Еще одним компонентом данной группы является соматический
номинант «soul» (душа). Данный номинант употреблен в одном из
своих «десемантизированных» значений «человек вообще». Понима-
ние данных выражений достигается за счет прилагательных (см.
grateful soul – *святая душа*; worthy soul – *добрая душа*):

But resolved, in his usual Однако решив, как он выра-
phrase, to «come out strong» un- жался, «не ударить лицом в
der disadvantageous circum- грязь» при самых неблагоприят-
stances, he was **the life and soul** ных обстоятельствах, он стал
of the steerage... (The Life and **душой общества** среди пассажи-
ventures of Martin Chuzzlewit). ров третьего класса... (Жизнь и
приключения Мартина Чезлвита).

«**Grateful soul!**» – cried the – **Святая душа!** – воскликнул
dwarf (The Old Curiosity Shop). карлик. (Лавка древностей).

«He is very grateful. I have – Он помнил добро. Мне нико-
never regretted having befriended гда еще не приходилось жалеть о
Thomas Pinch ... **Worthy soul!**» том, что я дружески относился к
(The Life and Adventures of mar- Томасу Пинчу ... **Добрая душа!**
tin Chuzzlewit). (Жизнь и приключения Мартина
Чезлвита).

Интересно отметить, что в произведениях Ч. Диккенса, в отличие
от произведений Н. В. Гоголя, данный соматический компонент
(«soul») употребляется для обозначения только положительных ка-
честв человека.

Заметим, однако, что, как и в произведениях Н. В. Гоголя,
Ч. Диккенс использует данный компонент (soul) в качестве обращения:

«**My soul! I love you!**» (The Life – **Душа моя! Я люблю вас!**
and Adventures of Martin Chuzzle- (Жизнь и приключения Марти-
wit). на Чезлвита).

«**My dear soul,**» she said to him one day when I was present, «you know there is no doubt it would be a little pokey for Annie to be always shut up here» (*The Personal History of David Copperfield*).

– **Вы знаете, душа моя,** – обратилась она как-то к нему, в моем присутствии, – нехорошо, если Анни постоянно будет сидеть взаперти (*Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим*).

«**My good soul,**» said Mr. Peggotty, shaking his head, «you don't know what a long voyage, and what a hard life this!» (*The Personal History of David Copperfield*).

– **Добрая моя душа,** ты понятия не имеешь, как долго туда ехать и какая там трудная жизнь! – сказал, покачивая головой, мистер Пегготи (*Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим*).

Как и в русском языке, в произведениях Ч. Диккенса также используется соматический компонент *heart*:

«**Sweet heart!**» I returned; «there is nothing to alarm you in all this. I want you to think of it quite differently» (*The Personal History of David Copperfield*).

– **Сердце мое!** Вам вовсе нечего бояться. Я хочу, чтобы вы посмотрели на это совсем с другой точки зрения (*Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим*).

Итак, анализ соматического компонента единиц номинации в макроконтексте (произведения Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса) позволил выделить следующие универсальные тематические группы: «Внешность человека», «Интеллект. Интеллектуальная недостаточность», «Характеристики человека».

Следует отметить многочисленное использование устойчивых номинантов для обозначения человека. Важной деталью при анализе соматического компонента единиц номинации в макроконтексте явилось выделение качественных прилагательных, несущих основную смысловую нагрузку, а также «десемантизация» соматизма, употребляемого в значении «человек».

1. Бердникова Т. А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров) : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2000.

2. Богус З. А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков) : дис... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1966–1968.
4. Диккенс Ч. Собрание сочинений : в 30 т. М., 1957–1963.
5. Добровольский Д. О. Семантика идиом как переводческая проблема // Перевод и лингвистика текста. М., 1994. С 96–104.
6. Катермина В. В. Национально-культурная специфика образа человека (на материале русского и английского языков) : дис... д-ра филол. наук. Волгоград, 2005.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2003.
8. Плунгян В. А. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимания в языке догон) // Н. Д. Арутюнова. Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
9. Топоров В. Н. Первочеловек // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 300–302.
10. Урысон Е. В. Архаичные представления в русской языковой картине мира : дис... д-ра филол. наук. М., 1997.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М., 1994.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XXвв : в 2 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1991.
13. Ямшанова В. А. Инструментальность и субъектно-объектные отношения // Теория функциональной грамматики. СПб., 1992. С. 167–188.

О. И. Лыткина

Текст как объект изучения современной лингвистики

УДК 81.1

Статья посвящена проблеме исследования текста в современной лингвистике, которая характеризуется как макролингвистика. Автор анализирует различные точки зрения в понимании текста, обращается к вопросу многообразия его типологии и критериев выделения. Сопоставив современное понимание текста с такими понятиями, как миф, концепт, автор приходит к выводу о широком применении понятия текста в современной гуманитарной науке.

Ключевые слова: лингвистика, текст, концепт, миф

O. I. Lytkina *The text as an object of study of modern linguistics*

The article is devoted to the study of text in modern linguistics, which is characterized as makrolingvistika. The author analyzes the different points of view within the meaning of the text addresses to the question of variety of its typology and criterion of the separation. Comparing the current understanding of the text with concepts such as myth, the concept, the author concludes that the broad application of the notion of text in modern humanities.

Key words: *linguistics, text, concept, myth*

Отличительная особенность современной лингвистики – междисциплинарный подход при анализе языковых единиц, объясняемый тем, что сходный круг проблем оказывается в фокусе внимания представителей разных школ, направлений и даже разных наук. Такую лингвистику Ф. М. Березин назвал макролингвистикой [1]. Как следствие, многие традиционные языковедческие понятия подверглись переосмыслению, в частности, это касается термина «текст». Ученые признают несостоятельность традиционного понимания текста как совокупности предложений, обладающей цельностью и связанностью. Текст стал трактоваться как функция в контексте других текстов и интерактивном диалоге с ними, а изолированный текст стал считаться научной фикцией. Отсюда обозначение термином «*текст*» очень широкого круга явлений; текстом, по сути, может называться любая содержательная сущность: совокупность текстов, словарь, библиотека, композиционная группа, жанр, литература, культура и т. д. Наконец, сама действительность может быть выступать как текст, ср.: «Мир выступает перед нами как текст. Через доступные нашему сознанию тексты мы взаимодействуем с миром. Всматриваясь в глубины своего сознания, мы и себя начинаем воспринимать как текст» [7:83].

В. В. Красных выделяет следующие подходы в понимании текста:

- «1) вербальный и знаково фиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности;
- 2) вербальная и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию;
- 3) опосредованное и вербализованное отражение ситуации;
- 4) речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью;
- 5) речемыслительный продукт, который обладает тематическим структурным и коммуникативным единством;

6) нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видео пленки и т. д.);

7) некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность, отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего мира;

8) нечто изменяющее окружающий мир, экстралингвистическую реальность самым фактом своего существования;

9) с точки зрения формально-содержательной структуры и выделения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный)» [3:198].

Включение в понятие текст широкого круга явлений стало предпосылкой появления новых лингвистических направлений, например, изучения сверттекста (Х-текста), гипертекста, интертекста, архитекста и др.

Работы В. Н. Топорова одни из первых в исследовании сверттекста. Ученый определяет сверттекст как «совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и ситуативно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [13:215]. В. Н. Топоров устанавливает следующие критерии выделения сверттекста: 1) наличие образно и тематически обозначенного центра, фокусирующего объект, который в системе внетекстовых реалий – текст предстает единым концептом, например, таким концептом для топологических текстов является конкретный локус в единстве его историко-культурно-географических характеристик; 2) наличие и знание читателем относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверттекста в целом, определяющих законы формирования его художественного языка и тенденции его развития; 3) синхроничность (своего рода симультанность, являющаяся необходимым условием восприятия сверттекста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверттекста); 4) смысловая цельность, возникающая в месте встречи текста и внетекстовой реалии; 5) общность художественного кода; 6) открытость, подразумевающая одновременно устойчивость и подвижность границ сверттекста [13]. Как показывает представленный выше материал, основными свойствами

сверхтекста, как и текста в традиционном понимании, остаются цельность и связанность.

Первые исследования сверхтекста были выполнены на материале «Петербургского текста», позднее были описаны «Московский», «Крымский», «Итальянский», «Венецианский», «Лондонский», «Алтайский», «Кавказский», «Белорусский», «Уральский» тексты, ряд «провинциальных» текстов (например: «Пермский», «Архангельский», «Вятский», «Челябинский», «Петрозаводский» и др.), «Аполлоновский», «Пушкинский», «Шукшинский», «Шекспировский» тексты в русской литературе, предприняты попытки описать публицистический сверхтекст, «толстый» журнал, художественную прозу о войне, политические лозунги, «ночную» поэзию, игровой обряд как сверхтекст, «пасхальный текст», «дачный текст» и т. д.

Несмотря на достаточно большой накопленный опыт в исследовании конкретных разновидностей сверхтекста, на данный момент спорными остаются многие теоретические вопросы теории сверхтекста, в частности вопросы об определении и типологии. Екатеринбургские лингвисты Н. А. Купина и Г. В. Битенская предлагают определение сверхтекста и предпринимают попытку классифицировать сверхтексты. «Сверхтекст – совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [4:215].

Типология сверхтекстов основана на учете четырех признаков (отмеченных в определении сверхтекста): типа целостности, маркированности конца, коммуникативной рамки, типа структурированности. Согласно основным двум разновидностям целостностей происходит деление на сверхтексты с тематической целостностью и с модальной целостностью. На базе категории законченности сверхтексты делятся на закрытые, отличающиеся завершенностью, и открытые, отличающиеся незаконченностью (незавершенностью). Учитывая фактор адресанта, выделяют авторские сверхтексты, неавторские сверхтексты, характеризующиеся наличием обобщенной анонимной авторской позицией, и сверхтексты с собирательным характеризованным образом автора; учет же фактора адресата позволяет выделить сверхтексты, ориентированные на конкретный характеризованный тип адресата, и сверхтексты с максимально обобщенной нехарактеризованной позицией адресата. Наконец, с точки зрения структурной определенности сверхтексты классифицируются на однотипно структурированные и неоднотипно структурированные.

Н. Е. Меднис отмечает, что в определении сверхтекста, данном Н. А. Купиной, Г. В. Битенской, не учтена его культуроцентричность, и предлагает следующее рабочее определение: «сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [6]. Критериями выделения сверхтекста в этом случае являются 1) наличие образно и тематически обозначенного центра, фокусирующего объект, который в системе внетекстовые реалии – текст предстает единым концептом, например, таким концептом для топологических текстов является конкретный локус в единстве его историко-культурно-географических характеристик; 2) наличие и знание читателем относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста в целом, определяющих законы формирования его художественного языка и тенденции его развития; 3) синхроничность (своего рода симультанность, являющаяся необходимым условием восприятия сверхтекста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверхтекста); 4) смысловая цельность, возникающая в месте встречи текста и внетекстовой реалии; 5) общность художественного кода; 6) открытость, подразумевающая одновременно устойчивость и подвижность границ сверхтекста [6].

А. Г. Лошаков определяет сверхтекст как «ряд отмеченных направлений ассоциативно-смысловой общностью в сферах автора, кода, контекста, адресата (или в нескольких из них) автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально представляют в качестве интегративного (целостно-единого), динамического многомерного, нелинейного концептуально-семантического образования (системы), находящегося в зависимости от принципа модально-смысловой центрации, задающего ряд возможностей для линеаризации, т. е. для прочерчивания смысловых траекторий в нелинейном смысловом континууме. Сверхтекст – это целостное полистилистическое, полижанровое, полиреферентное и, следовательно, полисубъектное образование, которое проявляет себя в литературной практике и может квалифицироваться как единица ахронического культурного пространства (мультитекста культуры)» [5:9]. Специфику построения сверхтекста исследователь видит в том, что его единицы, «восходящие к одним и тем же культурным концептам, литературным универсалиям, стереотипам, с одной стороны, реализуют интертекстуальные связи, определяя его место в текстовой концептосфере и устанавливая сеть отношений, точки пересечения, взаимодействия с другими текстами, с другой – объединяясь, состав-

для своего рода постоянный репертуар в рамках текстового ансамбля, они осуществляют сверткестовые связи, реализуют метатекстовые функции» [5:91–92]. Таким образом, в структуре сверткеста есть ядро и периферия.

Подход к тексту «от содержания» лежит в основе и теории примитивного текста [11]. Текст-примитив является базисным для любой речевой деятельности и является членом парадигмы текстов, объединенных одним из вариантов цельности. Разновидности текста-примитива – детская речь, речь иностранцев, речь больных афазией, реклама, вывески, заглавия книг, спектаклей, кинофильмов и т. п., реплики в разговорной речи, планы, рубрики в каталогах, наборы ключевых слов, ассоциативные реакции и др. Для текста-примитива важным является универсальность его структуры независимо от видов деятельности, в которых он образуется. Определяющим свойством текста-примитива является цельность, а только потом связанность. Основные виды связанности в текстах-примитивах, дающие простейшее представление цельности, – перечисление, цепочка, куст. В зависимости от особенностей структурной организации тексты-примитивы подразделяются на а) отдельные слова-тексты; б) различного рода наборы ключевых слов; в) грамматически оформленные неоднословные предложения-тексты; г) различного рода осложненные предложения-тексты; д) развернутые тексты различной степени сложностью [11:228].

Даже поверхностное сопоставление теории примитивного текста и учения о сверткесте свидетельствует о тождестве данных терминов.

Обращение к современным исследованиям текста (сверткеста, текста-примитива и т. п.) показывает, что у текстов любого рода наличествует инвариант. При этом инвариант определяется как сложное содержательное образование, принадлежащее глубинным уровням человеческого сознания, «имеющее недискретный и недискурсивный характер (принадлежащее доязыковым уровням человеческой ментальности) и допускающее разнообразие семиотических кодовых воплощений» [2:176]. При описании содержания инварианта текста обращаются к теории семантических полей, т. е. выделяют центр (ядро) и периферию. «С точки зрения поверхностно-понятийного уровня языка такой инвариантный текст описывается посредством языковой модели с выделением его словаря и грамматики. Словарь его составляет абстрактно воспроизведенное множество дискретных содержаний, конституирующее соответствующее поле (текст), а грамматику – отношения производности этих содержаний, показывающие преобразование одного в другое, или отношения их согласованности, показывающие живую связь одного содержания с другим. Таким образом,

“прочтение” подобного текста – это, по сути, выявление его конституирующих единиц и характера связей между ними. Оно объединяет в себе и статику, и динамику, внутренне примиряя их: результаты динамических процессов в плане содержания текста могут рассматриваться в статике как его структурные характеристики, а содержательная структура – как результат развития исходных содержаний» [2:176–177].

В рамках нашего исследования представляется целесообразным обращение к понятиям литературоведческого мифа и лингвоконцепта.

Литературоведческим мифом в настоящее время обозначают некое устойчивое начало, которое варьируется в текстах разных картин мира. В этом случае далеко не всякое художественное произведение, содержащее формальные признаки мифа, будет литературоведческим мифом. Литературоведческая мифологизация осознается при условии повторяемости, необходимой для сохранения смысла, как бы существующего как чистый феномен над взятым отдельно конкретным текстом или творчеством отдельного автора. Литературный миф не строгое сюжетное построение, а некое объединение общих символов, мотивов, образов, фабул, конфликтов, созданных разными авторами в разное время, но ставшими традиционными. Эволюция литературного мифа включает в себя стадию осознания объективной реальности и ее оценивания; осознания и усвоения действительности, сотворенной другими; установление соответствия между «своим» осознанием и «чужим»; наконец, создание собственного произведения с сохранением общих установок. Таким образом, происходит своеобразное обновление, привнесение своих открытий в форму и содержание, что имеет возможность закрепиться в сознании других и повториться в других произведениях. На данный момент накоплен достаточно большой опыт в исследовании авторских (Лермонтовский, Пушкинский и др.) и топосных (Кавказский, Барнаульский и др.) литературоведческих мифов. Если перевести все вышесказанное о литературоведческом мифе на язык лингвистики, то мы получим основные положения теории сверткста.

Ученые обращаются к термину «текст» при описании структуры концепта. Концепт – «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [9:159].

Н. Ю. Шведова выделяет следующие характеристики концепта:

1) концепт относится к ментальной, духовной, социальной или к необходимой материальной сфере жизни человека;

2) происхождение концепта непосредственно соотносится со сложившимся узусом жизни и традициями коллектива, поэтому в разные периоды разными людьми концепт воспринимается по-разному;

3) концепт имеет сложное и стройное смысловое строение, предопределенное смысловым строем языка;

4) концепт существует в собственном языковом окружении – в окружении малых концептов;

5) концепт имеет двойственную природу: состоит из основного концепта и комплекса малых концептов, живущих собственной жизнью, но обращенных к основному;

6) основной концепт открыт для оценок и разнообразных характеристик;

7) как правило, концепт находится в оппозиции «с равновеликой данностью как со своим антиподом» [13:506–508].

В этот список следует внести еще такое свойство концепта, как отражение национальной специфики.

Структура концепта представляет собой совокупность образных, информационных, интерпретационных, ценностных, понятийных, исторических, ассоциативных, общечеловеческих, общенациональных, групповых, региональных (локальных), индивидуальных и др. признаков, т. е. своеобразный текст ментального характера. Ю. Е. Прохоров по этому поводу пишет: «...любая совокупность именований концепта – невербальным, лексическим способами, использованием устойчивых конструкций и т. п. – образует **текст** (выделение наше. – О. Л.), под которым мы понимаем совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей лингвокультурной общности. Этот текст может быть как угодно широк: в него входят и исторически сложившиеся элементы и элементы, связанные с правилами сегодняшнего дня; в нем есть элементы, относящиеся ко всем типам коммуникативных пространств, в которых личность вступает в общение средствами данного языка (от планетарного до личного пространства)» [9:142–143].

Развертывание текста структуры концепта является предпосылкой к созданию текста в традиционном понимании. На это свойство концепта указывает В. В. Красных: «Под концептом понимается глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста. Являясь своеобразной “точкой взрыва”, вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой стороны – конечной целью при его восприятии» [3:202]. При успешной комму-

никации собеседники строят один текст, поскольку понимают концепт собеседника

На текстовый характер не только концепта, но и всей концептуальной системы указал Р. И. Павилёнис: «"Выделение" определенной структуры концептов из множества других можно рассматривать как выбор определенного осмысленного "текста" (в широком информационном понимании этого термина) из множества других осмысленных (то есть интерпретируемых в данной концептуальной системе) "текстов" в качестве "принимаемого" индивидом "текста", образующего *ориентационную основу его отношения к миру*, в частности основу его *веридиктного отношения к действительности*.

...С нашей точки зрения, изменение мнения индивида обосновано рассматривать как отказ от определенной "выделенной" структуры в пользу другой, в равной мере осмысленной (интерпретируемой в данной системе) структуры, в пользу другого "текста". Множество таких "выделенных" и взаимосвязанных (отношением интерпретации) и связанных с "концептуальной картиной мира" или "системой мнений носителя языка" [9:209].

Круг явлений, называемых одной из разновидностей текста, может быть сколь угодно широк, в этом отношении наш обзор далеко не является исчерпывающим. Предполагаем, что в недалеком будущем будут новые аспекты понятия текста и появятся новые определения этого понятия.

1. Березин Ф. М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М., 2000. С. 9–25.

2. Вертелова И. Ю. Эмоциональная сфера человека как «альтернативный» текст // *Альтернативный текст: версия и контрверсия* : сб. статей / под ред. Т. В. Цигун, А. Н. Чернякова. Калининград, 2006. Вып. 1. С. 173–190.

3. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание, Коммуникация). М., 1998.

4. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // *Человек – Текст – Культура*. Екатеринбург, 1994. С. 214–235.

5. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. Архагельск : Поморский ун-т, 2007.

6. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. НГПУ, 2003. URL. <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835>

7. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

8. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983.

9. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М. : Флинта: Наука, 2008.
10. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. С. 221–237.
11. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. С. 221–237.
12. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.
13. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М., 2005.

Е. Ю. Позднякова

К вопросу о функционировании автограффити в современном автомобильном жаргоне

УДК 16.21.27

В статье рассматривается вопрос о функционировании автограффити в современном автомобильном жаргоне. Автограффити представляют собой социолектную форму коммуникации, по способу реализации относящуюся к естественной письменной речи. Автограффити могут быть охарактеризованы по следующим признакам: особенности материального субстрата, коммуникативная модель послания, тема послания.

Ключевые слова: автограффити, автомобильный жаргон, коммуникативная модель, субстрат.

E.Yu. Pozdnyakova. Avtograffiti in the modern jargon of the avtomobilists

The report considers the question of the functioning of autograffiti in the modern automobile jargon. Autograffiti represent the social communication relating to the informal written speech. Autograffiti can be characterized by the following features: the peculiarities of the substratum, the communicative model, the subject of the message.

Key words: autograffiti, automobile jargon, communicative model, substratum.

Современный автомобильный жаргон представляет собой особую, активно развивающуюся сферу неофициальной городской коммуникации. Актуальность изучения данной разновидности языка неоспорима: еще лингвисты начала XX века (С. И. Ожегов, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба) отмечали, что живая разговорная речь городских жителей заслуживает пристального внимания со стороны ученых. Б. А. Ларин предлагал рассматривать разговорные и письменные городские аргы как «третий основной круг языковых явлений, так как: 1) они в своей цельности не совпадают ни с литературным языком, ни с деревенскими диалектами; 2) они своеобразны и по социальной основе, и по чисто лингвистическим признакам <...>» [1:175]. Однако, несмотря на накопленный опыт изучения и описания языка города и его подсистем, многие теоретические и практические проблемы до конца не изучены и носят дискуссионный характер.

Так, например, В. В. Химик, описывая городское просторечие как культурный феномен, указывает на то, что «взаимоотношения различных подсистем городской нелитературной речи, как и сами составляющие этих подсистем, изучены недостаточно, и об этом свидетельствует сохраняющаяся до сих пор известная терминологическая неустойчивость в разграничении понятий аргы, жаргон, сленг» [4:11]. Ученый предлагает разграничивать данные понятия по признаку открытости-закрытости лексико-семантической системы того или иного подязыка. Жаргон в таком понимании занимает промежуточное положение между аргы (закрытой подсистемой) и сленгом (открытой подсистемой) и рассматривается как «полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, применяемая социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества» [4:13].

Автомобильный жаргон, таким образом, представляет собой одну из полуоткрытых социально-профессиональных подсистем национального языка. В последние годы наблюдается бурное развитие и становление данной подсистемы, превращение ее в общепонятную сферу коммуникации. Автомобильный жаргон перестает быть принадлежностью замкнутой профессиональной группы и начинает использоваться людьми, разными по возрасту, роду занятий, но объединенными одной существенной чертой – интересом к автомобилям. Популярность автомобильного жаргона в городских условиях можно объяснить двумя основными причинами: во-первых, тем, что в условиях современного города средства передвижения имеют большое значение и являются важной частью жизни горожанина; во-вторых, увеличением количества автолюбителей. По мнению В. В. Химика, «слова и выражения профессионального жаргона водителей автомобилей легко распространяются в массовой речи благодаря особой мо-

бильности носителей этого подъязыка, популярности их профессии или массовости увлечения автовождением...» [4:164].

Современный автомобильный жаргон складывается из двух основных лексических пластов: 1) узкопрофессиональная лексика (арготизмы); и 2) общепонятная жаргонная лексика, так называемый бытовой словарь жаргона – слова и выражения, имеющие эмоционально-экспрессивную окраску и сниженный характер.

Большую часть номинаций автомобильного жаргона составляют слова общепонятные, активно используемые в речи горожан (сленгизмы, просторечная и разговорная лексика). Как и национальный язык, автомобильный жаргон имеет ядерно-периферийное устройство. Ядром автомобильного жаргона является узкопрофессиональная лексика – номинации специфических реалий и понятий, подобные терминам (терминоиды), не всегда понятные непосвященным. В. В. Химик называет такие единицы арготизмами – «рациональными номинациями-терминоидами, используемыми в практических интересах профессии, ремесла, дела», противопоставляя их жаргонизмам – «эмоционально-оценочным экспрессивным образованиям, среди которых преобладают негативные снижающие номинации». Жаргонизмы почти всегда имеют соответствие в литературном языке, у арготизмов такого соответствия нет. Как отмечает исследователь, «резкой границы между жаргонизмами и арготизмами нет: арго составляет ядро жаргона, его номинационную базу, или “производственное ядро”, в то время как остальная лексика – “бытовой словарь” жаргона» [4:13]. Бытовой словарь автомобильного жаргона складывается из различных по сфере функционирования единиц, среди которых преобладают единицы молодежного сленга, городского просторечия, а также общеупотребительная разговорная лексика.

К сфере автомобильного жаргона примыкает другая семиотическая система – система невербальной коммуникации, представленная разнообразными иконическими знаками, в числе которых не только дорожные знаки, но и их имитации – знаки-стикеры, представляющие собой редуцированное послание другим участникам дорожного движения.

Промежуточное положение между лексико-семантической системой жаргона и семиотической системой невербальной коммуникации занимают надписи на автомобилях, которые дополняются графическими и изобразительными элементами (рисунками, особыми шрифтами, размерами букв), выполняющими «функцию средств актуализации содержания текста, его коммуникативной значимости и диалогичности» [2:8].

Для обозначения надписей и изображений, нанесенных на автомобиль разными способами (стикер (наклейка), надпись, скрипция) и объединенных единой тематикой, мы предлагаем термин автограффити (автомобильные граффити). Автограффити представляют собой социолектную форму коммуникации, по форме реализации относящуюся к естественной письменной речи (термин Н. Б. Лебедевой), объединенную общей референтной сферой и единым субстратом (материальным носителем знака). Как отмечает Н. Б. Лебедева, субстрат входит в субстанциональные признаки жанров естественной письменной речи, «субстрат не является ни внешним, ни лишним, ни случайным признаком, он глубинно и сущностно входит в коммуникативно-значимую структуру таких текстов» [3:299]. Данное замечание справедливо и по отношению к автограффити, поскольку данные сообщения конситуативны и вне субстрата зачастую не могут быть адекватно расшифрованы.

В зависимости от субстрата можно выделить следующие разновидности автограффити:

1. Надписи на личных автомобилях.
2. Надписи в общественном транспорте:
 - а) изнутри;
 - б) снаружи.
3. Надписи на служебных транспортных средствах (ТС):
 - а) на ТС государственных служб и силовых структур (МВД, ГИБДД, армия, скорая помощь и др.);
 - б) на автомобилях-грузоперевозчиках.
4. Надписи на грязных ТС.

Отметим, что субстрат оказывается неразрывным образом спаян с автограффити и может диктовать выбор темы (например, «банная» тема на грязных ТС – *‘Хочу в баню с бабами’* или *‘Помой меня’*).

Автограффити являют собой синкретичное языковое явление, «синкретичный характер граффити проявляется в их глоссовой организации, в совмещении индивидуального и публичного, скрипции и признаков “устности”, малоформатности и текстового статуса, активного игрового начала и острого социального, этического, морального звучания» [2:17]. А. Ю. Ларионова, исследуя неформальный студенческий дискурс, рассматривает граффити как особый вид текста – дискурсивный текст (дискурсив), под которым понимается «субкультурная, социолектная форма коммуникации современной вузовской молодежи, синкретичный тип естественной речи, отличающийся специфичным использованием средств всех языковых уровней» [2:3].

Специфической чертой автограффити является то, что данные сообщения могут быть нанесены на ТС как его владельцем, так и не-

известным автором (в отличие, например, от студенческих граффити, авторство которых всегда анонимно). В первом случае автограффити можно условно считать авторскими (отражающими позицию автора), во втором – анонимными. Данные надписи могут содержать разнообразные по содержанию послания, в которых реализуются разные модели коммуникации. Сам автомобиль при этом выступает материальным носителем послания (субстратом), которое наклеивается, пишется, чертится на ТС. В некоторых посланиях автомобиль олицетворяется, наделяется признаками и характеристиками живого существа, являясь во внешнем плане как бы адресантом послания, в то время как во внутреннем плане адресантом всегда остается человек.

В самом общем виде в автограффити реализуются следующие коммуникативные модели:

1. Адресант – владелец автомобиля → Адресат – участники дорожного движения (например, *‘Моя «Волга» еще все ваши «Жигули» переживет!’* или *‘Не делай глупостей, шофер!’*). Вариантом данной модели могут быть автограффити, размещенные в общественном транспорте, в таком случае коммуникация осуществляется между водителем и пассажирами, например, *‘Берегите дверь. Это ваш единственный выход’* или *‘Землю – народу! Заводы – рабочим! Деньги – водителю!’*

2. Адресант – автомобиль → Адресат – участники дорожного движения.

Автомобиль в такой модели выступает в качестве адресанта послания лишь условно, в то время как адресация участникам дорожного движения понимается в широком смысле и возможна в нескольких вариантах:

а) адресат – окружающие люди (например, *‘Обгоню я даже «Опель» – у меня моторчик в попе!’* (надпись на «Запорожце») или *‘Хочу домой, в Японию!’*).

б) адресат – другой автомобиль (например, *‘Я тебе скажу, как иномарка иномарке...’* (надпись на «Запорожце») или *‘Я тоже джип, только еще маленький’* (надпись на «Оке»)).

в) адресат – владелец автомобиля (например, надписи на грязных автомобилях чаще всего адресованы владельцу: *‘Помой меня, а то я уеду к другому!’* или *‘Помой меня, я вся чешусь!’*).

3. Адресант – аноним → Адресат – владелец автомобиля (например, *‘Брат! Лучше продай!’* (надпись на грязном автомобиле) или *‘Я тебе завидую!’* (скрипция на дорогом автомобиле)).

Автограффити характеризуются общей тематикой и посвящены узкому кругу тем, наиболее актуальными из которых являются следующие:

1. Автомобиль: *‘Боевая машина пехоты’* (на старой «Волге»), *‘Броненосец «По телкам»’*, *‘Боевая Машина Взяточника’* (надпись на «БМВ»), *‘Пожиратель бензина’* (на старой «Волге»), *‘А вот папа у меня – автобус’* (надпись на «Оке») и др.

2. Дорога: *‘А дороги здесь – 3,14 здец!’*, *‘Едь за мной! Я знаю дорогу’*.

3. Человек за рулем: *‘За рулем блондинка’*, *‘Знак «У» – могу учудить’*, *‘К черту собаку, берегитесь владельца...’*, *‘Моя фамилия – Шумахер!’*, *‘Осторожно! За рулём танкист!’*, *‘Трезвым бываю редко’*.

4. Поведение на дороге: *‘Голоса в голове заставляют меня шнырять...’*, *‘Обгоняй, все равно догоню, подрезай, все равно догоню!’*, *‘Мадам паркуется на слух!’*, *‘Торможу «в пол» – приглашаю на новоселье!’* (на дорогом автомобиле), *‘Торможу резко... Особенно сегодня’*.

5. Скорость движения: *‘Дождешься, сам перегоню!’*, *‘Если ты читаешь это, значит я еду быстрее!’*, *‘Пусть я еду медленно, зато я еду впереди тебя!’*, *‘Газ не девушка, не жми!’*, *‘Быстро поедешь, тихо понесут’*.

6. Дистанция: *‘Если ты читаешь эту надпись, то ты слишком близко подъехал’*, *‘Если ты читаешь эту наклейку, то ты как раз на расстоянии выстрела’*, *‘Не прижимайся – мы не знакомы’*, *‘Соблюдайте дистанцию!!! Возможен выброс тормозного парашюта’* (на старом автомобиле).

7. Женщина: *‘Меняю жену на запаску’*, *‘Девчонки, прыгайте ко мне!’*, *‘В машине теща!’*, *‘Бабы Мои Все’* (автомобиль «БМВ»).

8. Пассажиры: *‘Крепче за шоферку держись, баран!’*, *‘Залезай, садись, держись, заткнись’*, *‘Места для худых и без сумок!’* (надпись в общественном транспорте рядом с водителем).

9. Поведение в транспорте: *‘Не бегайте по салону’* (надпись в такси), *‘Просьба семечки, орешки и бананы есть вместе с кожурой’*, *‘Хочешь выйти – кричи!’*, *‘Стоя ехать запрещено. ДПС требует, чтобы количество трупов не превышало количество сидячих мест’*.

Репертуар тем автограффити может быть дополнен, расширен и детализован, однако все сообщения объединяются отношением к единой концептосфере «Транспорт и передвижение».

Таким образом, автограффити представляют собой социолектную форму коммуникации, по способу реализации относящуюся к естественной письменной речи и функционирующую в современном автомобильном жаргоне. Материал автограффити не изучен и обладает определенным потенциалом для лингвистики, психо- и социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, семиоти-

ки, лингводидактики, фольклористики, генристики и др. Предварительные наблюдения над материалом позволили выявить некоторые особенности автограффити, связанные с материальным субстратом послания, коммуникативной моделью и темой послания.

1. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С.175–189.
2. Ларионова А. Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити) : автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.19. Екатеринбург, 2010. 42 с.
3. Лебедева Н. Б. Роль субстанциальных признаков в жанровой квалификации текстов // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты : материалы II Международной научной конференции (1–3 июля 2009 г.); под ред. Н. Б. Лебедевой. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. Вып. 2. С. 297–303.
4. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

А. М. Сердюк

Семантическая интерпретация названий растений: аксиологический потенциал (на материале русского, украинского, немецкого и французского языков)

УДК 16.21.49

В статье рассматривается аксиологический потенциал названий растений во вторичном семиозисе. На материале русского, украинского, немецкого и французского языков определены типы оценок растительных образов. Автор устанавливает универсальные и этноспецифические черты, характеризующие семантическую интерпретацию флоролексем в разноструктурных языках.

Ключевые слова: *семиозис, семантическая интерпретация, флоролексема, название растения.*

A. M. Serdyuk. Semantic Interpretation of the Names of Plants: Axiological Potential (based on the material of Russian, Ukrainian, German and French)

The article deals with the axiological potential of the names of plants in secondary semiosis. The types of estimation of the plant images have been defined in Russian, Ukrainian, German and French. The author has determined the universal and ethnospecific features that characterize the semantic interpretation of florolexemes in languages of different structures.

Key words: *semiosis, semantic interpretation, florolexeme, a name of a plant.*

Изучение знаковой природы языка предусматривает решение вопросов о его соотнесенности с объективной действительностью и мышлением; о языке как о знаковой системе; о природе языкового знака, процесса его становления в языке и речи, о природе языкового значения; о выборе функций (репрезентативной, гносеологической, коммуникативной или прагматической). Настоящее исследование имеет своей целью выявление аксиологического потенциала флоролексики и выполнено на базе 70 текстов-источников (русских, украинских, немецких и французских литературных текстов).

Семиотика занимает одно из главных мест в современной науке, т. к. процессы первичного и вторичного знакообразования связаны с отображающей и познавательной деятельностью человека. Поэтому мы разделяем мысль Н. Д. Арутюновой о том, что «в саму природу человека воплощена природа семиозиса» [1:8].

В современном языкознании происходят изменения лингвистических парадигм с преимущественно структурно-функциональных на преимущественно когнитивные и антропоцентрические, при этом принято выделять две главные функции языка: референтно-репрезентативную и коммуникативную [3:39].

Что касается процесса семиозиса, то первая из выделенных функций (референтно-репрезентативная) является для него основной и состоит в означивании объектов действительности. Первичное означивание находится в непосредственной связи с номинацией объектов, познаваемых человеком. В этом процессе говорящий выбирает признак, который ложится в основу наименования. Таким образом, второй главной функцией первичного семиозиса является номинативная [2]. Взаимосвязанными составляющими первичного семиозиса являются познающий субъект, познаваемый объект и словесный знак, способствующий процессу познания. Это указывает на то, что в системе языка коммуникативная функция является факультативной. Она

получает свою весомость в секундарном означивании, которое, как известно, является свойственным для речи.

Наличие в речевом акте, как минимум двух участников, высказывающих свое собственное отношение к предмету сообщения, свидетельствует о его субъективности [4], [6].

Таким образом, как процесс знакоозначивания семиозис отображает идиоэтническую направленность становления языковой картины мира. В этом процессе выделяются два этапа: первичный семиозис – хронологически первичное приобретение языковым знаком номинативного значения, мотивированного практической и духовной деятельностью человека и его знаниями о мире; вторичный семиозис – процесс дальнейших мотивированных коммуникативно-прагматических трансформаций этого значения в речи.

Из этого выходит, что в процессе семантической интерпретации знак используется говорящим с целью оценки как объективного, так и субъективного мира. Таким образом, кроме репрезентативной и номинативной, вторичный семиозис выполняет коммуникативную и прагматическую функции.

Элементами вторичного семиозиса являются два субъекта (говорящий и реципиент), готовый первичный знак, денотат, сигнификат, время, место и цель высказывания.

Главное отличие между двумя видами знакообразования состоит в осуществлении ими различных функций. Прагматическая и коммуникативная функции в процессе становления языкового знака являются второстепенными и специфическими для процесса его семантической интерпретации. Таким образом, в отличие от первичного семиозиса, для вторичного семиозиса является характерной полифункциональность.

Как уже было сказано ранее, одним из конституэнтов вторичного семиозиса является готовый первичный знак. В качестве такого знака чаще всего выступают названия объектов окружающего мира. В этом плане для нас представляют интерес названия растений как первичные знаки, подвергающиеся в дальнейшем семантической интерпретации.

Названия растений являются важной составляющей языковой картины мира. В процессе секундарного означивания флоролексемы исполняют специфические функции: коммуникативно-прагматическую и коммуникативно-эстетическую. Они используются человеком с целью оценки и характеристики объективного мира (внешности, состояния и поведения самого человека, флоры, фауны, природных явлений, предметов повседневного обихода и т. п.) [7]. Все это является факторами, определяющими аксиологический потенциал названий растений как элементов вторичного семиозиса.

Данные проблемы обусловили постановку перед нами следующих вопросов:

- 1) определение типов оценок растительных образов в русском, украинском, немецком и французском языках;
- 2) распределение названий растений во вторичном семиозисе по положительной и отрицательной оценке;
- 3) определение моно-и полиаксиологических флоролексем в исследуемых языках и определение в этих случаях совпадений.

Источниками исследования названий растений во вторичном семиозисе нам послужили произведения русских, украинских, немецких и французских писателей XIX – XX вв.

Данные показывают, что во всех языках доминируют названия растений с моноаксиологическим потенциалом: в русском языке – 54,1 %, в украинском – 64,7 %, в немецком – 74,1 %, во французском – 67,1 % от общего числа исследованных контекстов. В этой группе преобладают мелиоративные и пейоративные образы.

Исходя из этого, исследованные контексты были нами рассмотрены с точки зрения так называемой аксиологической шкалы, т. е. от негативной оценки до позитивной, между которыми находятся нейтральные (с нулевой оценкой) образы. Доля последних является наименьшей во всех исследуемых языках. Это объясняется оценочностью, присущей для вторичного семиозиса. Таким образом, все контексты можно разделить соответственно на три группы.

1. Пейоративные образы.

В основу пейоративных образов положены названия растений, обозначающие качества и параметры объектов, которые считаются некрасивыми, ненормальными, нестандартными с точки зрения общепринятых в обществе норм. В этой группе нами не зафиксированы случаи полного совпадения. Частичные совпадения в выборе растений как сигнификата только негативных образов зафиксированы в следующих случаях.

1. Разноструктурные языки.

Agrimonia: **укр.** *rep'ях*; **нем.** *Klette*; **фр.** *bardane* (надоедливость; неприятный вид); **укр.** *Хіба своє “я” ми не сієм так само уперто, як смітниковий бур'ян насіння? Як всі ті кульбаби, rep'ях, кропива і т[аке] інші, що окриляють насіння і кажуть лети! – нем.* *Aber denkt nicht, Genossen, daß sich Bienkopp abschütten ließ wie eine trockene Klette! – фр.* [...] *ses yeux verts, globuleux, hérissés, plus tenaces que ces “graterons” de la bardane qui s'attachent aux jupes des villageoises* (44: 163–164);

Cirsium: **укр.** *будяк*; **фр.** *chardon* (неприятная внешность; плохое отношение к другому человеку): **укр.** – *Але яка не хороша була [будя-*

кова] *квітка, а все з колючками; так і Солоха [...] . – фр. [...] sa gratitude de chardon commençait déjà à m'agacer le tympan;*

Cucurbita: **рус.** тыква; **фр.** citrouille (слишком большой размер; голова): **рус.** [...] но как величественная тыква гордо громоздится и заслоняет прочих поселенцев богатой бакиши, так и сюртук нашего приятеля затемнял прочих собратьев своих – **фр.** Tout le reste, petit, c'est des imaginations que je me mijote dans ma vieille citrouille!.. ;

Dahlia: **укр.** жоржина; **фр.** dahlia (нездоровый румянец; синий нос алкоголика): **укр.** Бачу – на щоках у молодиць незграбно, сяк-так намальовані огневі маки, червоні жоржини, полумневі рожі. – **фр.** Mes-Bottes avait un nez qui fleurissait, un vrai dahlia bleu de Bourgogne;

Lycopersicon: **рус.** помидор; **укр.** помідор; **нем.** Tomate (красный цвет лица); **рус.** [...] две толстые девушки с яркими помидорными щеками [...]. – **укр.** На його гладко голеному, червоному й блискучому, як стиглий помідор, виду [...] малювалась зарозумілість [...]. – **нім.** «Das ist doch», – Schimmel stottert. Er ist jetzt tomatenrot;

Raeonia: **рус.** пион; **нем.** Pfingstrose (красный цвет лица): **рус.** [...] Хрипун и красен, как пион. – **нем.** Sein Gesicht entfaltet sich wie eine Pfingstrose;

Prunus spinosa: **рус.** терн; **нем.** Schlehe (жизненные неурядицы; слишком маленькие плоды яблони): **рус.** Путь пишущего от начала до конца усыпан тернием, гвоздями и крапивою [...]. – **нем.** Die Äpfel sind im Juni noch so klein wie grüne Schlehen;

Rubus fruticosus: **рус.** ежевика; **укр.** ожина; **нем.** Brombeere (сложный, «колючий» характер; травма; бессодержательные разговоры, болтовня). Ср.: **рус.** Ну, свашенька, и угостила!.. Погоди, ягодка моя ежевишина, я тебя не так угощу, ещё наплачешься!... – **укр.** Ізсинили всю, мене знівечили, як самі знали. Зробили, як ожина синю – **нем.** «Du meinst wohl, du kannst dir heute alles erlauben?» khurte Freyschlag Hinter seiner Larve hervor, «das ist billig wie Brombeeren» [...];

Solanum melongena: **рус.** баклажан; **фр.** aubergine (большой синий нос): *Нос у него [Макара] стал огромный и синий, как баклажан [...]. – фр. Il montra du doigt son nez en aubergine [...].*

2. Славянские языки.

Beta: **рус.** свекла; **укр.** буряк (красный цвет лица): **рус.** Лицо его сделалось цвета вареной свеклы. – **укр.** – Я лісу не продаю! – випалив знову Колісник, червоніючи увесь, як буряк;

Datura, Hyoscyamus: **рус.** дурман, белена; **укр.** дурман, блекота (плохое самочувствие): **рус.** – Что ты такое врешь, словно белены объелся [...]. – Не лазоревым алым цветом, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветом поздняя бабья любовь. – **укр.** Червоніли вуха, блищали очі, немов у потруєних блекотою. – Во-

но [слово], як дурманом, як хмелем, затуманить усі його думки, гадки, надії [...];

Ficus: **рус.** *фига*; **укр.** *фіга* (неприличный жест; ожог). Ср.: **рус.** *И был он похож на того рассеянного ученика, который глядит в книгу, но в то же время видит и фигу [...]. – укр. [...] а ноги, спечені на суху фігу, чіпко липнуть до кам'яних східців*;

Raphanus: **рус.** *фига*; **укр.** *редька* (плохой характер; горькие чувства): **рус.** [...] *Маменька такая редька, что никто не хочет связываться. – укр. [...] одно здавалося гірше печеної редьки, становилось руба у горлі. Це – життя у казармі вонючій [...]*;

Tilia: **рус.** *липа*; **укр.** *липа*; (плохое отношение к человеку, грабеж): **рус.** *Иной мужика дерёт как липку, и ничего! а я.... – укр. [...] там на Побиванці жида, як липку, обідрано; [...]*.

II. Нейтральные образы.

Названиями растений, лежащими в основе нейтральных образов, обозначаются параметры и свойства объектов, которые являются стандартными, нормальными с точки зрения общепринятых эталонов в определенном социуме. Примечательно, что в этой группе нами не было зафиксировано совпадений в разных языках.

Установлено, что полностью нейтральными являются образы, обусловленные внешним видом и свойствами следующих растений.

В русском языке:

– *акация* *Acacia* (звук выстрела): *Ночью по Ростову стручками вызревшей акаци лопались выстрелы*;

– *тюльпан* *Tulipa* (форма абажура): *Лампа с розовым колпаком-тюльпаном на крошечном письменном столе [...]*.

В украинском языке:

– *боровик* *Boletus edulis* (форма фигуры крепкого человека): [...] *невисокий кремезний чолов'яга, схожий на гриба боровика*;

– *курай* *Salsola* (форма мужской бороды): [...] *посміхнувся Кулик у свою кураєво-полинову бороду*;

– *олива* *Olea* (цвет птичьих яиц): [...] *обережно вийняв з кишені троє оливкового кольору з темнуватими плямами яєць*;

– *півники* *Iris* (внешнее сходство другого растения с ирисом): *Цвіте [юка], як півники, і листям на півники схожа*;

– *рис* *Oryza* (размер зубов): *О, далася б йому [Валерику] знаки Асканія, не відгризся б від неї своїми дрібними, як рисові зерна, зубами...*

В немецком языке:

- *Lotos* *Nelumbium* (форма архитектурного элемента): [...] *Es wird das Dach, mit Goldblech beschlagen, Von lotosknäufigen Säulen getragen*;

- *Maiglöckchen* *Convallaria*, *Lavendel* *Lavandula* (эти названия слу-

жат для обозначения парфюмерии): *Gerda riecht nach Maiglockenparfüm. – Es duftet noch ein ganz wenig nach Puppi, nach Lavendel;*

- *Malve Malva (цвет тени): Orangengelb funkelte der Schnee, während der Tower malvenfarbene Schatten wart;*

- *Olive Olea (цвет телефона): Das olivgrüne Telefon summt;*

- *Reseda Reseda (желтый цвет платья): Sie hatte schwarze Haare, war blaß, und ich würde ihr verbieten, Resedafarbene Kleider zu tragen [...].*

Во французском языке:

- *chou Brassica (зеленый цвет конопли): [...] la couleur [de la chanvre] était verte. "Il y a vingt espèces de vert; à quelle plante rapportes-tu le vert dont tu parles? – A un chou, il me semble [...];*

- *ébène Diospyros ebenum (черный цвет волос): Elle avait de grands yeux noirs sous sa chevelure d'ébène;*

- *épinard Spinaceae (зеленый цвет пальто): A coté du curé, il y a une bonne grosse fille en manteau vert épinard [...];*

- *houblon Humulus (высокий рост человека): [...] trois longues filles enguirlandées qui avaient l'air de perches à houblon; [...];*

- *pastèque Cytrullus (размер плода другого растения): Contre les parois du cone de verdure, les fruits striés de blanc, ronds comme de petites pastèques [...];*

- *prunellier Prunus spinosa (зрачки): Dans ses orbites roulaient deux globes jaunâtres ou nageaient des prunelles sales [...].*

III. Мелиоративные образы.

Количество флоролексем, являющихся основой только положительных образов, значительно выше. В этой группе выделяем случаи полных и частичных совпадений.

Так, название растения Armeniaca (**рус.** абрикос; **укр.** абрикос; **нем.** Aprikose; **фр.** abricotier) служит для обозначения в этих языках приятного запаха, красивого цвета солнца, ткани и т. п. Ср.: **рус.** Над хутором оранжевым абрикосом вызревало солнце [...]. – **укр.** Був він [професор] тоненький, можна сказати, ніжний і якийсь запашний, як шкіра з абрикоса. – **нем.** Lisa ist eine Vision in aprikosenfarbenen Crepe de Chine. – **фр.** Il va faire des fraises comme des lanternes [...] des olives comme des abricots [...].

Растение Laurus (**рус.** лавр; **укр.** лавр; **нем.** Lorbeer; **фр.** laurier), является, как известно, символом успеха и славы: **рус.** [...] жизнь литератора представляется торжественным путём к славе, усыпанным розами и лаврами. – **укр.** [...] а ми, братко, давай пожинати лаври. – **нем.** Auch wir lieben diesen ungarischen Komponisten, der vor hundert Jahren ein Verehrer unsepes Hector Berlioz war, dessen ewig grunender Lorbeer zuerst in Paris erbluhte. – **фр.** Son front de marbre avait l'air fait

pour le laurier.

Высота и форма ствола тополя *Populus* и пальмы *Palma* стали эталонами красивой, стройной фигуры человека (*рус.* тополь; *укр.* тополя; *нем.* *Rappel*; *рус.* пальма; *укр.* пальма; *нем.* *Palme*; *фр.* *palme*). Ср.: *рус.* Изящна, стройна, как тополь [...]. – *укр.* Стрункі та гонкі, як тії тополі [...]. – *нем.* Sie war schlank wie eine Rappel [...]. – *рус.* [...] никакая пальма [...] не в состоянии соперничать с изящной стройностью ее стана. – *укр.* Походила ростом на матір, вибуяла, мов пальма, вгору [...]. – *нем.* [...] Und die Glieder schlank und kühllich wie die Palme der Oase. – *фр.* [...] cette surabondance de mains tendues comme des palmes sur le passage du Seigneur.

Другие случаи частичных совпадений в разноструктурных языках зафиксированы на примерах следующих флоролексем:

- *Ananas* (сладкий вкус; красивый цвет). Ср.: *рус.* ананас; *укр.* ананас; *нем.* *Ananas*: *рус.* Антекариша [...] исчезает в потёмках за дверью. – Фрукт! – говорит доктор, подмигивая. – Такого ананаса, Обтёсов, и на острове Мадейре не сыщете. – *укр.* Йшли кудись сосни, ряди високих пнів. На вершечках, жовтих, як ананаси, лежали чорні корони, мов волохаті папахи. – *нем.* Ach! der Ruhm [...] süß wie Ananas;

- *Betula*: *рус.* береза; *фр.* *bouleau* (символ женской красоты; белый цвет кожи; высокая стройная фигура; уязвимость человека); *рус.* Вся стройная, грациозная, как вот эта береза [...]. – *фр.* Un frisson la fit trembler comme une feuille de bouleau, quand elle se reconnut;

- *Centaurea*: *укр.* волошка; *нем.* *Kornblume*; *Vinca*: *укр.* барвінок; *фр.* *pervenche* (оба растения обозначают голубой цвет глаз, неба). Ср.: *укр.* [...] з великими очами, як темні волошки. – *нем.* Die tiefblaue Himmel senkte sich nun auf die Erde herab, darauf er als Kornblumenfeld fortblüete. – *укр.* Сині [очі] були, як барвінковий цвіт у росі. – *укр.* [...] а над усім небо чисте, як барвінок, синє, і далечінь, як дим. – *фр.* Elle était si fragile, avec ses doux yeux de pervenche!;

- *Cerasus*: *рус.* вишня; *укр.* вишня; *нем.* *Kirsche* (эти растения обозначают женскую красоту, красный цвет губ, щек); *рус.* Она сразу узнала его, плотнее сжала вишневые губы [...]. – *укр.* – Дядьку Мироне, я прийшла до вас на вечерю, – журно посміхається вишневими устами [...]. – *нем.* [...] Die Wangen wie Rosen, wie Kirschen der Mund [...];

- *Fragaria*: *укр.* полуниця; *фр.* *fraise* (красный цвет губ, щек; женская красота; сладкий вкус); *укр.* Від полум'я з печі бабусині лиця Червоними стали, немов полуниця. – Аглая й справді не дівчина, а прямо запашина клубничка. – *фр.* [...] elle était rouge de plaisir comme une fraise [...]. – [...] La gueuse a une bouche! un petit pot de fraises;

- Mimosa (нежность, чувствительность, уязвимость человека): *рус.* мимоза; *укр.* мімоза; *нем.* Mimose: *рус.* Вы смешной: чуть вас тронешь, вы и завяли. Такая вы стыдливая мимоза. – *укр.* Ніжна, вразлива, немов мімоза, з сумовитими очима.... – *нем.* Dieser gußel-serne Satan hat eine mimosenhafte Phantasie;

- Paeonia: *укр.* піон; *фр.* pivoine (эти растения обозначают женскую красоту, румянец). Ср.: *укр.* Стала червона, як піон. – *фр.* Sa figure était [...] un bouton de pivoine prêt à fleurir;

- Persica (красивый цвет лица; нежная и приятная на ощупь кожа): *рус.* персик; *укр.* персик; *фр.* pêche. Ср.: *рус.* – Ваши дома? – обращается он развязно к девочке. – Дома. – Мм... Персик! И барыня дома? – Кожа лица гладкая, без единой морщинки, как вот у того персика [... – *укр.* [...] задумою повивається налите, персикове обличчя.... – *фр.* Une vraie frimousse de margot, trempée dans du lait, une peau veloutée de pêche [...];

- Phragmites (стройная фигура; приятный для слуха шелест; сходство другого растения с камышом): *укр.* очерет; *нем.* Rohr; *фр.* Roseau. Ср.: *укр.* Якщо хочуть похвалити дівчину, то кажуть: прямесенька, як очеретиночка!. – *нем.* [...] deine Worte tönen wie Rohrgeflüster.. – *фр.* Les bananiers eux-mêmes, ces grands roseaux vert tendre [...] se dressaient silencieux et droits, en panache réguliers;

- Quercus: *нем.* Eiche; *фр.* chêne (крепость; сила характера; мощь; толщина ствола других растений). Ср.: *нем.* Deutsche Treue ist das Thema dieses Dramas, und wir sehen sie hier, stark wie eine Eiche [...]. – *фр.* Sur la pente qui plongeait à droite, de beaux pins dominaient une épaisse broussaille de chêne kermès [...];

- Syringa: *рус.* сирень; *укр.* бузок; *фр.* lilas (фиолетовый цвет неба, моря; приятный запах). Ср.: *рус.* [...] благоуханьем любви окружена, как цветущая сирень свежестью росною. – *укр.* Він [Карк] після тифу. І на нього дмухало бузково, ачей ромашками, як дитині, що перший раз стала на ноги або заговорила. – [...] увечері дівчата виходили з оранжерей і співали пісень у бузковий захід. – *фр.* Cette blonde invisible, parfumée comme un lilas blanc [...] . – A l'horison dans le lilas clair du crepuscule. – [...] parfumée comme un lilas [...];

- Taraxacum: *рос.* одуванчик; *укр.* кульбаба; *нем.* Löwenzahn (хрупкость человека; желтый цвет цыпленка). Ср.: *рус.* Заявилась как-то старушка, Божий одуванчик [...]. – *укр.* «Кульбабка», – подумав Коваль, розглядаючи сухенького чоловічка, у якого хтозна в чому душа трималася. – *нем.* Die Küken sind nur acht Tage weich und gelb wie Löwenzahnblüten;

- Tilia: *нем.* Linde; *фр.* tilleul (сила, надежность; положительное воздействие на организм человека); *нем.* In diesem Augenblick liegt die-

ses Buch vor mir, und est ist mir, als röche ich den Duft der deutschen Linden. – Auch Lindenholz, drauf sind wir stolz. – **фр.** La douce Marie essaya de la calmer, avec du tilleul et des paroles.

В славянских языках совпадения зафиксированы в выборе названий растений Nymphaea: **рус.** водяная лилия **укр.** водяна лілія (нежное белое лицо) и Impatiens **рус.** разрыв-трава; **укр.** розрив-трава (волшебное растение, способное открывать любые замки, могилы и т.п.). Ср.: **рус.** Вся голая, белая, словно водяная лилия [...]. – А на что тебе, батюшка, Иван Иванович, разрыв-травы? – Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон.... – **укр.** Ганна й справді за ці дні розкрилася, мов лілія на воді. – Що нам кайдани? Я призапас такої розрив-трави, що тільки притулю, дак ік нечистому й порозпадаються.

Другие мелиоративные образы обусловлены видом и свойствами других растений.

В русском языке:

- ландыш Convallaria, подснежник Galanthus, гвоздика Dianthus, желтая лилия Lilium martagon (эти растения обозначают приятный запах): [...] и, кажется, вся эта свежесть – от свежей, как ландыш, хозяйки, Марии Казимировны. – У тебя даже веснушки пахнут, факт! Знаешь, чем они пахнут? [...] Ну, вот как подснежники, почти не приметно, а хорошо. – Недавно я обедал у Ермоловой. Цветочек дикий, понав в один букет с гвоздикой, стал душистее от хорошего соседства. Так и я, пообедав у звезды, два дня потом чувствовал вокруг головы своей сияние. – [...] не мог не ощущать даже того особенного запаха, тонкого, свежего и пронзительного, как запах желтых лилий, которым веяло от ее одежд;

- бергамот Citrus bergamia (модная косметика): Одной помады на десять рублей заказала, и всё первого сорта, косметик-бергамот;

- боровик (фигура крепкого человека): [...] крепкие, как боровички, мужики [...];

- вяз Ulmus (крепкая фигура): Он стоял, раскорячив куцые, сильные ноги, низкорослый и могучий, как степной вяз;

- гелиотроп Heliotropium (модный цвет ткани): Цвет, ежели желаете, модный теперь гелиотроп [...];

- горчица Sinapis (небольшие физические параметры по своей форме, но великие по своему содержанию): Разве не сказано в евангелии, что у кого на одно горчишное семя веры, тот может горы поднимать с места? - калина Viburnum (цвет щек): Щеки у Авдеича [...], как гроздь калины;

- куманика Rubus nessensis (синий цвет родимого пятна): [...] у ней на верхней губе было родимое темносинее пятнышко, точно она поела куманики [...];

- *рожь* Secale (цвет волос): [...] *маленькая блондинка с волосами, как спелая рожь* [...];

- *хмель* Humulus (гибкость фигуры): [...] *обвилась вокруг Григория, как хмель вокруг дуба*.

В украинском языке:

- *безсмертник* Helichrysum, *лаванда* Lavandula, *льон* Linum, *пролісок* Scilla (названия этих четырех растений обозначают голубой цвет глаз): [...] *мов сіро-блакитнаві, побризкані росою безсмертники, оживають старі очі. – Він знав, що і очі в неї [Оленки] були сині, мов цвіт лаванди. – [...] Очі ясні та сині, як на росі льон. – Високого росту, огрядний, показний, хоч і білявий, з ясними голубими очима, що, як проліски по весні, синіли* [...];

- *слива* Prunus, *смородина* Ribes nigrum, *бузина* Sambucus, *виноград* Vitis (эти растения обозначают черный цвет глаз): [...] *з грізним поблиском чорних, як сливи, очей* [...]. – *Іще дивіться на її очі: коли на бузину впаде серпневий промінь, то теж її очі. – Бліденький хлопчик [...] націлив на Оксена чорні, як смородина, очі. – Подивись на мої “глазюни” ... Правда ж, вони блистять на сонці, як чорні виноградинки?*;

- *бамбук* Bambusa (высота растения): *Перебродимо через просо, високе, як бамбук, ряснисте*;

- *братки* Viola tricolor (нежный поцелуй) Viola tricolor: *Лежав він [поцілуй] йому на руці, немов прилиплий до неї браток...один з тих оксамитно-м'яких з темними очима* [...];

- *горицвіт* Adonis (цвет Луны): *Над темним лісом виходила вечірня зоря, ніби з гущавини лісової вилетіла квітка горицвіту*;

- *маргаритка* Bellis (женская красота): *Низенька, кругла, вона здавалася не польовою квіткою довгостеблом [...], а повною огородною маргариткою* [...];

- *мигдаль* Amygdalus (розовый цвет): [...] *зарожевілі дерева, як мигдалі в цвіту* [...];

- *нагідка* Calendula (символ женской красоты) и *чорнобривці* Tagetes (символ мужской красоты): *Співало дівоцтво любих пісень своїм чорнобривцям, співали і чорнобривці жартовливих своїм нагідкам, і в миру та любові бралися*;

- *ріпа* Brassica rapa (белый цвет зубов): *Коли її били, вона плакала – ревла, а не оборонялася; коли сміялися – і вона вишкіряла свої білі, як ріпа, молоді зубенята* [...];

- *рута* Ruta (цвет других растений; символ женской красоты): [...] *буки зазеленіли у ньому, як рута. – Дочка була, як рута, – швидко взяли на сторону багаті люди*;

- *смерека* Picea (высокая стройная фигура): [...] *вона – мати, стояла рівна, як смерека* [...].

В немецком языке:

- Aloe Aloe (приятные чувства): *Dieses Herz ist auch eine Blume, eine gar wunderliche. Es ist kein bescheidenes Veilchen, keine lachende Rose, keine Lilie [...]. Dieses Herz gleicht mehr jener schweren, abenteuerlichen Blume aus den Wäldern Brasiliens, die der Sage nach alle hundert Jahre nur einmal blüht. [...] daß es ihre Aloe gewesen, die mit solchem Knalle plötzlich aufgeflüht sei;*

- Glockenblume Campanula (синий цвет): *In dem knöchellangen blauen Drillichkleide [...] Abstand glich sie einer großen blauen Glockenblume [...];*

- Granate Punica granatum (цвет губ): *Sanfte Lippen, wie Grenaten [...];*

- Hyazinthe Hyacinthus (цвет волос): [...] *ein schlankes, weißes Mädchen mit ernsthaft blauen Augen, goldnen Hyazinthenlocken [...];*

- Kastanie Castanea (цвет волос): *Sein Haar hatte die Farbe ausgereifter Kastanien [...];*

- Orchidee Orchis (приятные чувства): *Annagret stand auf Stelzenschuhen im Fallaub, erhaben über Humus und Moder der Dorfstraße. Eine Orchidee zwischen Bauernblumen;*

- Paprika Capsicum (сильный темперамент): [...] *daß die Julika aus Budapest ein Herz aus Paprika hatte;*

- Sonnenblume Helianthus (размер тортов): [...] *butterglänzende Torten wachsen wild wie Sonnenblumen [...];*

- Tulpe Tulipa (пестрая одежда): *Einige hübsche Mädchen gingen spazieren, bunt geputzt wie wandelnde Tulpen;*

- Wegwarte Cichorium (синее платье): *Nun steht Märkte im leisblauen Leinenkleid zwischen den Mädchen wie eine Wegwartenblüte.*

Во французском языке:

- anémone Anemone (длинные ресницы): *Là-bas, très loin du sourire de Monique qui s'assoupit et dont les paupières se referment comme des anémones du soir;*

- api Malus (красный цвет щек): *Elle le savait bien, elle rougissait comme une jeune fille, avec une fleur de pudeur qui, lui mettait aux jous des tons vifs de pommes d'api;*

- asperge Asparagus, platane Platanus (высокая стройная фигура): *Elle allait sur ses treize ans, grande déjà comme une asperge montée [...]. –Elles [les femmes] restaient de longs moments immobiles, raidies comme les petits platanes maigres [...];*

- blé Triticum (цвет окраски животного, помогающий ему на охоте): – *J'y gagne, dit le renard, à cause de la couleur du blé;*

- cotonnier Gossypium (белый легкий снег): [...] *il tombe par flocons une pelouche blanche et silencieuse comme sous les cotonniers;*

- *myosotis* Myosotis, *véronique* Veronica (эти растения обозначают голубой цвет глаз): [...] *avec de bons yeux bleus très pâles, comme des myosotis* [...]. – [...] *les yeux d'Edouard font songer aux pétales de la véronique* ;

- *sorbier* Sorbus (приятные чувства): *Elle [Julienne] rayonnait et frémissait, elle était comme un jeune sorbier au soleil.*

Кроме того, нами еще зафиксированы флоролексемы, используемые в качестве готовых первичных знаков с разными типами оценок. Часть полиаксиологических названий растений в исследуемых языках составляет в русском языке – 45,9 %, украинском – 35,9 %, в немецком – 25,9 % и во французском – 32,9 %.

Полное или частичное совпадение зафиксировано в выборе названий растений, которые можно условно разделить на три группы.

1. Названия растений, культивируемых для пищевых потребностей:

- *горох* Pisum: **рус.** *На нижнем веке его правого глаза коричневой выпуклой горошиной сидела родинка. – [...] показывает глазами на меня скромному господину в гороховом пальто. – Нечаев смеялся, как девушка, словно горох сыпал [...]. – укр.* *Марія звела на нього очі, і, мов горох покотився, закапали з їх сльози. – Ситцеве плаття в синій горошок, що ладно сиділо на її ставній фігурі, трохи оддimalося спереду. – [...] за невеличким хлопчиком, що, як горошинка, котився поперед нього. – фр.* *[...] il rentra ses larmes qui lui venaient dans les yeux grosses comme des pois). – C'était une robe blanche à pois roses [...];*

- *груша* Pirus: **рус.** *Лицо расширяется грушей, от лба вниз, к щекам [...]. – Ильинична полыхала вишневым румянцем, сваха ее зелене-ла от водки, как зашибленная морозом груша-зимовка. – [...] пройдет с кулаками промеж козаками – все, как груши, повалятся на землю. – укр.* *[...] отец Миколай відкопил губи, і лісова грушка його носа ворухнулась [...]. – Громада кинулась урозтіч улицею [...] та як ті груші сипнули. – В її брунатне обличчя, схоже на суху зморшкувату грушу, навіки залягла селянська доброта і лісовий смуток. – нем.* *[...] vierte Gesicht ganz wie eine Birne aussah [...]. – Ich habe eine birnartige Beule am Kopf [...]. – Allein, wer er tags drauf das Mädchen sah schrumften seine Worte, die wie süße Birnen sein sollten [...];*

- *лук* Allium: **рус.** *Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука. – [...] церковь с куполом, похожим на вызревшую зеленую луковичку. – [...] хитон из ткани, тонкой и золотистой, как пленка с голочки сушеного лука; [...]. – укр.* *[...] здоровенними сіромутними очима, що сиділи у неї зверху, як дві цибулі. – Той – молодий, кучерявий хлопець – дістає з кишені срібного годинника-цибулину [...]. – Нарешті цибулина бані [звонницы церкви] готова, стирчить над нею*

шипиль десь у небесах [...]. – **фр.** Et, soudain, on aperçut au fond de la cuvette un point brun, pas plus gros qu'un grain d'oignon. – [...] je n'ai pas des ailes En pelure d'oignon comme les demoiselles;

- орех Juglans: **рус.** Пожилая женщина любого сословия раскусывается как орех. – Как видишь, очень убогие сведения для познания девы с ореховыми глазами. – [...] густые темно-ореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям [...]. – **укр.** Він [Заболотний] їх луцив, як горіхи, – зауважив тоном іронічним Дударевич. [...] блиснула Тоня до всіх своїми горіхово-карими. – Міцний підкинули горішок. Відчувається, має він свої уявлення про життя [...]. – **нем.** Wie eine Nuß in der Zange lag Chemnitz jetzt zwischen den heranruckenden sowjetischen und amerikanischen Armeen. – [...] und ihr Haar war nur wenig nußbraun; [...]. – **фр.** J'ai mangé toute une noix de cotelette [...]. – [...] et d'un coup de pelle, separa de la buche un morceau de braise gros comme une noix, [...]. – [...] il s'arracha du crâne un morceau d'or massif, un morceau gros comme une noix [...];

- яблоня Malus. Ср.: **рус.** [...] старуха, с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко [...]. – [...] круглый, как яблоко, подбородок [...]. – [...] запах зимнего воздуха, крепкий и здоровый, как запах свежих яблочков. – **укр.** Яблуко не відкотиться ніколи далеко від яблуньки. – [...] гнідий у яблуках жеребець і білий кінь з чорною ногою, з тавром на стегні. – Високий, чорнявий, хороший: лице його – як яблуко [...]. – **фр.** [...] Célestin Malaisel, un grand maigre, un peu tordu comme un tronc de pommier [...]. – De temps à autre, un tic faisait brusquement remonter ses pommettes [...]. – Sa figure était une pomme rouge [...].

2. Названия растений, культивируемых для эстетических потребностей:

-лилия Lilium: **рус.** [...] с маленькой, тонкой и бледной, как лилия, покорною девочкой [...]. – Белые башни соборов сделались воздушно-голубыми, еще более похожими на исполинские цветы, райские лилии. – [...] святые отцы процветали там, [в Китеже], как лилии [...]. – **укр.** Наче квітка білої лілеї, завита у чорну хустку, лежала вона бліда-бліда [...]. – Її інстинкти зробилися делікатні, як цвітковий пил лелії. – А личка – одно рожа, друге лілія. Зроду-віку не бачив кращого нічого. – **нем.** Die Mutter hingegen hatte flache, stumpfe Gesichtszüge [...] und lilienweiß gepuderte Haare. – [...] Und eine lilienweiße Schlafmütz [...]. – Lisa ist kühl wie eine Klosterlilie. – **фр.** [...] Un teint de lys et de rose, vous comprenez? – Elle était un lis candide et ferme, avec sa douce figure de vierge;

- роза Rosa: **рус.** Алою розою цвела ветчина. – Лампа с розовым колпаком-тюльпаном на крошечном письменном столе [...]. – Двадцатилетний корнет, красавец – розы на щеках [...]. – **укр.** Його кир-

натий ніс цвів, як повная рожа. – І ця, – вказала вона на зашарілу, як рожа, дочку. – Знаю, що пальці у рукавичках – як пелюстки троянди. – **нем.** [...] kaltrote Nase wie eine Winterrose [...] . – Es ist im Wande und nicht daheim unter dem rosaroten Lampenschirm. – [...] Mündlein wie die Purpurrosen. – **фр.** [...] je devrais plutot expédier aux dames des poèmes couleur de rose [...]. – Et elle devint un peu rouge, pas plus que la petite rose des buissons [...]. – A son retour, il était frais comme une rose [...];

- фіалка Viola: **рус.** [...] от другой несло весной и фиалками [...]. – [...] цвет его [неба] подобен был цвету увядающей фиалки. – [...] а вот прошлогодние листья ясеня почему-то пахли молодостью, весной и, быть может, немножко – фиалками. – **укр.** Ваші жінки – то як фіалки, але на фіалки не дивиться жоден мужчина. Про красу і запах їх говориться лиш, але ніякий мужчина не любить їх справді. – [...] огірки, квасоля біла, ряба й фіалкова [...]. – [...] під очима випалено, а очі – фіалки. – **нем.** Bei den ersten Tönen springt der Hauptfeldwebel auf, blau wie ein Veilchen [...]. – Nach kurzer Zeit nahmen die nach Veilchen und Rosen duftenden Damen Mutter und Erzieherstellen bei uns ein [...]. – Rote Wänglein, blaue Äugelein; Rosen und Veilchen. – **фр.** [...] on le voyait tout à coup s'avancer, titubant, les bras écartés, la figure violette. – Mais qu'attendent-ils, ici, pour juger Violette Nozières?. – Elles [paupières] se rabattirent comme une violette trop courte [...].

3. Названия экзотических растений, но распространенных в качестве продуктов питания.

- апельсин Citrus sinensis: **рус.** [...] на ней [земле] есть высокие горы, глубокие овраги, московские мостовые, которые мешают ей быть круглой столько же, сколько ямочки на апельсине или прыщи на физиономии. – Mon Dieu, что за женщины! [...] Заберешься в какой-нибудь купеческий домик, в заветные терема, выберешь апельсинчик посвежее и румянее и – блаженство. – **нем.** Was die Feigen betrifft, so müssen wir sie ebenfalls, wie die Zitronen und Orangen, aus fremden Ländern beziehen. – «Und Signora! setzte er hinzu, sowie die Pomeranze, je älter sie wird, auch desto gelber wird, so wird auch Ihre Schönheit mit jedem Jahre desto reifer. – **фр.** [...] abandonné de Dieu et des hommes, se nourrissant uniquement de lui-même, retournant à la manière des oranges qui se racornissent sur les cheminées. – Elles [courges d'Asie] étaient déjà plus grosses que des oranges;

- лимон Citrus limon: **рус.** На следующий день встал почти без жара; только был слаб и желт, «желт, как лимон» [...]. – В левом кармане пиджака нащупал рубчатое тельце гранаты-«лимонки» [...]. – На желто-лимонном, выцветшем штофе заиграли зайчики [...]. – **укр.** [...] рясний корінець, обліплений жовтими, як цитрина, бульбашками з дрібною, як мак філоскорою. – Антосева рука

судорожно стиснула в кишені гранату-лимонку. – Потім плив [місяць] по тихих голубих потоках, одкидаючи лимонні бризки. – нем. – [...] Mit dem sauerlichen Lacheln Der Zitrone gleicht [...]. – Reglos kniete sie im Moose und beobachtete, plötzlich erschauernd, einen Zitronenfalter [...]. – Was die Feigen betrifft, so müssen wir sie ebenfalls, wie die Zitronen und Orangen, aus fremden Landern beziehen;

Полиаксиологические флоролексемы в славянских языках подразделяются на две группы.

1. Названия растений, культивируемых как продукты питания.

- арбуз *Citrullus*: **рус.** Нас тут и так, как семечек в арбузе, – недовольно буркнул лежащий на лавке пожилой казак. – Странный шар раздался до величины арбуза. – Баба сладкая, как арбуз. – **укр.** Колісник, червоний, як стиглий кавун або печений рак [...]. – По-перше, вона [планета] кругла ... – Як кавун? – Вважайте, як кавун – Сонце почало пробиватися крізь густе курище туману, здавалося – мов хто стиглий червоний кавун викотив з-за гори;

- дыня *Cucumis melo*: **рус.** [...] старый царь Давид, изнемогающий в объятьях молодой девушки, – это дыня, которую уже хватил осенний утренник [...]. – [...] и приходил чисто в собачий восторг, когда видел голову, похожую на дыньку. – [...] пока она пела, мне казалось, что я ем спелую, сладкую, душистую дыню. – **укр.** Сивий, голова довга, як диня [...]. – [...] найулюбленіша в наших краях груша-скороспілка! Жовта, мов диня, від удару аж тріснула [...];

- конопля *Cannabis*: **рус.** [...], а волосы у нее [русалки] зеленые, что твоя конопля. – Тут были крупные [звезды], как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно.... – **укр.** Трупі мокли в баюрі, наче коноплі, і червонили воду [...]. – [...] поміж ними [дубами, кленами, берестками, липами] пустилося молоднику – як конопель на доброму підметі;

- малина *Rubus idaeus*: **рус.** [...] а между бровями росла бородавка, похожая цветом на спелую малину, а формою – на рог носорога. – За малиновой бархатной портьерой послышалось твердое, уверенное, хорошо знакомое ему постукивание каблуков. – [...] не жизнь, а малина. – **укр.** [...] палає в малиновому пожарі дача [...]. – [...] захопити якусь частину молоді козацькою славою, малиновими шароварами і довгими шиками. – З Майї гарна малинка, – говорив метранпаж;

- огурец *Cucumis*: **рус.** Дьячка-то?.. прозвище ему – Огурец. Его здесь все так величают [...] Пустой человек! Как есть проходи-меч!. – Подъезжая к крыльцу, заметил он [...] два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец [...]. – Помпончик... (Целует Бабакину в щеку.) Прелесть!.. Огурчик!.. – **укр.** [...] справжня зажура лягла

на м'ясисте обличчя пона і на його похнюплений огірок носа. – [...] і полозки так захрустіли по промерзлій скоринці снігу, начеб під ними смачно лопались соковиті огірки. – У мене жінка – як огірочок, ро-сою вмитий;

- перец Capsicum: **рус.** [...] висел вниз, точно стручок перца, длинный, мясистый, красный и дряблый нос [...] – А ну тебя к чёрту, перец. Отвяжись. – [...] пожилой клиент никогда не любит вашей простой, обыкновенной, грубой любви. Ему нужен кайенский перец. – **укр.** Купець підморгнув мені вусами, на які напирал червоний, як перчина, ніс. – Карло Іванович [...] почервонів, як стручковий перец. – [...] краще жінка з вогнем, перцем і жадобою, аніж якась покірнa розмазн;

- подсолнух Helianthus: **рус.** Голова его [Валета], как шляпка подсолнуха, висела, склонившись набок. – [...] засматривало с юга в комнату желтое, как цветок подсолнуха, солнце. – И ее женское сердце, всегда неувядаемое, всегда тянущееся к любви, как подсолнечник к свету [...]. – **укр.** У віспинках його шершавого, мов осінній соняшник, обличчя темніло невдоволення. – [...] вона бачить, як до неї наближається соняшник місяця [...]. – [...] повернула миле, округле, мов соняшник, обличчя до Якова;

- пшеница Triticum: **рус.** [...] небольшой, курносый, в буйной повителы пшеничного цвета волос, кареглазый [...] . – [...] пшеничная россыпь звезд гнула на сухом, черноземно-черном небе [...]. – **укр.** [...] руді рідкі баки, мов гичка з пшенички, спускалися з запалих щік. – Лобатий, чуб білий, як пшениця кучмою [...]. – [...] і молоденьких, кучерявих, гейби пшеничний колос, дівчат;

- шафран Crocus: **рус.** И по этой щеке, на которую смерть уже кинула шафранно-желтые блеклые тени, ползали суетливые муравьи. – Упомянутый желтый знак был особою, шафранного цвета, головою повязкою [...] – А на север за станицей – шафранный разлив песков [...]. – **укр.** [...] а далі зневажливо відкоплює м'які, з шафранистою окантовкою губи [...]. – [...] а на сході ширшає небеса прозелень, яку ніжно визолочує і шафранить невидиме сонце.

2. Названия дикорастущих, распространенных в ландшафте России и Украины растений.

- верба Salix: **рус.** Он стар, горбат, как верба [...]. – А за гусем – гусенята, желто-зеленые, как пушок на цветущем вербном барашике. – **укр.** [...] і мовчки плаче матір, як верба [...]. – [...] коли вони пастишками охороняли від шуліки жовтих, як вербовий пушок, гусенят [...]. – [...] милогубу, золотокошу, мов осіння вербичка, Оленку [...];

- дуб Quercus: **рус.** Империя была похожа на тысячелетний дуб, который изумляет своею страшною толщиною и которого середина давно уже обратилась в гниль и прах. – Смуглое тело отливало цветом томленного дуба. – [...] шел он по ней почти без шума, пока не перерос других, как крепкий дуб перерастает всю рощу, вначале его скрывавшую. Этот поэт – Крылов. – **укр.** [...] а дід, як дуб в дощову годину, – темний, непривітний). – Буває в підлітків пора, коли вони, затримавшись в дітях, як ті молоді дубки, що спочатку ростуть лише в корінь, починають потім [...] виростати за літо на півшапки;

- крапива Urtica: **рус.** Водка щипала его за язык, словно крапива [...]. – [...] улыбка жиганула Митьку крапивным укусом. – **укр.** – А ти, – каже, – дочко, стань жалкою кропивою: щоб тебе люди проклинали, щоб тебе з городів викидали!. – Хіба своє “я” ми не сієм так само уперто, як смітниковий бур’ян насіння? Як всі ті кульбаби, реп’ях, кропива і т[аке] інше, що окриляють насіння і кажуть лети!;

- мак Papaver: **рус.** [...] ведь тебя бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковке колотил. – [...] едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. – [...] что полненькие щеки казачки были свежи и яркие, как мак самого тонкого розового цвета [...]. – **укр.** Раптом в натовпі, що потоком ринув з галявини, то на одному, то на другому почали розцвітати на людях червоні квітки, попалені чорні маки – на грудях, на ногах, на плечах – [...] інший – рославий парубчак з темним маком, що вже висіявся на верхній губі [...]. – Уляна зардіється, як макова квітка.

Кроме того, нами выделены группы флоролексем, являющихся полиаксиологическими только лишь в одном исследуемых языков.

1. Русский язык.

- василек Centaurea: [...] резче ощущался соленый запах крови и приторно-сладкий васильковый трупный дух. – Он был в сером пиджачке с огромными рыжими клетками, в узких брючках василькового цвета [...]. – [...] а глаза синие, точно васильки;

- вишня Cerasus: У него разрублены ухо и щека до самого подбородка. На груди будто корзину спелой вишни раздавили. – Она сразу узнала его, плотнее сжала вишневые губы [...]. – [...] со своими льняными волосами и в венчальном наряде она очень похожа на стройное вишневое деревцо, когда весною оно сплошь бывает покрыто нежными белыми цветками;

- лесное яблоко Malus silvestris: И вот она их [вшей] сымает пальчиками, а сама так морищится, как будто лесовую яблоку раскусил. – И сладка показалась ему любовь бабы [...] сладка, как лесовое яблоко-зимовка, запаленное первым заморозком...;

- лопух *Arctium*: – Лопухи! Нестеренко выругался. – [...] красные уши Емельяна торчали, как два лопуха [...]. – Хозяин, под белым лопухом войлочной шляпы, повел их к своей делянке;

- осина *Populus tremula*: Ведь это какой-то зверь, идол, Гаврила Андреевич, – хуже идола... осина какая-то. – [...] мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину [...]. – Я начал глядеть в окно – я весь внутренно трепетал, как осиновый лист ;

- редька *Raphanus*: [...] Маменька такая редька, что никто не хочет связываться. – Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз [...]. – Видишь ли, человеку иногда полезно взять себя за хохол да выдернуть себя вон, как редьку из гряды [...];

- репа *Brassica rapa*: Острием ножа отделил он едва заметную крупинку, не более репного семени [...]. – Самая обыкновенная деревенская девка из тех, о которых парни говорят: вишь, ядреная, круглая, бела, как мытая репка.

2. Украинский язык.

- береза *Betula*: І на віях парубка, мов дві краплини березового соку, з'являються сльозини безсилля і горя. – Романочку, що з тобою? – лякається вона і стає насупроти нього, струнка і тендітна, мов та берізка [...]. – Як брав тополя між двома березами, так Галя між двома сестрами. В русской картине мира береза является символом красоты. На фоне тополя (символ красоты в украинской культуре), по мнению писателя, это дерево не является таким же красивым.

- бур'ян *Sambucus ebulus*: Дивишся на нього й думаєш собі: ким же ти будеш? Бур'яниною, шкурником безсовісним [...]. – Явдоха, як скошена бур'янина, припала до приспи – і заголосила. – Хіба своє «я» ми не сієм так само уперто, як смітниковий бур'ян насіння? ;

- жито *Secale*: [...] його сестра, що й посивіла у дівках, суха, як сухар, жовта, як стигле жито, завжди розкуйдана [...]. – [...] на високий лоб падає підкучерявлений чуб, нижня половина його біла, як житній колос, верхня – темно-руса. – Піднялася вона на зріст; не так і висока, як тонка; тонка, як стебло жита в урожайне літо [...];

- калина *Viburnum*: Випили чимало, Параска більше всіх і, здавалося, не впивалася, тільки лице її горіло, як калина проти сонця. – [...] а на лиці – як калина;

- капуста *Brassica*: – Геть мені зараз додому, бо як візьму оцю качалку, то поб'ю тебе на капусту!... – [...] відкрилося небо, сухе, високе, капустяного кольору [...]. – [...] каштан нахабно пняв свої тверді пуп'янки, наче головки капусти ;

- картопля *Solanum tuberosum*: [...] великий, картоплиною, Ягорів ніс, червоний, аж синій. – Цвіт його [пасльону] на картопляний схожий [...]. – [...] ми всі, наче картопля, вивалюємося у сніг [...];

- конвалія *Convallaria*: Пан Щур нахилив до її руки гострий ніс. – Ви пахнете конвалією. – Сиділа на камені, нахилившись до води, милувалась білим своїм личком та вправляла у вуха срібні конвалії сережок;

- кульбаба *Taraxacum*: [...] торкнувся рукою до голови, посередині якої пухом кульбаби аж до маківки підкучерявлювалася смужка ранньої лисини. – «Кульбабка», – подумав Коваль, розглядаючи сухенького чоловічка, у якого хтозна в чому душа трималася. – [...] ув'язане білоголове, мов кульбаба, дитинча;

- підсніжник *Galanthus*: І як я через тебе ще не побіліла, як ті підсніжники. – Біля татарського броду за пару тижнів зацвіла підсніжником нова хата-білянка [...]. – Пройшовся березень з підсніжником на шапці [...];

- терен *Prunus spinosa*: [...] остистий глід та колюча тернина вистилають стежки узенькі, а нещасна доля, учепившись за їх [людей], згина міцну спину, нехту[є] силу. – А ти часом не бачила, що то за жінка нещодавно у ліс пішла? [...] – В терновій хустці? – В терновій – [...] чорні, як терен, очі [...];

3. Немецкий язык.

- Baumwolle *Gossipium*: Der Baumwollschnee verkrustete [...]. – Am Morgen lag er [Schnee] locker wie Baumwolle [...];

- Nelke *Dianthus*: Es war ein süßes, liebes, beglückendes Glück mit [...] heißduftigen Nelkenlippen. – Die Lippen verkleinerte sie, daß sie rundlich wurden wie eine Nelke ;

- Salat *Lactuca sativa*: [...] viele Häuser waren unterdessen neu angestrichen worden, aus den Fenstern guckten fremde Gesichter, [...] alles sah so tot und doch so frisch aus wie Salat, der auf einem Kirchhofe wächst [...]. – Er [der Lövenzahn] kummert sich nicht drum, als was man ihn schätzt: als frühen Salat [...].

4. Французский язык.

- avoine *Avena*: [...] il y en avait [francs – tireurs] de tous les noms, de toutes les couleurs, comme des centaurees dans un champ d'avoine [...]. – Son tas de cheveux blonds, couleur d'avoine fraîche [...];

- jacinthe *Hyacinthus*: Pas bien grand [un bananier] par exemple, guère plus haut qu'une jacinthe; mais c'est égal! (48: 83). – Ces bras lisses, ces jambes nues vivement croisées et décroisées sous les robes courtes, ces oignons de jacinthe perça les chandails [...];

- mauve *Malva*: Mon père lui tendit un billet mauve de cinquante francs. – [...] les teintes sur la mer, enfin plus délicates et plus mauves;

- *tomate Lycopersicon: Elle était rouge comme une tomate.* – *Un garçon d'une dizaine d'années qui porte lui-même un panier recouvert d'un foulard tomate;*

Таким образом, в структуре вторичного семиозиса названия растений функционируют с ярко выраженным аксиологическим потенциалом.

Универсальным для русского, украинского, немецкого и французского языков является количественное преимущество нейтральных и мелиоративных образов по сравнению с пейоративными. Этот факт является свидетельством того, что русскими, украинцами, немцами и французами признается креативный характер природы, ее тесная связь с человеком. Самое яркое проявление этого наблюдается в украинском языке, где доля положительных образов составляет 58,7 %.

Характерным для мелиоративных образов является то, что большинство из них представляют собой характеристики внешности, поведения, чувств женщины и предметов ее туалета (одежды, украшений). Это объясняется тем, что в представлении народов, языки которых нами исследуются, женщина воплощает собой красоту, возвышенные чувства, материнство.

Количественное преимущество моноаксиологических названий свидетельствует о неограниченности человеческого воображения в процессе их семантической интерпретации.

Перспективой наших дальнейших исследований мы считаем изучение психологических параметров семиозиса в сопоставительном аспекте.

1. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.

2. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М. : Прогресс, 1967.

3. Космеда Т. А., Гажева І. Д. Аспекти й методика вивчення слова у контексті зміни лінгвістичних парадигм // Мовознавство. 1999, №1. С. 39–46.

4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985.

5. Панасенко Н. И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики (Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений) : автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.19. Московский гос. лингв. ун-т. М., 2000.

6. Проскуркіна С. М. Семантико-синтаксична структура оцінного висловлення // Мовознавство. 1995, №2–3. С. 21–24.

7. Сердюк А. М. Мотиваційна основа названь рослин у первинному і вторинному семіозисі (на матеріалі української, російської, німецької та

французської мови) : дис... канд. філ. наук: 10.02.15 «Загальне мовознавство». Бердянськ, 2002.

8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л. : Русский язык, 1950–1965. Т. 1–17.

9. Словник української мови : в 11 т. К. : Наукова думка, 1970–1980. Т. 1–11.

А. Е. Фалилеев

Языковая личность политика (на материале английского языка)

УДК 811.111

В статье рассматриваются особенности языковой личности политика в социокультурном контексте. Представлены и проанализированы материалы политических выступлений, отражающие многообразие лексических и стилистических средств, необходимых для достижения коммуникативной цели политика. Проведен сравнительный анализ речей Барака Обамы и Джорджа Буша-младшего как ведущих американских политических ораторов современности.

Ключевые слова: личность политика, языковая компетенция, текст, политический текст, политическая культура, политический дискурс, публичное выступление, политический лидер.

A. E. Falileev. The linguistic identity of the politician (based on a material of English language)

This article discusses the features of the the linguistic identity of the politician in social context. The materials of political performances reflecting variety of lexical and stylistic means, necessary for achievement of the communicative purpose of the politician are presented and analyzed in this article. The comparative analysis of the speeches of Obama and George W. Bush-younger as the leading American political orators of our time is carried out in this work.

Key words: the text, the political text, the political culture, the political discourse, the public statement, the political leader.

Внимание современных исследователей речевой коммуникации все больше концентрируется на изучении взаимосвязи и взаимовлияния языка и общества, на поиске ответа на вопрос, «как человек ис-

пользует язык в качестве орудия общения, ...как в языковых единицах отразился сам человек во всем многообразии его проявлений» [8:90]. Феномен языковой личности является объектом исследования различных отраслей лингвистики, что позволяет многопланово рассмотреть различные аспекты изучаемого явления.

Языковая личность отражает философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека. В лингвистической традиции под «языковой личностью», прежде всего, понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения, – личность речевая [1:1]. Это и совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная [9:64], и закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная, этносемантическая [6:2–4].

Языковая личность рассматривается с позиций языкового сознания и речевого поведения. Языковая личность является носителем языкового сознания. Сознание человека оказывается во многом обусловлено культурой того сообщества, к которому он принадлежит. Языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры. Языковое сознание личности реализуется в речевом поведении, которое определяется коммуникативной ситуацией, языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, мировоззрением и т. д.

Составляющими языковой личности являются языковая способность и коммуникативная компетенция. Языковая способность рассматривается как возможность научиться вести речевое общение. Успешность речевого общения зависит от способности общающихся организовывать свое речевое и неречевое поведение согласно задачам общения, т. е. речь идет о коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция выступает проявлением языкового сознания в выборе средств общения.

В содержание языковой личности включаются следующие компоненты:

1. Ценностный, где язык образует языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования

национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения.

2. Культурологический компонент, представленный фактами культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, знание которых способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации.

3. Личностный компонент, т. е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [7:8–9].

4. В основе изучения языковой личности заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но философско-мировоззренческих предпосылок, этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков. Даже психолингвистический аспект владения культурой речи связан с понятием языковой личности. Овладение языком – его лексикой, грамматикой, стилистикой, произносительной сферой – создает внутренний образ мировоззрения людей и каждого человека. Тем временем бурное развитие во второй половине XX века лингвистики, лингводидактики и методики преподавания и изучения иностранных языков привело к выдвиганию на первый план теории языковой личности с ее концептами первичной, вторичной, третичной и так далее личности [3:77].

5. В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немыслимо без языка и речи. Речь человека отражает его внутренний мир, служит источником знания о его личности. Более того, «очевидно, что человека нельзя изучить вне языка...», поскольку, даже с обывательской точки зрения, трудно понять, что представляет из себя человек, пока мы не услышим, как и что он говорит. Но также невозможно «язык рассматривать в отрыве от человека», так как без личности, говорящей на языке, он остается не более чем системой знаков. Эта мысль подтверждается В. Воробьевым, который считает, что «о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощенной в языке» [4:26].

С точки зрения ценностного аспекта анализ языковой личности базируется на признании того, что ценности обладают такими свойствами, как человеческая отнесенность и социальная обусловленность. Важнейшие компоненты ценностей – оценка, норма и оценочный стереотип. Ценностные доминанты в разных культурах могут быть как универсальными, так и специфическими в зависимости от историче-

ской и культурной традиции страны [2:98]. Например, общепризнанным местом исследований, посвящённым американской национальной ментальности, являются следующие традиционные ценности: эгалитаризм, ориентация на будущее / оптимизм, изменение / динамика действий, материализм, рационализм [11:66].

Языковая личность политического деятеля становится узнаваемой благодаря набору специальных «ключевых слов». Под ключевыми словами понимаются лексемы, обозначающие наиболее актуальные понятия или явления, отраженные в дискурсе определенного политического деятеля.

Характерные признаки ключевых слов:

- 1) соотнесенность с определенным политическим деятелем;
- 2) номинация актуальных понятий и явлений эпохи, находящихся в центре общественной дискуссии (т. е. в центре внимания СМИ);
- 3) высокая частотность употребления.

Основываясь на этих признаках, удастся провести идентификацию ключевых слов языковой личности политического деятеля. Сама процедура идентификации состоит из нескольких этапов: 1) составление выборки; 2) анализ основной проблематики выборки; 3) выделение слов и словосочетаний в составе лексико-семантических групп, отражающих основные политические проблемы; 4) определение доминантных «ключевых слов» каждой лексико-семантической группы в соответствии с тематическим признаком (центральное/ ядерное понятие группы) и критерием частотности; 6) систематизация выделенных «ключевых слов».

«Ключевые слова» определенным образом «этикетировать» дискурс языковой личности политического деятеля, т. е. свидетельствуют о наиболее актуальных событиях и явлениях периода деятельности политика, находившихся в центре общественной дискуссии, репрезентируют центры аттракции в общественном сознании исследуемого периода [5:7].

Как известно, одним из аспектов анализа языковой личности, в нашем случае, языковой личности политика, является речь, а именно, индивидуальный язык человека, в состав которого входит определенный набор слов, фраз, речевых оборотов, типичных для оратора. Так, например, речи Барака Обамы и Джорджа Буша являются преимущественно патриотическими, что доказывается высоким уровнем соотношения я/мы (I/we).

• У Джорджа Буша

“I want people to be able to understand...”

“I would like to be part of making that real history...”

“...I will forever be optimistic about our country.”

“We took on big issues.”

“We worked to extend freedom...”

“We removed threatening regimes in...” [12]

• В выступлениях Барака Обамы

“I’m announcing a new global effort...”

“I’m emphasizing such investment...”

“I’m committed to working with...”

“We will help Iraq train its...”

“We were founded upon...”

“We cannot impose peace.” [10]

Кроме того, часто употребляются всевозможные вариации имени страны, к примеру, “America”, “The United States of America”, “The United States”, “our Nation”, под которыми, как правило, подразумевается весь народ и правительство, функционирующие как одно целое, что показывают такие выражения как:

• в речах Джорджа Буша

“America *has never been united* by blood...”

“America *is compassionate*.”

“America’s *faith* in freedom...” [12]

• в выступлениях Барака Обамы

“America *can never tolerate*...”

“America *has* a dual responsibility...”

“...the United States *will partner with*...” [10]

В данном случае имеет место анимизация образа страны и присвоение ей черт, характерных для живого существа, в частности, человека.

Необходимо заметить, что чувство патриотизма оба оратора пытаются пробудить при помощи указаний на опыт и заслуги американских граждан и народа в целом, на преданность своей стране и ее идеологии. Политики обращают внимание аудитории на те качества, которые образуют определенную систему ценностей, позволяющую сформировать положительный образ граждан США: Например:

...they wanted to serve the United States of America, and they did a fabulous job... [23]

• ...willingness to sacrifice... [12]

• Americans have always held firm [12]

• ...every day I have been inspired by the greatness of our country and uplifted by the goodness of our people [12]

• Americans are generous and strong and decent [12]

- We honor them not only because they are guardians of our liberty, but because they embody the spirit of service; a willingness to find meaning in something greater than themselves. [10]

- With hope and virtue, let us brave once more...[10]

- We have the best universities, the most renowned scholars. We have innovative principals and passionate teachers and gifted students [10].

Тема патриотизма раскрывается при помощи употребления таких лексем, как: patriot, to sacrifice for, willingness to sacrifice, commitment to, make the ultimate sacrifice, to give life for, to serve, to fight for the country, to risk the life for, patriotism, spirit of patriotism. Оба политика уверены, что истинными патриотами являются те граждане, которые готовы пожертвовать своей жизнью во имя благополучия страны. Даже такие лексемы, как to fight и to risk («насилие» и «опасность для жизни»), имеющие изначально негативную окраску, в данном контексте несут мощный положительный посыл, позволяя ораторам достучаться до сознания людей и пробудить чувство веры в свою страну, дух патриотизма.

Еще одна общая особенность политического дискурса рассмотренных нами политических лидеров – тенденция к эмоциональности и экспрессивности речи. Так, например, в речах Барака Обамы встречаются такие выражения, как: “I believe.., I truly believe.., I’m convinced that.., I do have an unyielding belief.., I believe deeply.., I’m very proud to.., I appreciate.., I’m forever grateful for.., I fundamentally disagree.., ...I can, humbled by the task before us, and firm in my belief..., I care deeply...”, которые не только выражают чувства самого оратора, но и заставляют слушателя искренне верить его словам. Некоторые изречения, по сути, не выражают эмоций, как то: “I confess” или “I reject”, но будучи отнюдь не нейтральными, несут определенную эмоциональную окраску, что делает речь более экспрессивной. И даже такие выражения, как “I cannot guarantee...” не вызывают никаких сомнений в стремлениях президента, потому что в противовес сказанному Барак Обама использует “But I can promise...”, что указывает на уверенность оратора в своих будущих действиях.

Что касается выступлений Джорджа Буша, можно сказать, что они более пафосны и экспрессивны. Так, например, Джордж Буш пользуется такими единицами, как: “I appreciate.., I’m grateful to/for.., I (strongly) believe.., I’m confident.., I hope.., I will forever be optimistic about.., I will miss.., I was excited about.., ...I can’t tell you how much I love you.., I worry..., ...with a thankful heart.., The presidency was a joyous experience”. Такое неприкрытое выражение своих чувств оратором позволяет аудитории проникнуться неподдельным доверием к

нему, что Джордж Буш подкрепляет частым использованием вспомогательного глагола “will”, не только для указания временной отнесенности высказываний, но и для иллюстрации своих намерений и обещаний в сфере политической деятельности.

Таким образом, Джордж Буш и Барак Обама не просто передают информацию о событиях, людях или своей деятельности, но и воздействуют на чувственно-эмоциональную сферу слушателей, пытаясь вызвать ответную реакцию, привлечь их на свою сторону.

Тема «американской мечты» так же находит отражение в выступлениях Джорджа Буша и Барака Обамы. Оба оратора неустанно говорят об идеалах свободы и широких перспективах, основанных на вере в безграничные возможности США и их исключительное место в мире. В широком понимании, это любые американские ценности, от самых высоких до простой мечты американца о собственном доме.

Корпус лексики по этой теме в дискурсе рассматриваемых нами политиков представлен таким языковыми единицами, как:

- ...America's belief [12]
- ...Bill of Rights [12]
- ...an unfolding American promise that everyone belongs, that everyone deserves a chance, that no insignificant person was ever born [12]
- ...nation of justice and opportunity [12]
- ...America is a place where all things are possible... [10]
- ...provide opportunity to people... [10]
- ...the American Dream [10]
- ...all things are possible for all people [10].

Кроме того, в политическом дискурсе каждого из ораторов отражена тема веры в могущество своей страны, победы над трудностями. Каждый из президентов уверен в том, что их страна преодолит любые испытания (challenges), переживет тяжелые времена (time of great tension), но не потеряет свой высокий статус в мире:

- ...that we did not turn back nor did we falter [10]
- ...will never tire...never falter...and never fail [12]
- ...our best days lie ahead [10]
- ...I am confident that we will succeed [12]
- ...I still believe we can do great things... [10]
- ...Yes, we can [10].

В риторике Джорджа Буша и Барака Обамы отражается девиз Соединенных Штатов Америки “In God We Trust” («На Бога уповаем»). К тому же широко используются лексические единицы, характеризующие каждого из президентов, как людей религиозных. Так, в речах Барака Обамы можно встретить следующие языковые единицы,

иллюстрирующие тему веры в Бога: *unyielding faith, I believe deeply, responsibility to God, as a person of faith, God calls on us, I'm a Christian, my own Christian faith* – as a way to bring people closer to God. В выступлениях Джорджа Буша данная тема так же представлена определенным корпусом лексики: *a loving God, God moves and chooses as he wills, Creator, to pray, acts of God, I strongly believe there's an Almighty, gift of the Almighty*. В основе данной лексической группы в риторике последнего оратора лежит идея божественного предназначения Америки (*Manifest Destiny*), идея о том, что Америка призвана спасти мир (*the image of maker of heaven and Earth*). Поэтому для бывшего президента проводимая им внешняя политика, в том числе и в Ираке, – декламировалась как выполнение долга перед Богом, перед всем миром, перед своим народом и перед самим собой.

На основе проведенного нами анализа ключевых лексем, используемых Бараком Обамой и Джорджем Бушем в своих выступлениях, нам удалось дать характеристику отдельным личностным особенностям данных политиков, их деятельности на посту президента США, их социальному статусу и профессиональным навыкам.

Барак Обама предстает перед нами как опытный, харизматичный оратор, речь которого эмоциональна, грамотна и лаконична. Все речи Обамы построены на общих фразах, поэтому при повторном прочтении речи невозможно обнаружить какой-либо конкретики. Однако нам удалось заметить такие индивидуальные особенности его речи, которые характеризуют его как личность консервативных взглядов, личность религиозную, ярого сторонника демократии и борьбы с расовой дискриминацией. Барак Обама – президент, уверенный в силах своей страны и народа и собственных силах, президент, идущий по пути реформ.

Джордж Буш не является таким опытным оратором, как Обама, но речь его не менее содержательна и интересна. Так, речи этого политического деятеля экспрессивны, что характеризует его как личность импульсивную и эмоциональную. К сожалению, такое явление, как «бушизмы», говорит о недостаточной грамотности речи политика. Возможно, «бушизмы» служат средством привлечения внимания аудитории, либо политик просто пренебрегает лексико-стилистическими нормами языка. Тем не менее, выступления Джорджа Буша-младшего отражают основные направления его политики. Политический лидер пытается создать имидж уверенного защитника свободы своей страны, «простого техасского парня», непоколебимого сторонника демократии.

Таким образом, изучение языковой личности политика является интересным и богатым полем деятельности для современных исследователей.

дователей-лингвистов. Такие тенденции в развитии лингвистической науки дают возможность изучить особенности мировоззрения носителей различных языков, перспективы развития, особенности идеологии и общественно-правовой системы государств, что обеспечивает успешное установление контактов между представителями разных культур.

-
1. Виноградов В. В. Поэтика и риторика // В. В. Виноградов О языке художественной прозы: Избр. тр. М. : Наука, 1980. С. 98–175.
 2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград : Перемена, 2007.
 3. Воробьев В. В. Языковая личность и национальная идея // Народное образование. 2008. №5. С.25–30.
 4. Ейгер Г. В., Раппорт И. А. Язык и личность : учебное пособие. Харьков : Издательство ХГУ, 2001.
 5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
 6. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : автореф. канд. дисс... филол. наук. Воронеж, 2006.
 7. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Каузальный анализ политического текста // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1. Минск : Белгосуниверситет, 2008.
 8. Филатова И. Н. Проявление языковой личности политического деятеля в его речи // Языковая личность: проблемы статуса и формирования : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 12–13 апреля 2007. Воронеж, 2007.
 9. Филатова И. Н., Беркнер С. С. Характерные речевые особенности языковой личности Арнольда Шварцнегера // Актуальные проблемы германистики и романистики: Выпуск XI. Ч. II. Смоленск : Смоленский госуниверситет, 2007.
 10. URL: <http://obamaspeeches.com>
 11. URL: http://www.acis.vis.ru/8/2/2_3/Dementieva.htm
 12. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com>

Е. А. Филонов

**Как Диканька стала вселенной?
(О стратегии рамочного повествования в «Вечерах на хуторе...»
Н. В. Гоголя)**

УДК 80.1

В научной литературе, посвященной «Вечерам...» Н. В. Гоголя, сложилась традиция рассматривать мир Диканьки как некий мифопоэтический универсум. В статье предпринята попытка проследить, какие приемы на уровне повествования работают на выстраивание этого образа.

Ключевые слова: литературный текст, нарратив, смысл, образ

Evgeny Filonov. How did Dikanka become the Universe? (Study on a text within a text narrative strategy in N.V. Gogol's «Evenings on a Farm Near Dikanka»)

In studies on N.V. Gogol's «Evenings on a Farm Near Dikanka» represents a scholar tradition of understanding the world of Dikanka as a mythopoetic universe. This article contains an attempt of revealing narrative devices, helping to create this image. «Evenings on a Farm Near Dikanka»

Key words: fiction, narrative, meaning, image

В русском литературном процессе XIX в. творчество Н. В. Гоголя занимает место на рубеже «романтической» и «реалистической» эпох. Это пограничное положение на пересечении литературных парадигм обусловило и отдельные художественные задачи, стоявшие перед Гоголем, и общее направление внутренней эволюции творчества писателя. Одной из центральных для литературного процесса 1830-х–1840-х гг. проблем было создание большой повествовательной формы. Так, говоря о гоголевском творчестве, можно утверждать, что каждый следующий его текст (речь идет о циклах и сборниках) становился в какой-то мере новым шагом на пути к романной форме. Трансформации и движение гоголевского художественного мира от замкнутого романтического космоса «Вечеров на хуторе близ Диканьки» к грандиозному романному миру «Мертвых душ» не раз становились предметом внимания исследователей (в т.ч. таких классиков русского литературоведения, как В. В. Виноградов, Г. А. Гуковский, В. М. Маркович и др. (см.: [2; 5; 8] и др.)).

«Вечера на хуторе близ Диканьки» – отправная точка на пути Н. В. Гоголя к «роману». Этот текст возникает в рамках сложившейся в 20-е–30-е гг. XIX в. литературной традиции как романтический новеллистический цикл. Структурообразующей здесь является ситуация беседы: в рамочной новелле изображается разговор нескольких героев, остальные новеллы представлены как истории, рассказанные этими героями. Так, вся книга строится как большая «беседа», где каждая повесть – реплика одного из участников этой беседы.

Вопрос о роли прозаической циклизации в создании большой повествовательной формы не раз поднимался в научной литературе (см. [7; 12]). Особенность цикла как жанрово-композиционной формы состоит в том, что при полной самостоятельности входящих в него произведений (в данном случае повестей) между отдельными текстами устанавливаются связи, которые обнаруживают себя только на уровне целого (цикла), что открывает новые возможности интерпретации каждого из произведений, т. е. возможности дополнительного смыслового осложнения. Именно в поле действия этого «принципа единства», как кажется, начинается движение к большой повествовательной форме. Тем важнее понять, как осуществляется такое дополнительное смысловое осложнение текста именно на уровне повествования.

Решая эту задачу применительно к «Вечерам на хуторе...», стоит, как представляется, сосредоточиться на описании повествовательных стратегий, которые действуют в заменяющих рамочную новеллу предисловиях издателя.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу текста, стоит сказать о наиболее распространенной в научной литературе и ставшей уже традиционной интерпретации «Вечеров на хуторе...» как художественного целого. Межтекстовые связи повестей, возникающие на уровне цикла, рассматривались в работах, посвященных исследованию хронотопа, образной системы, стиля, мотивной организации «Вечеров» и т. п. (см. [3; 13; 9] и др.). Авторов этих исследований объединяет одна мысль: основой художественного единства первого гоголевского цикла стала воплотившаяся в его поэтике идея романтического универсализма. Межтекстовые связи повестей «Вечеров» работают на создание на уровне цикла такой модели мира, которую можно обозначить как некий мифопоэтический универсум, некий романтический космос.

Чем же характеризуется определяемый таким образом художественный мир? Две основные его особенности кажутся взаимоисключающими и образуют парадоксальную характеристику: мир Диканьки, с одной стороны, замкнут и ограничен, с другой – бесконечен, т. е. безграничен.

Так, например, действие каждой повести более или менее конкретно локализовано во времени и пространстве, однако на уровне цикла эта конкретность теряется. Повествование охватывает события, относящиеся к разным историческим эпохам – от XV в. до начала XIX в. Но, читая повести одну за другой, легко заметить, что эта историческая отнесенность весьма условна: действие не «привязано» к исторической эпохе, не обуславливается ее особенностями, но разворачивается как бы в некоем внеисторическом неопределенном времени, в «мифологическом безвремени». То же можно сказать и о месте действия. С одной стороны, оно вполне конкретно: это хутор, ярмарка, сечь и т. д. В то же время конкретные пространственные границы размываются: герои спускаются в преисподнюю («Пропавшая грамота»), поднимаются в небо («Ночь перед Рождеством») – местом действия становится вся вселенная. Так модель замкнутого и одновременно бесконечного мира-космоса реализуется на хронотопическом уровне. Можно привести множество других примеров, касающихся мотивики, стиля и т. п., здесь же предметом же рассмотрения должен стать уровень повествования.

Как взаимоисключающие характеристики – ограниченность и бесконечность – сообщаются художественному миру в повествовании? Какие механизмы смыслообразования, направленные на создание образа мифопоэтической вселенной, действуют на уровне наррации и ее презентации? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратиться к предисловиям издателя.

Следует вспомнить, что в рамках структуралистского понимания нарративности одной из важнейших для анализа повествования категорий является категория события. Событийность же в свою очередь связывается с понятием границы. Хотя данное Ю. М. Лотманом классическое определение события как «пересечения границы семантического поля» [6:224] в настоящее время уже не абсолютизируется (см. [11]), понятие границы сохраняет свое значение при изучении повествования.

В предисловии издателя к первой части «Вечеров на хуторе...» устанавливается важнейшая для всего цикла граница – это оппозиция «Диканька – Петербург». Обращаясь к своему читателю, Рудый Панько как бы заранее ожидает скептической реакции образованного жителя столицы на книжку сказок, которую «швырнул в свет какой-то пасечник» [4:69]. В шутливо-ироническом тоне Рудый Панько ведет свою беседу с читателем: противопоставляя Диканьку большому свету и всячески подчеркивая их непохожесть, издатель старается как можно отчетливее разграничить свой мир и мир своего предполагаемого читателя.

Таким образом, оппозиция «Диканька – Петербург» выступает здесь как рубеж, разделяющий мировое пространство на «свое» и «чужое». Она задает границы повествуемого мира и тем самым определяет его бытийный статус: Диканька может существовать и существует постольку, поскольку она не Петербург. В дальнейшем ходе повествования граница между этими двумя мирами не пересекается – ее необходимость в том, чтобы быть установленной, а не пересеченной. Рассматривая рубеж своего и чужого пространства в мифопоэтическом аспекте, можно интерпретировать его как первооснову преобразования хаоса в космос.

Так художественный мир Диканьки получает одну из своих характеристик – замкнутость, ограниченность. Но каким образом отграниченный от вселенной мир Диканьки сам превращается во вселенную? Куда девается мир столицы, образованного читателя из большого света? Почему весь мир «сжимается» до Диканьки, а Диканька расширяется до бесконечности?

Такой художественный эффект – впечатление бесконечности повествуемого мира, превращение его в космос, в художественный универсум — оказывается возможным лишь при «нивелировании» установленной в первом предисловии издателя внешней границы «своего» пространства, мира Диканьки. В ходе повествования эта граница как бы выходит из поля зрения нарратора: она ему больше не нужна, так как она уже выполнила свою «задачу» – обосновала бытие повествуемого мира.

Попробуем проследить, как происходит это «нивелирование» заявленной изначально оппозиции. В первом предисловии граница, делящая мир на свой и чужой, ощущается отчетливо: свой мир – пространство Диканьки, к нему принадлежат рассказчики и хозяин вечерниц Рудый Панько; чужой мир – столица с ее непонятными пасечнику обычаями, и к этому чужому миру принадлежит и читатель. Таким образом, персонифицированный читатель – адресат Рудого Панька – представляет внешнюю точку зрения на мир, в котором находятся и о котором говорят рассказчики. Но уже в предисловии ко второй части цикла «издатель» не чувствует никакой неловкости, «обсуждая» с читателем, например, вопрос о засолке яблок.

«...Разговорились об том, как нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что нужно наперед хорошенько вымыть яблоки, потом намочить в квасу, а потом уже... “Ничего из этого не будет! – подхватил полтавец, заложивши руку в гороховый кафтан свой и прошедши важным шагом по комнате, – ничего не будет! Прежде всего нужно пересыпать канупером, а потом уже...” Ну, я на вас ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совести, слышали

ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером?» [4:145–146].

Кажется, что нет никакой дистанции между повествователем и персонифицированным читателем; кажется, что не только рассказчики, но и читатели, принадлежность которых к «большому свету» здесь уже не акцентируется, «входят» в мир Диканьки. Таким образом, создается впечатление, что не существует такой позиции (в плане пространственно-временном или в плане психологии / идеологии), занимающая которую, можно иметь внешнюю по отношению к этому миру точку зрения. Этот мир вбирает в себя всё и начинает восприниматься как вселенная.

Рассматриваемая ситуация является следствием игры с уровнями повествовательной организации текста. Для описания этой нарративной игры удобно было бы использовать ряд понятий, введенных М. М. Бахтиным в рамках его концепции архитектоники эстетического объекта [1; 10]. Это, в частности, понятие *эстетического акта*, используемое М. М. Бахтиным для обозначения акта взаимодействия содержания и формы, в котором и рождается произведение искусства. Эстетический акт – это установление *эстетической границы*, т. е. границы, отделяющей искусство от реальной действительности.

В «Вечерах на хуторе...» использована рамочная конструкция: издатель изображает рассказчиков, которые в свою очередь изображают героев. Таким образом, здесь возникает ситуация удвоения эстетического акта. Помимо реальной эстетической границы (отделяющей мир гоголевского произведения, от действительности, в которой находимся мы как его читатели) в «Вечерах» имеется также фиктивная эстетическая граница. Она отделяет художественную действительность одного уровня (ту, в которой находится Рудый Панько и его гости-рассказчики повестей) от художественной же действительности другого уровня (той, в которой находятся герои повестей).

Сопоставив гоголевский цикл с другими текстами, использующими подобную рамочную конструкцию (например, с пушкинскими «Повестями Белкина»), легко заметить особенность «Вечеров на хуторе...»: у Гоголя фиктивная эстетическая граница оказывается подвижной. И динамика ее связана с неоднозначностью статуса издателя как нарративной инстанции.

«Издатель» или собиратель повестей занимает как бы промежуточное положение между абстрактным автором и рассказчиками отдельных новелл. Пушкинский Белкин, собирая в книгу истории, услышанные им от разных лиц, дает некое промежуточное обобщение, при этом его знание о жизни, его взгляд на действительность оказывается шире, чем у каждого из рассказчиков. Тем не менее, он сам –

фигура изображаемая, поэтому на уровне абстрактного автора возникает еще более широкое обобщение. Смысл всего текста, таким образом, превосходит содержание сознания «издателя» как собирателя повестей. Этим и определяется статус «рамочного» повествователя в отношении к повествуемому миру и к читателю.

В «Вечерах на хуторе...» возникает совершенно иная ситуация: статус Рудого Панька в повествовании постоянно колеблется: с одной стороны, он может быть подчинен законам изображаемой действительности, подобно своим гостям – сельскому дьячку, полтавскому паничу и др., о которых он повествует; с другой стороны, он может оказаться и над своими героями, вне всяких законов, которые их связывают.

Так, характеристики, даваемые Рудым Паньком петербургским балам и диканьским вечерницам, отдельным рассказчикам и их «сказкам», изобилуют яркой оценочностью. Эти оценки обнаруживают «вписанность» повествователя в повествуемый мир: он не остается безразличным к границе, разделяющей мировое пространство на свое и чужое, следовательно, он подвластен главному закону этого мира. В этом он приближается по своему статусу к рассказчикам. С другой стороны, в предисловии ко второй части цикла он подчеркнуто отказывается от какого-либо обобщения (которое – вспомним пушкинского Белкина – должен дать издатель-собиратель повестей): «Я, помнится, обещал вам, что в этой книжке будет и моя сказка. И точно, хотел было это сделать... Думал было особо напечатать ее, но передумал» [4:146]. Отказываясь от собственного слова, от какого-либо обобщающего взгляда на мир, рамочный повествователь в «Вечерах» претендует на то, чтобы «уравнять» свое сознание со смыслом всего текста. Т. е. создается иллюзия приближения этого нарратора к уровню абстрактного автора.

Неоднозначным оказывается статус издателя и в его отношении к читателю. Имплицитный читатель, находящийся на том же уровне организации текста, что и абстрактный автор, естественно, занимает внешнюю по отношению к повествуемому миру позицию. Адресат же каждого из рассказчиков – такой же участник вечерниц, как и они, – находится внутри повествуемого мира, мира Диканьки. Рудый же Панько, адресуясь к читателю, видит в нем то представителя «большого света», то будто бы своего односельчанина, который не хуже него разбирается в засолке яблок и т. п. Таким образом, и коммуникативный план, связанный с фигурой издателя, оказывается динамичным.

Пользуясь бахтинскими понятиями, можно определить эту особенность нарративной организации «Вечеров на хуторе...» как под-

вижность фиктивной эстетической границы. Наличие фигуры издателя создает ситуацию удвоения эстетического акта, но гоголевский текст постоянно стремится как бы «замаскировать» эту структурную особенность. Благодаря этому и появляется возможность одновременно сообщить повествуемому миру противоположные характеристики – замкнутость и безграничность.

Когда необходимо обосновать бытие повествуемого мира, фиктивная эстетическая граница текста как бы «отодвигается» от реальной, впуская в его повествовательную ткань «внешний» мир в лице персонифицированного читателя, принадлежащего к большому свету и, следовательно, занимающего внешнюю по отношению к изображаемому миру позицию. Когда же повествуемый мир должен стать художественной вселенной, фиктивная эстетическая граница текста максимально приближается к реальной. «Издатель» получает максимально широкую компетенцию и стремится отождествить себя с автором – для персонифицированного читателя в структуре повествования не остается места. Таким образом, возможность внешней точки зрения на этот мир существует только в плане имплицитного читателя.

Изложенные наблюдения над структурой повествования «Вечеров на хуторе...» можно резюмировать следующим образом. Действующая в рамочном повествовании стратегия – представить повествуемый мир как романтическую мифопоэтическую вселенную – осуществляется в «колебаниях» фиктивной эстетической границы.

Динамичная фиктивная эстетическая граница становится в гоголевском творчестве одним из важнейших повествовательных приемов. В «Вечерах на хуторе...» отнюдь не исчерпывается ее смысловой потенциал. Она является важным структурным элементом повествовательной организации «Миргорода» и «Петербургских повестей», и с ее трансформациями связана во многом та эволюция нарративной системы Гоголя, которая привела, в конечном счете, к созданию большой повествовательной формы – в «Мертвых душах».

1. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // М. М. Бахтин Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

2. Виноградов В. В. Гоголь и натуральная школа // В. В. Виноградов Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.

3. Виролайнен М. Н. Замкнутый мир // М. Н. Виролайнен Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.

4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. / отв. ред. Ю. В. Манн. Т. 1. М. : Наука; ИМЛИ РАН, 2003. Далее в скобках ссылки на это издание.
5. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Ю. М. Лотман Об искусстве. СПб., 2005.
7. Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX в. СПб., 1999.
8. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., 1989.
9. Новак О. С. Художественное пространство в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Историко-литературный сборник. Тверь, 1999.
10. Рымарь Н. Т. Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство / не искусство» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». № 1 (4). Самара, 2006.
11. Событие и событийность : сб. ст. / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. М., 2010.
12. Шрага Е. А. Прозаическая циклизация и ее роль в русском литературном процессе 1820-х–1830-х гг. : дисс... канд. филол. наук. СПб., 2009.
13. Янушкевич А. С. Особенности композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Мастерство писателя и проблемы жанра. Томск, 1975.

Ю. П. Шабает

Данные переписей как инструмент формирования дискурса о культурном апокалипсисе

УДК 572.2

В статье анализируются результаты переписей населения как основы для формирования социально-культурных представлений. Эти представления в сознании масс могут носить дополнительные социально-психологические коннотации.

Ключевые слова: демографические данные, социальное сознание, интерпретации.

Ju. Shabaev. Census data as a tool for the formation of discourse about cultural apocalipse

The paper analyzes the results of population census as the basis for the formation of social and cultural beliefs. These representations in the minds of the masses may be additional social and psychological connotations.

Key words: demographics, social consciousness, interpretation could.

В ноябре 2011 г. были обнародованы общие итоги Всероссийской переписи населения 2010, в том числе и данные об этническом составе населения страны. Итоги переписи сразу привлекли к себе внимание общественности, и их обсуждение активно продолжается, в частности, в регионах, которые теперь весьма часто называют «финно-угорскими».

Результаты двух предыдущих переписей, показавших усложнение ситуации среди финно-угров России, вызывали неоднозначную реакцию как среди специалистов, так и среди активистов различных этнических организаций. Нередко эти результаты пытались политизировать и таким образом цифры становились не инструментом учета, а инструментом политического давления.

Главная идея тех, кто понимает этническую идентичность как жесткую «привязку» личности к группе и считает культурный диктат группы над личностью вполне «естественным» заключается в том, что данные переписей свидетельствуют о «вымирании» российских финно-

угров. Причем понимание этничности «как примордиальной сущности определенной биологически» [17:56] близка не только сторонникам этнического национализма, но и некоторым европейскими *демократическим* институтам. Первая попытка «практического» применения ими названного подхода была предпринята еще в 1998 г., когда по инициативе депутата Европарламента от Финляндии Тютти Исохоокана-Асунмаа в комитете по культуре Евросовета был заслушан доклад о мерах, гарантирующих сохранение своеобразия финно-угорских меньшинств, а Парламентская Ассамблея разработала резолюцию 1171, касающуюся уральских (т. е. финно-угорских и самодийских) культурных меньшинств «подверженных вымиранию» [14]. В адрес России поступила рекомендация предпринять меры для сохранения и развития языка и культуры финно-угорских меньшинств, усилить внимание государственных институтов к нуждам этих народов.

Следующей важной вехой в презентации сценария «вымирания» российских финно-угров стало выступление с пленарным докладом на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов, прошедшем в августе 2004 г. в Таллине, видного венгерского лингвиста Яноша Пустаи. Он призвал обратить внимание на значительное сокращение численности многих уральских народов и сделал прогноз, согласно которому в 2093 году общий численный состав этих народов сократится вдвое. Причем сам факт изменения численности им расценивался не как следствие культурных взаимодействий, а как некий «культурный апокалипсис». Этот изначальный посыл повлек за собой и целую серию других сомнительных умозаключений [8]. Предложения ученого сводились к необходимости тотальной этнизации всего культурного пространства тех регионов, где проживают российские финно-угры, но где при этом они не являются большинством населения и где исторически сформировались сложные поликультурные сообщества. Структуру отношений в местных сообществах ученый выносил как бы «за скобки» своих рассуждений и потому его предложения представляли как совершенно утопичные. Тем не менее доклад Пустаи стал своеобразным политическим манифестом для некоторых активистов этнических движений финно-угров как в зарубежной Европе, так и в России.

Именно после конгресса в Таллине начала разворачиваться кампания «по защите прав уральских меньшинств». Инициаторами этой кампании выступили эстонские политики. Их усилиями было принято «Обращения в поддержку марийского народа» [18], поводом для которого послужило криминальное нападение на одного из активистов марийского движения. Интергруппа Европарламента, занимающаяся вопросами национальных меньшинств, 10 марта 2005 г. обсудила вопрос «о положении марийского народа в России» и приняла решение под-

нять этот вопрос на переговорах с делегацией российских парламентариев. Еще ранее Европарламент поручил подготовку специального доклада по положению уральских народов в России депутату от Эстонии Катрин Сакс, которая в свое время занимала пост министра по делам народонаселения своей страны, но не являлась специалистом по проблемам меньшинств. В связи с развернувшейся кампанией в поддержку финно-угорских народов в России, работа над данным докладом была активизирована. Осенью 2006 г. данный доклад был представлен в Комитет по культуре, науке и образованию ПАСЕ под наименованием Doc. 11087, Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples [17]. По существу в докладе развивались идеи Я. Пустаи. Основной смысл доклада состоял в том, чтобы показать: ситуация с положением финно-угорских народов России «значительно ухудшилась», ибо их численность сокращается. Сокращение численности вкупе с другими культурными изменениями, происходящими в культурном облике народов уральской языковой семьи, служили «доказательством» неэффективности федеральной и региональной политики в РФ. На этой основе обосновывалась необходимость тотальной этнизации культурной жизни в регионах проживания финно-угров.

К названному докладу экспертами было высказано множество претензий, но главная из них состоит в том, что его авторы не принимали во внимание наличие сложных культурных сообществ в регионах проживания финно-угров, фактически отрицали право граждан на культурную свободу (ибо личность в докладе рассматривалась как «заложник» неких высших культурных интересов).

Сегодня очевидно, что сугубо арифметический подход к анализу культурной и языковой ситуации в сложных сообществах приводит не к прояснению ситуации, а наоборот, запутывает ее. При «арифметическом» подходе сугубо приватные вопросы культурного выбора и культурных предпочтений трансформируются в политические дебаты, логика которых неумолимо приводит стороны к взаимным обвинениям в ассимиляторстве и националистических гонениях.

Обнародованные результаты новой переписи населения активно обсуждают в регионах, причем сведения о финно-уграх опять оценивают именно в терминах «вымирания», «ассимиляции», «исчезновения». Правда, в официальной прессе обсуждение общих итогов переписи в первое время носило характер обычной констатации демографических перемен, но в интернет-пространстве палитра драматических умозаключений варьируется от сдержанно-пессимистичных комментариев [3], до выдвижения идеи «последнего рубежа» и постановки в связи с этим новых целей перед этнонациональными движениями и предстоящими эт-

ническими съездами [19]. Показателен в этом отношении круглый стол, который организовало перед предстоящим X съездом коми народа общественное движение «Коми войтыр» и на который не могла не откликнуться официальная пресса. Издание Правительства и Государственного Совета Коми газета «Республика» так описывала ключевую идею дискуссий: «Гром грянул весной прошлого года. Впервые за всю историю республики общеобразовательные школы закончили всего 300 с небольшим выпускников, прошедших курс обучения коми языку как родному. Рекордно низкое количество молодых людей со знанием коми языка в объеме средней школы вскоре нашло своеобразное подтверждение в итогах последней всероссийской переписи. За небольшой отрезок времени, разделяющий эту перепись от аналогичной, прошедшей в 2002 году, коми недосчитались почти 60 тысяч человек. Эти две цифры для достаточно небольшого по численности народа можно смело назвать катастрофическими» [19]. Примерно аналогичные мнения высказывались и о культурных процессах среди удмуртов. Так, в одном из интернет-комментариев по поводу итогов переписи утверждалось, что «...нынешнее поколение может стать свидетелем исчезновения удмуртов» [4]. При этом нередко более показательны не столько сами размещенные в сети материалы, сколько многочисленные комментарии к ним пользователей.

Однако результаты очередной переписи показывают лишь то, что ослабевает «культурный диктат групп», что люди все более свободно выбирают себе культурные ценности, включая язык и культурную идентичность. Данные переписи свидетельствуют об изменении отношения населения, особенно молодежи, к категории этнической принадлежности («национальности»). Об этом же свидетельствуют и результаты массовых опросов населения разных регионов страны. К примеру, материалы нашего опроса, проведенного в марте 2010 г. в Сыктывкаре, Архангельске и Мурманске показали, что национальная принадлежность «очень важна» для 33,9% респондентов в Архангельске, 13,8 % – в Мурманске и 29,1 % – в Сыктывкаре. Соответственно «совсем не важна» она для 14,9 % опрошенных жителей Архангельска, 15,1 % – опрошенных в Мурманске и 14,7 % – в Сыктывкаре. Наибольшая доля (соответственно 49,2 %; 68,1 % и 51,7 %) указали, что помнят о своей этнической принадлежности, но не считают, что она «имеет особое значение», поскольку «важнее личные качества человека, а не его национальность». Различия в оценках значимости этничности в зависимости от принадлежности респондентов к той или иной этнической группе не были значительными.

Цифровые данные, зафиксированные советскими и современными переписями, показывают сложную картину изменения численного со-

става разных народов уральской языковой семьи. Однонаправленной динамики в демографическом развитии уральцев никогда не наблюдалось. Однако условно можно говорить о наличии двух типов изменений численного состава. Для иллюстрации приведем таблицу, в которой представлены доступные данные о финно-уграх по переписям с 1926 по 2010 гг.

В период с 1926 по 1979 гг., которые в России признаются благополучными в демографическом отношении (годы сталинских репрессий, военные потери тут выносятся как бы за скобки), численность венгров и коми-пермяков колебалась; численность марийцев, коми, удмуртов стабильно росла; численность саамов и манси оставалась стабильной; численность мордвы и карел последовательно сокращалась. Очевидно, что не только собственно демографические факторы (соотношение полов, состав возрастных когорт, показатели рождаемости и смертности) оказывали влияние на численный рост или его снижение, но в большей мере влияние оказывали социально-экономические и культурные факторы. В Коми автономном округе в 1933–1934 гг. и затем в 1936–1937 гг. сокращение численности было вызвано голодом, который в свою очередь стал следствием политики тотальной коллективизации [9]. Для демографического развития вепсов решающую роль играл дисперсный характер их расселения и повсеместное соседство вепских сел с русскими. Резкое сокращение численности ижорцев объясняется особенностями их культурного позиционирования. Наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание – «русские» (“venäläiset”, “venalaizet”) первоначально представляло собой политоним (принадлежность к Русскому государству), а впоследствии превратилось в конфессионим («русские» как носители православной религии), что было важно для культурного позиционирования при проживании на одной территории с финнами-лютеранами (ингерманландцами) [16]. Не случайно в 1930-е гг. ижорская интеллигенция дружно отвергла идею политики «ижоризации». Иными словами, в каждом конкретном случае действовали далеко не только демографические, но в разной пропорции также социально-экономические и культурные факторы.

Таблица 1

Численность финно-угорских народов в России по данным переписей населения 1926–2010 гг.

	1926	1937	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
бесермяне	10035	-	-	-	-	-	-	3122	2201
венгры	-	-	-	-	6681	4313	5742	3768	2781
вепсы	32784	29585	31449	16170	8057	7550	12142	8240	5936
водь	705	-	-	230	-	-	-	73	64
ижорцы	16136	8565	-	1100	561	449	-	327	266
карелы	248030	231464	249855	164050	141148	133182	124921	93344	60815
коми	375740	380464	415173	201018	315347	320078	336309	293406	228235
коми-ижемцы	-	-	-	-	-	-	-	15607	6420
коми-пермяки	149448	121082	-	143030	150244	145993	147269	125235	94456
манси	5754	6138	-	6318	7609	7434	8279	11432	12269
марийцы	428001	398525	476382	498066	581082	599637	643698	604298	547605
горные марийцы	-	-	-	-	-	-	-	18515	23559
лугово-восточные марийцы	-	-	-	-	-	-	-	56119	218
мордва	1307415	1214189	1376338	1211105	1177492	1111075	1072939	843350	744237
мокша	-	-	-	-	-	-	-	49624	4767
эрзя	-	-	-	-	-	-	-	84407	57008
саамы	171	1828	-	1760	1836	1775	1835	1991	1771
удмурты	504010	563404	600005	482057	678393	685718	714833	636906	552299
финны	-	135643	-	72356	62307	55687	47102	34050	20267
ингерманландцы	114831	-	-	-	-	-	-	314	441
ханты	22306	22801	-	19246	21007	20743	22283	28678	30943
эстонцы	154666	89529	-	-	62980	55539	46390	28113	17875
сету	-	-	-	-	-	-	-	197	214

Источник: База данных Института этнологии и антропологии РАН (Москва).

Наибольший интерес представляет анализ динамики численности финно-угров на основании данных последних трех переписей населения. Помимо сугубо научного интереса, оценка изменений в численном составе финно-угорских народов имеет и политическое значение, поскольку, как мы уже подчеркивали, не прекращаются попытки представить снижение численности отдельных народов как результат некой

общей целенаправленной государственной политики, которую традиционно называют «русификацией».

Если оценивать изменения арифметических величин от переписи к переписи, то очевидно сокращение численности финно-угров. Важно, однако, осуществить не столько простой анализ изменений численности, но уделить внимание структурным изменениям. Во-первых, предыдущая перепись (2002 г.) зафиксировала «появление» целого ряда «новых» этнонимов. Фактически же речь шла об актуализации тех субэтнических наименований, которые прежде были широко распространены, но в советскую эпоху в силу разных причин, в том числе в силу заявлений специалистов-этнографов о завершении процессов культурной консолидации среди народов СССР, не использовались в публичной сфере. Однако начиная с 1990-х гг. происходит не только актуализация целого ряда субэтнических наименований, но в них начинают вкладывать и новый смысл. К примеру, наиболее радикальные активисты ижемского, горномарийского, эрзянского движения стали утверждать, что ижемцев, горных марийцев и эрзян вообще следует считать самостоятельными народами. Что касается бесермян, то тут случай особый и ясных объяснений их культурной принадлежности нет даже у специалистов, в результате чего еще в 1992 г. Верховный Совет Удмуртии принял специальное постановление «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», согласно которому бесермяне обрели статус отдельного народа [11;13].

При этом следует заметить, что названные процессы реидентификации приобрели значительные масштабы [20], и это позволило нам в свое время заявить об углубляющемся *процессе этнической фрагментации* среди финно-угров [19]. Результаты переписи–2010 не подтвердили ранее высказанное предположение. Процесс фрагментации не только не получил развития, но, видимо, начинает усиливаться внутри-этническая интеграция и гомогенизация. Так, доля тех, кто заявил о себе как о луговых марийцах или о мордве-мокше, сократилась беспрецедентно (в десятки раз), почти втрое сократилось число лиц, желающих именоваться коми-ижемцами (сказалась отчасти, конечно, и кампания «запишись коми», проводившаяся накануне переписи), на треть сократилось число бесермян. Устойчивой локальной идентичностью, однако, все еще является горномарийская и эрзянская, причем если число тех, кто идентифицирует себя как горных марийцев заметно возросло, то число эрзян столь же заметно сократилось.

Предыдущая перепись зафиксировала снижение доли горожан среди целого ряда финно-угорских народов, что позволило заявить нам о начале *процесса деурбанизации* финно-угров [19]. Мы полагали, что го-

родские сообщества финно-угров подвергаются усиленной аккультурации и ассимиляции, а потому и далее неизбежно их динамичное сокращение, в то время как сельские сообщества будут относительно стабильны и потому их вес в общей социальной структуре финно-угорских сообществ станет возрастать. Но ситуация оказалась более сложной. Сельские сообщества продолжали ускоренно сокращаться, и в этом процессе существенную роль играет то, что на селе более старое население и существенно выше естественная убыль населения, что продолжается активный процесс миграции сельской молодежи в города. В результате устойчивость сельских сообществ была несколько переоценена, но и темпы ассимиляционных процессов в городах оказались, видимо, ниже, чем мы ожидали. Более того, очевидно, что масштабы миграции финно-угров в города оказались достаточно высокими в последние годы. Во всяком случае, миграция была значительно выше, чем в 1990-е гг., что и позволило миграционному притоку компенсировать потери от ассимиляции. По данным переписи населения 2010 года, доля горожан среди коми-пермяков, коми, мордвы, марийцев, карел заметно увеличилась. Сокращение доли горожан произошло лишь у удмуртов, что, вероятно, связано с меньшей миграционной подвижностью удмуртской сельской молодежи.

Вообще мнение о том, что финно-угорские народы – это преимущественно сельские сообщества, вероятно, уже давно не соответствует реальному положению дел, ибо большинство вепсов, карел, води, мордвы, финнов, манси – это горожане, а у многих других уральских народов доля горожан близка к половине всех членов этнической группы. При этом в городах повсеместно финно-угры составляют меньшинство, а потому сам выбор брачных партнеров, дружеского окружения происходит в значительной мере вне «своей» группы. Это, безусловно, усиливает ассимиляционное «давление» на городские части названных народов.

Кроме того, в силу неизбежных интенсивных контактов с представителями других этнических групп, собственная этничность (если она не носит статусный характер) перестает восприниматься как важный культурный маркер. Таким образом, превращение финно-угров в городские сообщества, очевидно, усиливает ассимиляционные тренды среди них, но в еще большей мере – меняет личные стратегии идентификационного выбора, которые становятся множественными и более гибкими. Перепись такие перемены отразить не способна, и получается огрубленная картина «ассимиляции».

Отказ при переписи (или соцопросе) человека от отождествления себя с этнической группой отнюдь не всегда позволяет говорить об этнической ассимиляции. Тот факт, что между двумя последними переписными кампаниями вчетверо увеличилось количество лиц, не указав-

ших свою этническую принадлежность, [2] свидетельствует не только о не всегда качественной работе переписчиков, но и отражает определенные изменения в культурном позиционировании россиян. Происходит серьезная переоценка отношений к категории «этническая принадлежность» (в переписи – «национальность»). Если для старшего поколения эта категория существенно важна, то для молодежи она менее значима, но при этом возрастает значение гражданской идентичности [7] и всякой другой идентичности. Более того, есть основания говорить о значительном идентификационном сдвиге в культурных ориентациях россиян. Данные исследований показывают, что общероссийская гражданская идентичность становится все более весомой персональной характеристикой [15], которая успешно сосуществует вместе с этнической идентичностью. А поскольку гражданская идентичность ассоциируется (пусть даже косвенно) с этническим большинством страны, постольку между общероссийской гражданской и русской этнической идентичностью представители меньшинств не видят значительной разницы. Поэтому «отказываясь» от этнической идентичности в пользу гражданской представитель того или иного этнического меньшинства маркирует себя как россиянина, называя себя русским.

Складывается новая тенденция, когда свобода культурного выбора, включая характер культурной идентификации, позволяет личности быть более свободной от давления группы и в значительной мере самой определять свои предпочтения.

Очевидно, что у финно-угорских народов, как и у многих других народов страны, имеют место потери населения в результате низкого уровня демографического воспроизводства, но потери в их численности нельзя объяснить только низким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности. Как следует из вышеприведенных рассуждений, существенны потери, которые мы прежде называли ассимиляционными потерями. Однако, на наш взгляд, сегодня эти потери корректнее и правильнее будет назвать признаками усложнения процесса идентификации. Одно из прав личности – право на культурную свободу, поэтому если человек в данном месте и в данное время решил определить свою этническую идентичность тем или иным способом, отличным от того, как он это делал раньше, он всего лишь реализовал свое право на культурную свободу. И в этой связи говорить об ассимиляции, которая ассоциируется с культурной анигиляцией, вряд ли разумно.

Применительно к современной ситуации это неразумно вдвойне, ибо в последние годы осуществляется огромное количество мероприятий, которые направлены на поддержку финно-угорских культур и языков, на проведение различных пропагандистских акций. Создан Феде-

ральный финно-угорский центр в Сыктывкаре и Поволжский финно-угорский центр в Саранске, издаются новые журналы, проводятся фольклорные и театральные финно-угорские фестивали, создаются телепрограммы и специализированные финно-угорские интернет-ресурсы и т. д. Но в условиях культурного плюрализма значительная часть финно-угров все же склонна к смене этнического самосознания, что и продемонстрировали результаты последних переписей. Означает ли это, что все культурные инициативы последних лет были напрасными? Нет, конечно. В конце концов важны не формальные различия – кто русский, а кто коми, а общественная потребность в культурных образцах. И эта потребность сохраняется.

Вопрос, который логично вытекает из вышесказанного и который еще не раз будет звучать в публичном дискурсе: насколько «ухудшилась» ситуация с финно-угорскими народами РФ? Ситуация изменилась – это очевидно, но оценивать ее только со знаком плюс или только со знаком минус не имеет смысла. Меняются не только культурные ориентации людей (перепись частично улавливает эти процессы), но и растет широта диапазона культурных предпочтений. Перепись отражает, какой выбор на данном этапе предпочтителен для людей. Более того, изменения в культурных ориентациях вполне закономерны. При этом важно заметить, что нынешние изменения являются вполне логичным продолжением ранее отмеченных культурных процессов. В этом смысле полезно сослаться на вывод, к которому в свое время пришел известный финский социолог Сеппо Лаллукка: «История подтверждает, что восточно-финским народам присущи как ассимиляционные, так и плюралистические ценности и стремления. Так, с одной стороны, большое число их представителей более или менее сознательно восприняли обрусение как свою цель, т. е. они желают абсорбироваться в большое общество, хотят, чтобы к ним относились просто как к индивидам. Устремленная таким образом на ассимиляцию группа людей хочет быть полностью воспринятой доминирующей группой с последующим слиянием в большое общество. С другой стороны, имели и продолжают иметь место и стремления к этническому возрождению» [6:304].

Сегодня, однако, уже достаточно очевидно, что среди финно-угров усиливаются, во-первых, интеграционистские устремления, а во-вторых, как показывают данные социологических исследований [15], все большее влияние начинают оказывать ориентации на гражданскую общероссийскую идентичность, которая сосуществует с этнической как еще один способ культурного позиционирования личности. Кроме того, стало еще более очевидна условность этнических категорий, поскольку столь значительные колебания сначала в пользу этнолокальных определителей в 2002 г., а затем в 2010 г. масштабный отказ от них значитель-

ных групп населения демонстрируют пластичность этих категорий, как и в целом самой категории «этническая принадлежность». Впрочем, поскольку культурные ориентации достаточно изменчивы, нельзя исключать в будущем новых флуктуаций и возвратных тенденций. В частности, об этом свидетельствует ситуация в Мордовии, где во время переписи 2010 г. 65 тыс. русских записались мордвинами [12].

Конечно, результаты переписи–2010 надо будет еще анализировать более детально, и наши выводы являются довольно общими и предварительными, но очевидно, что расценивать свободный культурный выбор огромного числа людей как свидетельство «вымирания» народов никак нельзя, хотя попытки трактовать результаты переписи именно так, скорее всего, будут предприниматься и далее.

-
1. Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples/ Report Committee on Culture, Science and Education. Rewporter: Mrs. Katrin SAKS, Estonia, Socialist Group. URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link:/Documents/WorkingDocs/Doc06/EDOC 11087.htm>
 2. Вот какие мы – россияне // Российская газета. 2011. 22 декабря.
 3. Итоги переписи–2010: Куда делись удмурты? URL: http://shukowwt.ucoz.ru/pub/itogi_perepisi_2010_kuda_delis_udmurty/1-1-0-9
 4. Итоги переписи–2010: резкое сокращение финских народов, обские угры и ненцы процветают. URL: <http://finugor.ru/node/22478>
 5. Крюков А. В. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. №10.
 6. Лаллукка Сеппо Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. Изд. перераб. и доп. СПб., 1997.
 7. Миронова Н. П. Этническое самосознание современной молодежи Республики Коми (на примере студентов г. Сыктывкара) : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2011.
 8. На IV Всемирном конгрессе выражают беспокойство о будущем финно-угорских народов. Пресс-релиз // Эрзянь мастор. 2004. 25 августа.
 9. Никитин С. П. Размышления перед съездом народа мари. Ч. 2. URL: <http://mariuver.wordpress.com/2012/01/14/pered-sjezdom-2/>
 10. Ничиперович А. Размытые корни // Миян шог. Наша боль. Кудымкар, 1990.
 11. О бесермянах. Сборник статей. Ижевск, 1997; Попова Е. В. Бесермяне: проблемы статистического учета // Этнологический мониторинг переписи. М., 2011.
 12. Перепись–2010. Окончание. Национальный состав населения. URL: <http://www.zemfort1983.livejournal.com/24091.html>.

13. Попова Е. В. Бесермяне: проблемы статистического учета // Этнологический мониторинг переписи. М., 2011.
14. Резолюция 1171 (1998) Культура уральских национальных меньшинств под угрозой. URL: http://www.suri.ee/doc/ru/reso_1171.html
15. Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие. М., 2011.
16. Сивкова Анна. Призыв к «этнической мобилизации»// Республика. 2012. 16 февраля.
17. Сюни Р. Г. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен. М., 2011.
18. Тишков В. А. Как делаются провокации (по поводу положения финно-угорских народов России) // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 59 (январь-февраль).
19. Шабает Ю. П. Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм? // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007.
20. Шабает Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.

МЕТОДИКА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

М. Е. Петухова, И. А. Симулина

Фольклорные прецедентные тексты в практике обучения русскому языку как иностранному

УДК 808.2 (076)

В статье рассматриваются вопросы изучения и интерпретации русских фольклорных текстов на уроках русского языка как иностранного. Отмечается фразеологический потенциал русской сказки, и выделяются группы фразеологизмов, созданных на базе сказок. Анализируется возможность комплексного изучения народных сказок и пословиц; описываются типы заданий, направленных на расширение лексического запаса и приобретение экстралингвистических знаний реципиентами-инофонами.

Ключевые слова: лингвокультурология, интерпретация, фольклор, прецедентный текст, сказка, фразеологизм, пословица, адаптация, методика обучения РКИ

M. Petuhova, I. Simulina. Folklore Precedent Texts of teaching Russian as a foreign language

The article is devoted to the problems of analysis and interpretation of Russian folklore texts in practice of teaching Russian as a foreign language. Using the material of Russian fairy tales the authors examine the phraseological potential of Russian fairy tales and the groups of phraseological units based on fairy tales. We also analyze the possibility of integrated study of folk fairy tales and proverbs and describe the types of exercises for enriching vocabulary and acquirement of extralinguistic knowledge by foreign students.

Key words: Cultural linguistics, interpretation, folklore, precedent text, fairy tale, phraseological unit, proverb, adaptation, method of teaching Russian as a foreign language.

В последнее время в лингводидактике всё больше внимания уделяется культурологическим аспектам обучения иностранным языкам, необходимости одновременно с изучением языка знакомить студен-

тов с культурным фоном данного языка. Это связано с общеевропейскими требованиями обучения иностранному языку, которые изложены в проекте «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» (Common European Framework of Reference for Languages). Только знакомства с грамматическим строем языка, с его лексическим составом и владения речевыми навыками недостаточно. Главная цель современного обучения – коммуникативная компетенция, которая невозможна без социокультурных знаний. В этой связи овладение приёмами лингвокультурологического прочтения и анализа текстов является одной из задач обучения.

При анализе учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному многие исследователи отмечают, что культурологический материал в рассматриваемых учебниках можно тематически разделить на четыре основные группы:

- информация о Российской Федерации как государстве, сведения о российских городах и о выдающихся деятелях русской культуры, науки или спорта;
- описание жизни в России, народных традиций, праздников, данные о системе образования и т. п.;
- информация, относящаяся к межчеловеческой коммуникации и манерам: что принято и что не принято в рамках общения в данной языковой среде;
- различные формы народной словесности: сказки, песни, басни, стихотворения, скороговорки, пословицы, поговорки и другие.

При этом последняя группа представлена не так широко, как хотелось бы. В учебных пособиях по РКИ русский фольклор представлен пословицами, поговорками, загадками и легендами. Однако в большинстве учебников практически не встречается жанр сказки, хотя он даёт богатейший материал для знакомства с русской культурой. Включение в процесс изучения русского языка как иностранного материала русских народных сказок позволяет лучше понять средства выражения изучаемого языка, характер мышления народа, его национальное своеобразие. Более того, в русских сказках можно найти образное выражение понятий общепринятого нормативного поведения. Использование русских народных сказок на занятиях по русскому языку даёт возможность построить учебный процесс, направленный на овладение не только грамматикой и лексикой, но и на постижение базовых элементов национальной культуры народа, что позволит учащимся выйти на уровень межкультурного диалога и ориентироваться в различных ситуациях общения. Русские народные сказки обладают богатым потенциалом не только фольклорной лексики, но и реалий русской жизни.

«Фольклорный текст – это закодированное сообщение, понимание которого требует дополнительных знаний» [5:4]. Отсюда следует, что одним из ведущих принципов в процессе обучения иностранному языку является принцип культуросообразности.

Фольклорная сказка является подлинным источником страноведческой и лингвокультурологической информации. Изучать сказку невозможно без учёта её национального своеобразия, которое определяется множеством компонентов: историей народа, его жизнью, бытом, традициями, обычаями, верованиями, условиями труда, своеобразием языка.

Среди всего многообразия русских народных сказок принято выделять следующие группы:

- сказки о животных;
- волшебные сказки;
- бытовые сказки.

Считаем, что целесообразно знакомство с русскими народными сказками начинать со сказок о животных, поскольку они наиболее просты и доступны для понимания и в языковом, и в содержательном аспектах. Бытовые же сказки тесно связаны со знанием реалий старинного русского жизнеустройства: бытового уклада, традиций и т. д. На начальном этапе обучения учащиеся еще не владеют необходимым фоновым материалом. Волшебные сказки содержат большое количество персонажей и явлений, для объяснения которых недостаточен лексический запас студентов начального этапа обучения. Сказки наполнены лингвокультурологическими единицами, известными с детства каждому носителю языка, но представляющими огромную трудность для иностранных учащихся: *Баба Яга, Царевна Несмеяна, Колобок, шапка-невидимка, сапоги-скороходы, богатырский конь, избушка на курьих ножках* и другие.

Многие русские сказки представлены в разных редакциях. В зависимости от уровня владения языком студентами целесообразно выбирать оптимальный вариант. При этом учитывается количество устаревших и разговорных слов, безэквивалентной лексики, фольклорных устойчивых оборотов. Но даже при выборе наиболее приближенного к современному литературному языку варианта необходима адаптация текстов. При этом степень адаптированности должна соответствовать уровню аудитории: с одной и той же сказкой можно работать на разных этапах обучения, выбирая редакции разной степени адаптации.

Интересно сравнить разные варианты русской народной сказки «Лиса и журавль»

1 редакция (в обработке А.Н.Толстого)	2 редакция	Вариант, адаптированный для начального этапа обучения
Лиса с журавлём подружились. Вот вздумала лиса угостить журавля и пошла звать его к себе в гости: – Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу! Пошёл журавль на званный пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчует: – Покушай, голубчик-куманёк, сама стряпала. Журавль стук-стук носом по тарелке. Стучал, стучал – ничего не попадает! А лисица лижет себе да лижет кашу, так всё сама и съела. Кашу съела и говорит: – Не обессудь, куманёк. Больше потчевать нечем. Журавль ей отвечает: – Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости. На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил крошку, наклал в	Подружилась лиса с журавлём и пригласила его в гости. – Приходи, дружок, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу! Идёт журавль на званный пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и угощает: – Покушай, дружок! Сама стряпала. Журавль стучал, стучал носом по тарелке, ничего в рот не попадает! А лисица лижет себе да лижет кашу, так всю сама и съела. – Не сердись, любезный! – говорит. – Больше есть нечего. – Спасибо, лиса, и за это! Приходи ко мне в гости. На другой день приходит лиса к журавлю, а журавль приготовил крошку, на-	Лиса и журавль подружились. Решила лиса угостить журавля и позвала его в гости. Пришёл журавль в гости, а лиса сварила манную кашу и размазала её по тарелке. Подала и говорит: – Кушай, я сама готовила. Журавль стучит, стучит клювом по тарелке, а в рот ничего не попадает. А лиса лижет кашу, так всё сама и съела. Съела кашу и говорит: – Не обижайся, журавль! Больше кормить нечем. Журавль отвечает: – Спасибо. Приходи и ты ко мне в гости. На другой день пришла лиса к журавлю в гости, а он приготовил суп, налил в кув-

кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит: – Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать. Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдёт, и этак, и лизнёт его, и понюхает-то – никак достать не может: не лезет голова в кувшин. А журавль клюёт себе да клюёт, пока всё не съел. – Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем. Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла – не солоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось! С тех пор и дружба у лисы с журавлём врозь.	ложил в кувшин с узким горлышком, поставил на стол: – Кушай, лисонька! Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдёт и этак, и лизнёт, и понюхает, да съесть ничего не может – не лезет голова в кувшин. А журавль между тем всю крошку съел и говорит: – Ну всё, лиса! Больше угощать нечем. Рассердилась лиса, думала, что на неделю наестся, а сама ушла несолоно хлебавши. На этом у них и дружба с журавлём кончилась. Как аукнулось, так и откликнулось!	шин с узким горлышком, поставил на стол и говорит: – Кушай, лиса. Больше нечем тебя угощать. Лиса хотела попробовать суп, но голова в кувшин не лезет. Ходила, ходила она вокруг стола, так ничего и не попробовала. А журавль опустил в кувшин длинный клюв и ест. Съел всё и говорит: – Не обижайся, лиса: кушать больше нечего. Но лиса обиделась. Хотела хорошо покушать, а домой пошла голодная. С этого времени лиса и журавль не дружат.
--	--	---

Работая с текстом, преподаватель должен учитывать уровни адаптации: лексический и грамматический. На начальном этапе обучения все предъявляемые слова и конструкции в тексте должны быть понятны учащимся. Обращаясь к анализируемой сказке, можно отметить, что первый вариант (в обработке А. Н. Толстого) является наиболее сложным, т. к. концентрация фольклорных элементов в нём наибольшая. А третий адаптирован нами для слушателей подготовительного отделения с учётом уровня их подготовки.

Адаптируя текст, мы принимали во внимание, во-первых, выбор лексических средств. При замене обычно выбирается доминанта си-

нонимического ряда, т. к. эта лексема является нейтральной, стилистически немаркированной и наиболее употребительной. Она передаёт самое общее значение ряда и вследствие этого наиболее проста для толкования и понимания. Например, *стряпала – готовила; не обесчудь – не сердись – не обижайся; взяла досада – рассердилась – обиделась; потчевать нечем – есть нечего – кормить нечем* и другие. Нередко в качестве варианта используются контекстные синонимы, т. е. слова, не принадлежащие в лексической системе языка к одному синонимическому ряду, но сближающиеся в условиях контекста. Для их сближения достаточно лишь понятийной соотнесенности. Вследствие их функциональной эквивалентности замена одного слова другим не ведет к утрате смысла. Например, *куманёк – любезный – журавль; на званый пир – в гости*. В качестве контекстных синонимов могут также выступать слова, находящиеся в гипо-гиперонимических отношениях (одно слово называет род, выступающий в роли гиперонима, а другое – вид, представляющий гипоним по отношению к роду). Например, *окрошка – суп*.

Во-вторых, при адаптации текста сказки отдаётся предпочтение более простым морфологическим формам (*лиса с журавлём – лиса и журавль*) и синтаксическим конструкциям, характерным для современного русского литературного языка. И прежде всего необходимо обратить внимание на выражение предикатов. Например, *пошла звать – позвала; лижет себе да лижет – лижет*.

Русская народная сказка представляет собой концентрацию всего культурного богатства, создававшегося веками русским народом в образной и выразительной живой речи. Вместе с тем русская народная сказка, с ее особой поэтикой, с ее специфической «традиционно сложившейся и консервативной образно-символической системой, насыщенная культурно-историческими, этнографическими и стилистическими лакунами, представляет особую трудность для восприятия и интерпретации иноговорящими коммуникантами» [7:57]. Это проявляется и в лексическом своеобразии сказки, и в её фразеологическом богатстве. Как правило, в устной речи русский человек часто использует образные средства выражения, в том числе фольклорного происхождения. Сказка обладает широким фразеологическим потенциалом. Многие фразеологизмы современного русского языка возникли на базе фольклорных произведений, в частности на базе сказок. Проанализировав фразеологизмы данной этимологии, можно выделить три наиболее продуктивные группы фразеологических единиц:

– ФЕ, созданные на основе сказочных формул и выражений (*по щучьему веленью – ‘чудесным образом, само собой’; за тридевять*

земель, в тридевятом царстве – ‘очень далеко’; молочные реки и кисельные берега – ‘1) сказочное изобилие, сытая и привольная жизнь, символ достатка и благополучия; 2) символ несбыточного, невероятного’; горючими слезами обливаться – ‘горько, безутешно плакать’ и т. д.);

– ФЕ, связанные со сказочными персонажами (*царевна Несмеяна* – ‘серьёзная, задумчивая женщина, которую трудно рассмешить; тихоня, скромница’; *жар-птица* – ‘о чём-либо очень желанном, но трудно достижимом’; *Лиса Патрикеевна* – ‘о хитром, двоедушном человеке, обманщике’; *Кощей Бессмертный* – ‘1) о злом, жадном, скупом человеке; 2) о крайне худом человеке’; *Баба Яга (Костяная нога)* – ‘о злой, сварливой и безобразной старой женщине’ и т. п.);

– ФЕ, связанные с предметами сказочного быта (*ковёр-самолёт, скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, шапка-невидимка* и т. д.)

В русских народных сказках отражена мудрость всего русского народа, выражается это великое наследие в пословицах и поговорках. «Пословица, – пишет исследователь фольклора В. П. Аникин, – не просто изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и с мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетие, переходя из века в век» [1:3].

Интересным представляется изучение фольклорных прецедентных текстов, в частности сказок и пословиц и поговорок в их взаимодействии и взаимосвязанности. Компиляция двух жанров – сказки и пословицы – традиционна для русского фольклора. Неслучайно говорят: «Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок». И этот «урок» часто можно сформулировать в виде краткого и ёмкого изречения. Результатом «сгущения» русских народных сказок нередко являлись пословицы и поговорки. Выражение, включённое в текст сказки, первоначально не воспринималось как устойчивый оборот, но постепенно, прирастая смыслом, входило в речевой обиход в качестве пословицы или поговорки. Например, народная шутливо-ироническая поговорка *Кому корешки, а кому вершки* ‘о несправедливом, неравном дележе чего-либо’ берёт начало в сказке «Мужик и медведь».

Обращаясь к сказкам, можно обнаружить их отличие от любого литературного произведения: отбор речевых средств в сказке не выражает индивидуального авторства рассказчика. Поскольку в сказке почти нет авторских отступлений, прямой авторской оценки действий и характеров героев, выразить эту оценку помогают пословицы, которые являются отражением общенациональных представлений о том,

что хорошо, а что плохо, т. е. наивной языковой картины мира. Эти пословицы могут содержаться в самом тексте сказки и являться своеобразным выводом. Например, в уже рассмотренную нами сказку «Лиса и журавль» включена пословица *Как аукнется, так и откликнется*. В ней представлено обобщение сюжета сказки с многовековым опытом народа и заключён «урок» для будущих поколений.

Встречаются также примеры русских народных сказок, названия которых уже представляют собой пословицы. В данном случае мораль сказки даётся не в виде заключительного вывода, а как начальный тезис, который иллюстрируется и доказывается самой сказкой. Например, сказки «У страха глаза велики», «За дурной головой ногам работа». В последнем случае старый вариант пословицы *За дурной головой ногам работа* заменяется другим вариантом и в современном употреблении звучит как *Дурная голова ногам покоя не даёт*.

Несмотря на тесную взаимосвязь, которую можно проследить между народной сказкой и пословицей, текст сказки чаще не включает в себя пословицу. В этом случае представляется логичным и оправданным намеренное соединение двух фольклорных жанров, т. к. они дополняют друг друга и позволяют вскрыть глубинную сущность фольклорного текста. Как показывают примеры, изучение сказок и пословиц в комплексе не противоречит фольклорной традиции. Однако в учебных материалах по РКИ подобного объединения двух фольклорных жанров не наблюдается. Но, на наш взгляд, этот опыт был бы интересен, продуктивен и оправдан всей историей развития фольклорных текстов. При работе с фольклорными текстами в подобном русле велика роль преподавателя. В его задачу входит поиск и подбор пословиц и поговорок, отражающих суть и мораль сказок, предлагаемых инокультурным реципиентам. Например, русскую народную сказку «Золотая рыбка», сюжет которой был положен в основу сказки А. С. Пушкина, можно изучать в комплексе с пословицей *За большим погонишься – и малое потеряешь*; сказку «Теремок» – с пословицей *В тесноте, да не в обиде*. При наличии нескольких синонимических вариантов пословиц, которые могли бы быть использованы в комплексе с изучаемой сказкой, выбирается наиболее употребительный. Например, к сказке «Репка» могут быть подобраны следующие пословицы: *Один в поле не воин* и *В одиночку биться не годится*; к сказке «Колобок» – *И на старуху бывает проруха* и *На всякого мудреца довольно простоты*. Более распространёнными и известными являются первые пословицы, поэтому именно они и предлагаются в качестве вывода.

Занятия, посвящённые работе с фольклорными текстами, должны строиться на текстоцентрическом принципе. Текстовый материал

должен быть снабжен комплексом заданий – предтекстовыми и притекстовыми вопросами репродуктивного или продуктивного типа. Послетекстовые задания должны быть направлены на проверку понимания текста как на уровне значений, так и на уровне смысла. Отметим, что к некоторым фрагментам должны предлагаться трансформационные вопросы, которые позволяют не только оценить текстовую ситуацию, но и предположить её дальнейшее развитие и результат.

Работа на занятиях со студентами-иностранцами, направленная на выявление взаимосвязи сказки с пословицей, может вестись в двух направлениях:

1. От пословицы к сказке. В предтекстовых заданиях к сказке предлагается пословица. На этом этапе необходимо устранить лексические трудности, т. е. дать дословный перевод каждого слова пословицы. По прочтении сказки учащиеся должны догадаться о значении пословицы и ответить на вопрос, почему данная пословица употреблена в начале текста (заглавие, эпиграф, зачин и т. д.). Преподаватель знакомит иностранных студентов со сферой употребления пословицы и просит учащихся смоделировать речевые ситуации, в которых могли бы быть использованы эти пословицы.

2. От сказки к пословице. Пословица предъявляется в конце сказки как вывод. Лексическая и грамматическая работа, связанная с объяснением и анализом пословицы, представлена в послетекстовых заданиях. Устранив лексические трудности, преподаватель предлагает студентам проанализировать содержание сказки и объяснить, как связаны между собой содержание сказки и пословица.

При этом второй вариант предлагаем на начальном этапе обучения, когда студентам трудно самостоятельно вскрыть внутренний смысл пословицы, а первый вариант – с предъявлением пословицы до прочтения сказки – на продвинутом этапе обучения. Выполнение подобной задачи требует от учащегося большего творческого потенциала, способности восстановить культурные процессы, нашедшие отражение в фольклорных текстах. Однако следует учитывать, что подобное отнесение данных вариантов работы к разным этапам изучения языка условно. Преподаватель выбирает ту или иную форму работы в зависимости от общего образовательного и культурного уровня студенческой аудитории.

В работе с фольклорными текстами преобладают задания лексического, страноведческого, лингвокультурологического характера; грамматические задания немногочисленны, что обусловлено целью занятия. Например, могут быть предложены следующие модели упражнений:

– предлагается несколько пословиц с их последующим разбором. При этом предпочтение отдаётся выражениям с более прозрачной внутренней формой. Учащиеся должны выбрать из этого ряда ту пословицу, которая связана со сказкой и передаёт её главную мысль;

– найти свои национальные соответствия русским пословицам, сравнить их и указать на сходства и различия прецедентных текстов разных культур;

– подобрать национальную сказку, которая могла бы служить иллюстрацией для той или иной русской пословицы. Предлагаются пословицы с универсальной, общенациональной парадигмой ценностей.

В результате, в процессе выполнения заданий решается ряд задач: расширение словарного запаса студентов, приобретение навыка составления связной устной и письменной монологической речи, а за счет освоения лингвокультурологической информации – предупреждение коммуникативных неудач. Таким образом, происходит усвоение учащимися и тематической лексики, и экстралингвистических знаний.

Лингвокультурологический анализ текстов русских народных сказок в их взаимосвязи с русскими пословицами, направленный на раскрытие их потенциала, позволяет составить фрагмент национальной языковой картины мира.

-
1. Аникин В. П. Русская народная сказка. М. : Просвещение, 1966.
 2. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
 3. Гавелкова Ленка. Культурологические аспекты обучения иностранным языкам и их реализация в учебниках русского языка как иностранного // Материалы конференции «РКИ в современной образовательной и геополитической парадигме». МГУ, 2010. С. 6–9.
 4. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М. : СЮИТА, 1996.
 5. Кхеребиш М. Лексикографическое описание русских народных сказок в учебных целях : дисс... канд. филол. наук. М., 2007.
 6. Матвеев В. Э. Лингвокультурологический потенциал экранизированных русских народных сказок в преподавании русского языка как иностранного // Материалы конференции «РКИ в современной образовательной и геополитической парадигме». МГУ, 2010. С. 23–26.
 7. Подручная Л. Ю. Интерпретация пространства и времени волшебной сказки в процессе обучения русскому языку как иностранному // Известия КГТУ. 2007. № 12. URL. http://www.klgtu.ru/science/magazine/2007_12/

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Бозрикова Светлана Алексеевна – аспирант кафедры литературы Балашовского института Саратовского государственного университета (Саратов)

Заикина Ольга Николаевна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка Волгоградской Академии МВД России (Волгоград)

Иванова Ирина Ивановна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек, Кыргызстан)

Казакова Карина Ацамазовна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар)

Катермина Вероника Викторовна – д-р филол. наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар)

Кожемякин Евгений Александрович – д-р филос. наук, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород)

Лыткина Оксана Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного социального университета (Москва)

Люсый Александр Павлович – канд. культурологии, старший научный сотрудник Российского института культурологии (Москва)

Петухова Мария Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары)

Плотникова Лариса Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород)

Позднякова Елена Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного университета им. И.И. Ползунова (Барнаул)

Сердюк Алла Михайловна – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой общего языкознания и славянской филологии Бердянского государственного педагогического университета (Бердянск, Украина)

Симулина Ирина Алексеевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары)

Фалилеев Александр Евгеньевич – канд. культурологии, доцент, заместитель декана факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (Саранск)

Филонов Евгений Анатольевич – аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Шабает Юрий Петрович – д-р ист. наук, профессор, зав. сектором этнографии Института языка, литературы, истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар)

Шаркова Юлия Владимировна – аспирант кафедры философии Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (Саранск)

Якушина Наталья Владимировна – канд. социол. наук, доцент, Государственный университет – учебно-научный-производственный комплекс (Орел)

Периодическое издание

**ЧЕЛОВЕК
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ**

*Научно-образовательный
и методический журнал*

№ 3 (5) / 2012

Редактор *Л. Н. Руденко*. Корректор *И. В. Шевелева*
Компьютерный макет *А. Е. Ергакова*

Подписано в печать 04.07.12. Формат 60х84 ¹/16. Тираж 300 экз.
Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 11,1. Уч. изд. л. 10,7. Заказ № 55.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 11.РЦ.09.953.П.001215.12.09 от 01.12.2009 г.

Редакционно-издательский отдел
Коми государственного педагогического института
167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 25